

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-10-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-10-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Зигмантович Д.С. Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе (на примере синтаксических особенностей речей французских политиков)	1
Кузнецова Е.М. Ономапы-окказионализмы как черта японской разговорной речи	11
Ли Ц. История исследования Петербургского мифа в Китае классического периода литературоведения	20
Зыкова Г.В., Цзоу С. Три русских перевода одного стихотворения Ай Цина как явления русской поэзии трех эпох	33
Павлов Д.Н. Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и You-Tube	44
Данилина О.В., Сафронова А.А. Использование тематической презентации как аудиовизуального лингвокультурологического средства изучения языка	59
Фан Х., Садченко В.Т. Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики)	72
Иордани Н.П. О некоторых средствах выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв.	81
Гурушкин П.Ю., Корнеева К.В. Искусственный интеллект в медиакommunikациях и творческих профессиях: угрозы и возможности	91
Кириллов Д.В. Исследование ресентимента в медиакommunikативном пространстве: возможности и ограничения	102
Купцова И.А., Владимирова Т.Н. Текст массовой коммуникации в современном медиакультурном пространстве	111
Дорский А.Ю., Ма С. Добродетели конфуцианской философии в современных связях с общественностью	119
Ян Л. Сравнительное исследование способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках	133
Тимофеева М.Н., Федюрко А.А. Нейминг персонажей в компьютерно-игровом дискурсе как фактор развития транслингвальности и транскulturности в мире (на материале игры Genshin Impact)	142
Коробейникова Ю.С. Художественное пространство в фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны»	153
Мельдианова А.В., Богдановский Г.В. Лингвистические особенности англоязычных текстов по гражданской авиации	165
Серебрякова З.А., Чимитова И.З. Отражение характера межнациональных отношений в литературе Бурятии	173
Фан Ц. Китайская современная научно-фантастическая литература: перевод и принятие в России	181
Англоязычные метаданные	197

Contents

Zigmantovich D.S. Destabilizing factors in simultaneous interpreting (using the example of oral syntactic features in speeches delivered by French politicians)	1
Kuznetsova E.M. Onomatopoeia-occasionalisms as a feature of Japanese colloquial speech	11
Li J. History of the study of the Petersburg Myth in China in the classical period of literary studies	20
Zykova G.V., Tszou S. Three translations of one poem by Ai Qing as representations of the three epochs in Russian poetry	33
Pavlov D.N. Narrative strategies of Media discourse: motivating content of TikTok and YouTube visual platforms	44
Danilina O.V., Safronova A. The use of thematic presentation as an audiovisual linguocultural means of language learning	59
Fang H., Sadchenko V.T. The concept "Fear" in the Russian dialects of the Amur region (based on the material of verbal vocabulary)	72
Iordani N. On Some Means Expressing Imperative Semantics in Middle Russian Business and Household Documents of the 16th – 17th Centuries	81
Gurushkin P.Y., Korneeva K.V. Artificial intelligence in media communications and creative professions: threats and opportunities	91
Kirillov D.V. Research of resentment in the media communication space: opportunities and limitations	102
Kuptsova I.A., Vladimirova T.N. The text of mass communication in the modern media cultural space	111
Dorskii A.Y., Ma X. The Virtues of Confucian Philosophy in Modern Public Relations	119
Yang L. Comparative study of the ways of euphemisms formation in Russian and Chinese languages	133
Timofeeva M.N., Fedyrko A.A. Naming of characters in computer game discourse as a factor in the development of translingualism and transculturality in the world (based on the material of the game Genshin Impact)	142
Korobeinikova Y.S. The artistic space in the fantastic story with the prerequisites of O.I. Senkovsky's fantasy "Satan's Big Exit"	153
Mel'dianova A.V., Bogdanovskii G.V. Linguistic peculiarities of English civil aviation texts	165
Serebryakova Z.A., Chimitova I.Z. Reflection of the nature of interethnic relations in the literature of Buryatia	173
Fan T. Chinese Modern Science Fiction Literature: Translation and Acceptance in Russia	181
Metadata in english	197

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зигмантович Д.С. Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе (на примере синтаксических особенностей речей французских политиков) // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71636 EDN: VWKRYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71636

Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе (на примере синтаксических особенностей речей французских политиков)

Зигмантович Дарья Сергеевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель; Высшая школа перевода; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, —

✉ dashazigmantovich@mail.ru[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.9.71636

EDN:

VWKRYB

Дата направления статьи в редакцию:

30-08-2024

Дата публикации:

06-09-2024

Аннотация: Устный синхронный перевод – это один из самых сложных видов когнитивно-коммуникативной деятельности. Такие факторы, как одновременность процессов восприятия исходной информации и процессов порождения высказывания на языке перевода, многоканальность поступающих на обработку данных, высокая скорость выполнения переводческих действий и др., диктуют необходимость подготовки профессиональных переводческих кадров для обеспечения качественного устного синхронного перевода. Это, в свою очередь, указывает на важность определения критериев, которые нужно учитывать при отборе речевого материала для поэтапного освоения техники устного синхронного перевода в соответствии с порядком возрастания сложности выполнения переводческих задач. Предметом исследования настоящей

статьи выступают факторы, влияющие на оперирование информацией в процессе осуществления устного синхронного перевода и воплощенные в индивидуальных синтаксических особенностях речи оратора, обуславливающих ее переводимость. Эти особенности, как и ряд других переменных, оказывают влияние на процесс и результат синхронного перевода: либо они выступают как дестабилизирующие факторы в работе переводчиков, либо они способствуют осуществлению более полного и качественного перевода. Автор анализирует синтаксические особенности, присущие речам двух президентов Французской Республики – Н. Саркози и Ф. Олланда. В статье проводится сравнительный анализ письменных текстов и звучащих речей, а также лингвистический анализ текста для выявления примеров синтаксических особенностей из речей политиков и описания того, какое влияние они могут оказать на деятельность переводчиков. Автор статьи пришел к выводу, что анализ характерных политическим выступлениям особенностей может помочь при отборе материала: аутентичных речей на начальном этапе освоения техники устного синхронного перевода и для отработки и автоматизации тех или иных навыков на более продвинутом уровне или при отборе речевого материала для организации интенсивного тренинга в языковой комбинации «французский – русский». Результаты проведенного исследования могут быть использованы при изучении текстов, продуцируемых другими ораторами и/или в других языковых комбинациях. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут найти применение в учебно-педагогической деятельности, а также в переводческой практике при подготовке к тем или иным мероприятиям.

Ключевые слова:

устный перевод, устный синхронный перевод, синтаксис, синтаксические особенности, дестабилизирующий фактор, речевая компрессия, дидактика устного перевода, оратор, французский язык, французский политический дискурс

Введение

Устный синхронный перевод (далее – УСП) – это один из самых сложных видов когнитивно-коммуникативной деятельности. Его отличает от других разновидностей перевода целый ряд факторов: высокий темп восприятия, обработки и воспроизведения поступающей информации; одновременное восприятие речи на языке оригинала и порождение речи на языке перевода; однократный характер предъявления оригинала; ограниченность объема перерабатываемых данных; работа в условиях дефицита времени и при наличии стрессогенных факторов.

Посредничество устных синхронных переводчиков сегодня необходимо в ходе осуществления многоязычной коммуникации на различных мероприятиях: конференциях, саммитах, форумах, круглых столах, выставках и т. д. При этом с точки зрения тематики, в отношении которой требуется перевод, никаких ограничений нет. Это может быть военное дело, политика, здравоохранение, судебное дело, кинематограф, наука и образование, торговое дело и др. С первых дней своего существования устный синхронный перевод востребован именно в области международной политики: первые курсы по внедрению УСП в деятельность международных институтов были открыты в Международной организации труда в 1928 году [\[1, с. 140-143\]](#); первые соответствующие крупномасштабные эксперименты касались вопросов политики, мира, безопасности и дипломатии [\[2, с. 172; 3, с. 21\]](#) (речь, в частности, идет о проведении Нюрнбергского

процесса в 1939-1945 гг.). Существование политической повестки, а также тот факт, что синхронные переводчики оказываются основными акторами межъязыкового посредничества и обеспечивают устную коммуникацию в сфере политики в ситуации многоязычия, обуславливают важность исследования влияющих на УСП факторов, его особенностей и механизмов сквозь призму именно политического дискурса.

Проведенные эксперименты, а также сама практика устного синхронного перевода показали, что в речах политиков существуют элементы дестабилизирующего характера, которые оказывают влияние на оперирование информацией в процессе перевода [\[4; 5; 6; 7; 8; 9\]](#).

Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе

В устном синхронном переводе решающую роль для процесса и результата перевода играют «участники коммуникации, использующие знаки» [\[8, с. 238\]](#). Отметим, что элементы УСП как «системной интеллектуальной деятельности человека» связаны друг с другом системными отношениями. Работа синхронных переводчиков, как непосредственных участников этой системы, подвержена воздействию со стороны ряда внешних факторов: информационных, психологических, технологических, исторических, экономических, этических, эстетических и др. [\[11, с. 18-19\]](#). Ораторы и особенности их речи также оказывают значимое влияние на процесс, результат и качество перевода. К факторам, которые могут дестабилизировать деятельность переводчика, в частности, относятся: просодические особенности речи; синтаксические особенности речи; лексико-стилистические особенности речи; личное отношение к тематике; обстоятельства выступления.

Обратимся к определению понятия «дестабилизирующий фактор». Дестабилизирующий фактор – это такой элемент наличной ситуации, который нарушает устойчивый ход того или иного процесса или явления [\[12, с. 254\]](#). В отношении устного синхронного перевода дестабилизирующие факторы в виде наличия в политических выступлениях индивидуальных особенностей просодического, синтаксического и лексико-стилистического характера влияют на оперирование информацией в процессе УСП и обуславливают переводимость / непереводимость этих речей.

В настоящем исследовании автор покажет, каким образом индивидуальные синтаксические особенности, присущие речам франкоязычных политиков, могут дестабилизировать (осложнить) или оптимизировать (облегчить) работу с информацией при осуществлении УСП. Для достижения данной цели мы осуществили анализ синтаксических особенностей, характерных выступлениям французских ораторов.

Синтаксические особенности речи ораторов как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе

Работа с синтаксическими особенностями выступлений тех или иных ораторов часто лежит в основе систем упражнений, направленных на отработку, совершенствование и автоматизацию навыков устного синхронного перевода [\[13; 14; 15; 16 и др.\]](#). Дидактика устного перевода сегодня активно развивается и дополняется различного рода исследованиями теоретического и практического характера.

Определение присущих тем или иным ораторам синтаксических особенностей речи – ряды однородных членов предложения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, простые и / или сложные синтаксические конструкции, повторы, риторические

вопросы и др. – помогает в выявлении характерных выступающим коммуникативных параметров [17].

Исследование осуществлялось на материале речей двух французских политиков – президентов Французской Республики: Николя Саркози (2007-2012) и Франсуа Олланда (2012-2017).

В результате анализа было установлено, что оба политика используют в своих речах большое число сложных предложений: в основном это сложноподчиненные предложения с различными связями (уступки, цели, следствия, причины и др.) с такими союзами, как *que, qui, parce que, car* и *pour que*. Вместе с этими союзами в подавляющем большинстве случаев употребляются такие глаголы, как например, *croire, être convaincu, (vouloir, devoir) dire, savoir, falloir, souhaiter, penser, voir, considérer, démontrer, évoquer, regretter, rappeler, être conscient, affirmer* и другие.

Речам французских ораторов присуще анафорическое повторение «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» [18, с. 110], благодаря чему задается нужный эмоциональный фон, что очень важно в политическом дискурсе для оказания должного воздействия на мнение аудитории и для формирования желаемого отношения к описываемой в речи проблеме. Для значительной экономии времени синхронные переводчики могут прибегнуть к речевой компрессии, сократив объем текста на языке перевода за счет сжатия дублирующих друг друга элементов речевой цепи и не утратив смысловое содержание оригинала, и обеспечить тем самым максимально возможную полноту и точность перевода [19, с. 37; 20, с. 6; 5; 21; 6, с. 83]. Однако иногда, если того требует сама ситуация перевода, переводчик должен перевести конструкцию столько же раз, сколько она прозвучала в речи для оказания релевантного воздействия на аудиторию.

Н. Саркози использует анафорические конструкции чаще, чем Ф. Олланд, и в большей степени это справедливо в отношении речей, с которыми политик выступал, обращаясь к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (отметим, что целый ряд примеров был также найден в речи, с которой политик выступал в университете в Дакаре):

Анафорическая конструкция	Пример
«Je veux dire au nom de la France que <...>» (выступление Н. Саркози на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2007) Перевод: «Я хочу сказать от имени Франции, что <...>» (перевод наш – Д. З.).	« Je veux dire au nom de la France que cette crise ne sera résolue <...>. Je veux dire, au nom de la France, qu' à la volonté de puissance <...>. Je veux dire au nom de la France qu' il n'y aura pas de paix, <...>».
«On ne peut pas attendre pour < . . . > » (выступление Н. Саркози на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2008) Перевод: «Мы не можем	« On ne peut pas attendre pour faire la paix <...>. On ne peut pas attendre pour lutter contre le terrorisme. On ne peut pas attendre pour conjurer la crise alimentaire <...>. On ne peut pas attendre pour préparer le monde de l'après-pétrole, <...>. On ne peut pas

ждать, нужно <...>» (перевод наш – Д. З.).	attendre pour moraliser le capitalisme financier».
« <i>Voilà/Voici (donc) soixante ans que <...></i> » (выступление Н. Саркози на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2011) Перевод: «Вот уже шестьдесят лет <...>» (перевод наш – Д. З.).	« Voilà donc soixante ans que les Palestiniens attendent leur État. <...> Voilà soixante ans qu’Israël souffre de ne pas pouvoir vivre en paix. Voici soixante ans que la question de la coexistence pacifique des deux peuples <...>».

В речах Ф. Олланда также было найдено несколько интересных примеров анафорических конструкций, причем это в основном относится к обращениям к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций:

Анафорическая конструкция	Пример
« <i>Qu’avons-nous appris <...> ?</i> » (выступление Ф. Олланда на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2015) Перевод: «Что мы узнали <...> ?» (перевод наш – Д. З.).	« Qu’avons-nous appris ces derniers jours et ces dernières semaines ? C’est que le HCR n’avait plus les moyens d’assurer <...> le soutien <...>. Qu’avons-nous appris ? Que le Programme alimentaire mondial n’avait pas les moyens d’assurer <...> le niveau de subsistance et d’alimentation indispensable. Qu’avons-nous appris ? ».
« <i>L’enjeu, c’est (donc) de <...></i> » (выступление Ф. Олланда на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2016) Перевод: «Наша цель заключается в <...>» (перевод наш – Д. З.).	« L’enjeu, c’est donc de répondre aux besoins <...>. L’enjeu, c’est de permettre aux pays africains de <...>. L’enjeu, c’est de réduire les déplacements de populations, <...>».

В первом из приведенных выше примеров оратор сокращает второй и третий вопрос, оставляя при этом только начало фразы.

Следующей синтаксической особенностью, присущей речам французских политиков, является трехчастная конструкция – «синтаксический ряд из трех однородных членов предложения или трех простых предложений» (см. подробнее диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук «Устный политический дискурс: факторы переводимости», 2021). Составляющие этих конструкций могут быть либо синонимами (и тогда синхронные переводчики могут прибегнуть к упомянутой выше речевой компрессии и перевести лишь один из трех компонентов), либо косвенно или напрямую относясь к одной теме, передавать разные значения (в таком случае синхронные переводчики должны перевести каждый из трех компонентов конструкции).

В своих выступлениях французские ораторы отдают предпочтение первому варианту (в большей степени Ф. Олланд) – компоненты трехчастных конструкций синонимичны:

Трехчастная конструкция	Перевод	Комментарий
«<...> c'est la volatilité, l'instabilité, l'incertitude <...>» (речь Ф. Олланда в Давосе, 2015).	«<...> речь идет об изменчивости, нестабильности, неопределенности <...>». (перевод наш – Д. З.).	Значение «изменчивости» => «речь идет об изменчивости ».
«<...> qu'il n'y ait pas d'autre voie que le dialogue, que la coopération, que la concertation, <...>» (пресс-конференция Ф. Олланда с премьер-министром Японии С. Абэ, 2014).	«<...> чтобы не было другого пути, кроме диалога, сотрудничества, согласованности действий <...>» (перевод наш – Д. З.).	Значение «сотрудничества» => «чтобы не было другого пути, кроме сотрудничества ».
«<...> l'Amérique et la France ont toujours été côte à côte, elles se sont soutenues, elles se sont aidées <...>» (обращение Н. Саркози к Конгрессу США, 2007).	«<...> Америка и Франция всегда были рядом друг с другом, поддерживали друг друга и помогали друг другу <...>» (перевод наш – Д. З.).	Значение «оказания помощи» => «Америка и Франция всегда помогали друг другу ».
« L'alliance, la compréhension, la convergence entre la première économie d'Europe et la deuxième économie d'Europe» (пресс-конференция Н. Саркози с канцлером Германии А. Меркель, 2012).	« Союз, понимание и общность позиций между первой и второй экономическими державами Европы» (перевод наш – Д. З.).	Значение «схожести во взглядах» и «партнерства» => « Взаимопонимание между первой и второй экономическими державами Европы».

Н. Саркози обычно отдает предпочтение перечислению однородных членов предложения (более трех), которые не всегда связаны общим смыслом:

Трехчастная конструкция	Перевод
« C'est la science et c'est la technologie et c'est l'innovation qui permettront à nos deux peuples <...>» (выступление Н. Саркози в Индии, 2010).	«Именно наука, технологии и инновации позволят нашим двум народам <...>» (перевод наш – Д. З.).
«<...> les Français ont peur pour leurs économies, peur pour leur emploi, peur pour leur pouvoir d'achat » (выступление Н. Саркози в Тулоне, 2008).	«Французы боятся за свои сбережения, за свою работу и покупательную способность <...>» (перевод наш – Д. З.).
«<...> elle [cette solution] créera des violences, des amertumes et	«Это решение приведет к появлению насилия, мучительных

des oppositions <...>» (выступление Н. Саркози на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2011).	переживаний и противостоянию <...>» (перевод наш – Д. З.).
--	---

Еще одной особенностью французского политического дискурса, которая выступает дестабилизирующим фактором в устном синхронном переводе, является наличие вставных конструкций: ораторы, не закончив развитие той или иной идеи, вставляют в свою речь другую фразу, которая косвенно связана с главной мыслью. Данная конструкция выступает барьером для синхронного переводчика и создает дополнительные сложности, так как происходит «разрыв» начала и конца предложения (см. подробнее диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук «Устный политический дискурс: факторы переводимости», 2021).

Вставные конструкции были обнаружены в основном в выступлениях Ф. Олланда:

Вставная конструкция	Комментарий
«Nous avons saisi cette occasion, même si nous nous sommes quittés il y a peu, puisque la dernière fois c'était à Bruxelles, et nous avons eu depuis plusieurs conversations téléphoniques. Mais nous avons convenu que cette rencontre pouvait être aussi l'occasion d'aborder d'autres sujets d'actualité» (пресс-конференция Ф. Олланда с канцлером Германии А. Меркель, 2015). Перевод: «Мы воспользовались этой возможностью, даже если наши пути разошлись недавно, поскольку в последний раз мы виделись в Брюсселе, и с тех пор мы провели ряд телефонных переговоров, но мы согласились, что эта встреча также может стать возможностью обсудить и другие текущие вопросы» (перевод наш – Д. З.).	Вставная конструкция составляет 25 единиц.
«Mais ce dont je suis sûr – parce que j'ai cette expérience d'élu et parce que j'ai cette responsabilité qui est la mienne aujourd'hui avec conscience de notre Histoire qui est la nôtre, ce dont je suis sûr, c'est que <...>» (выступление Ф. Олланда в Париже, 2012). Перевод: «Но в чем я уверен – поскольку у меня есть этот опыт выборного должностного лица и поскольку я несу эту ответственность, лежащую на мне сегодня, с осознанием нашей истории, которая принадлежит нам, – я уверен в том, что <...>» (перевод наш – Д. З.).	Вставная конструкция составляет 26 единиц.

Выводы

Синтаксические особенности исходных речевых произведений оказывают непосредственное воздействие на процесс и результат устного синхронного перевода, на работу устных синхронных переводчиков. Ненагруженные предложения снимают нагрузку с памяти переводчиков, а также позволяют применять речевую компрессию. Кроме того, знание особенностей речей выступающих может оказать влияние на возможность прогнозирования воспринимаемой информации. Использование ораторами

«типичного» синтаксиса способствует минимизации смысловых ошибок в устном синхронном переводе.

Исследование синтаксических особенностей речи исходных речевых произведений позволяет установить дестабилизирующие факторы в работе переводчиков (к числу которых относятся, например, вставные конструкции), что особенно важно и актуально на начальном этапе освоения техники устного синхронного перевода. Наряду с не соответствующей логике высказывания паузации и высоким темпом речи эти дестабилизирующие элементы могут отрицательно сказаться на качестве и точности перевода. Знание синтаксических (а также просодических и лексико-стилистических) особенностей речи ораторов представляет собой перспективную область для последующих исследований и дает возможность разработке новых упражнений, что очень важно для оптимизации подготовки переводчиков к УСП как комплексной разновидности когнитивно-коммуникативной деятельности.

Библиография

1. Baigorri-Jalón J. From Paris to Nuremberg: The birth of conference interpreting / Translated by H. Mikkelsen and B. Slaughter Olsen. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 277 p.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. Матасов Р. А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 2. С. 18-34.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения переводу на слух. М: Изд-во Института международных отношений, 1959. 190 с.
5. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
6. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
7. Barik H. C. A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology. University of North Carolina at Chapel Hill, 1969. 349 p.
8. Gerver D. The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters, 1969 // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker and M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 2002. P. 53-66.
9. Oléron P., Nanpon H. Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris), 1965 // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker and M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 2002. P. 43-50.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
11. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2018. № 1. С. 17-40.
12. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
13. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. 3-е изд. М.: Р. Валент, 2005, 192 с.
14. Погодин Б. П. Опыт преподавания синхронного перевода. М.: Р. Валент, 2018. 271 с.
15. Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский. СПб.: Перспектива, Юникс, 2014. 187 с.

16. Чиркина М. И. Практикум по синхронному переводу с английского языка на русский. М.: Р. Валент, 2011. 192 с.
17. Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 232 с.
18. Анищенко Г. А. Литературный справочник: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012. 176 с.
19. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский / перевод с английского. М.: Р. Валент, 1999. 272 с.
20. Полуян И. В. Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2011. 112 с.
21. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 208 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что «устный синхронный перевод – это один из самых сложных видов когнитивно-коммуникативной деятельности. Его отличает от других разновидностей перевода целый ряд факторов: высокий темп восприятия, обработки и воспроизведения поступающей информации; одновременное восприятие речи на языке оригинала и порождение речи на языке перевода; однократный характер предъявления оригинала...». В связи с этим, новые научные изыскания вполне оправданы и необходимы. Статья имеет законченный вид, ее основная цель достигнута, задачи – решены, практический характер работы оправдан. Суждения, варианты тезисов объективны и верифицированы: например, «Речам французских ораторов присуще анафорическое повторение «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» [18, с. 110], благодаря чему задается нужный эмоциональный фон, что очень важно в политическом дискурсе для оказания должного воздействия на мнение аудитории и для формирования желаемого отношения к описываемой в речи проблеме. Для значительной экономии времени синхронные переводчики могут прибегнуть к речевой компрессии, сократив объем текста на языке перевода за счет сжатия дублирующих друг друга элементов речевой цепи и не утратив смысловое содержание оригинала, и обеспечить тем самым максимально возможную полноту и точность перевода...», или «следующей синтаксической особенностью, присущей речам французских политиков, является трехчастная конструкция – «синтаксический ряд из трех однородных членов предложения или трех простых предложений» (см. подробнее диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук «Устный политический дискурс: факторы переводимости», 2021). Составляющие этих конструкций могут быть либо синонимами (и тогда синхронные переводчики могут прибегнуть к упомянутой выше речевой компрессии и перевести лишь один из трех компонентов), либо косвенно или напрямую относясь к одной теме, передавать разные значения (в таком случае синхронные переводчики должны перевести каждый из трех компонентов конструкции)» и т.д. Материал для анализа подобран конструктивно, с учетом актуальных позиций в рамках политического дискурса: «исследование осуществлялось на материале речей двух французских политиков – президентов Французской Республики: Николя Саркози (2007-2012) и Франсуа Олланда (2012-2017)». Сопоставительный тон выдержан в рамках всей работы, собственно это и является новизной данного труда, это и актуализирует исследование для заинтересованной аудитории. Вариант сравнений речей двух «значимых» политиков

Франции последних лет оправдан, полновесен, вероятно все же, значим. Табличный вид / стабилизация визуальности наработанных данных в формате лингвистических работ, на мой взгляд, действенна. Методы анализа «живой речи» актуальны, оправданы, точны; серьезных разночтений не выявлено, базовые требования издания учтены. Автор в финале приходит к выводу, что «исследование синтаксических особенностей речи исходных речевых произведений позволяет установить дестабилизирующие факторы в работе переводчиков (к числу которых относятся, например, вставные конструкции), что особенно важно и актуально на начальном этапе освоения техники устного синхронного перевода. Наряду с не соответствующей логике высказывания паузации и высоким темпом речи эти дестабилизирующие элементы могут отрицательно сказаться на качестве и точности перевода. Знание синтаксических (а также просодических и лексико-стилистических) особенностей речи ораторов представляет собой перспективную область для последующих исследований и дает возможность разработке новых упражнений, что очень важно для оптимизации подготовки переводчиков к УСП как комплексной разновидности когнитивно-коммуникативной деятельности». Итог, думаю, соотносится с базовой частью, при этом как таковой вывод «открыт», т.е. исследования в смежных тематических областях возможны и оправданы. С учетом сказанного могу отметить, что рецензируемая статья «Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе (на примере синтаксических особенностей речей французских политиков)» интересна, полезна, практически направлена, ее можно рекомендовать к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузнецова Е.М. Ономатопы-окказионализмы как черта японской разговорной речи // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71586 EDN: CETKFP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71586

Ономатопы-окказионализмы как черта японской разговорной речи

Кузнецова Елена Михайловна

преподаватель; кафедра японского языка; Институт стран Востока

117418, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23

✉ amateur-artist@mail.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71586

EDN:

CETKFP

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2024

Дата публикации:

18-09-2024

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию ономатопов-окказионализмов в японской разговорной речи. Будучи подвижной системой, отличающейся непринуждённостью, экспрессивностью и прямой связью с контекстом, разговорная речь допускает нарушение языковых правил, характерных для кодифицированного литературного языка. Ономатопозитические слова, небольшие по своей форме, но способные описать одновременно множество значений, активно используются в японской разговорной речи, в том числе в виде своих окказиональных вариантов, таким образом делая речь более яркой и насыщенной образами. Японские ономатопы нередко участвуют в процессе словотворчества, однако тема ономатопов-окказионализмов подробно не разбиралась, что обуславливает научную новизну предпринятого исследования. В качестве объекта исследования выступают ономатопозитические слова японского языка. Предметом исследования являются их окказиональные варианты. На

примерах высказываний из повседневных диалогов японцев анализируются особенности употребления ономатопоэтических слов: рассматриваются их окказиональные варианты на разных языковых уровнях и описываются возможные причины выбора именно этих форм. В ходе проведённого исследования было установлено, что окказиональность японских ономатопов может проявляться на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В разговорной речи японцы могут использовать в ономатопоэтических словах нехарактерные для японского языка звуки, значительно удлинять гласные и согласные звуки. Употребляются также необычные сложения ономатопоэтических корней, а также некоторые ономатопоэтические корни, оканчивающиеся на долгий гласный, способны присоединять геминату. Кроме того, было выявлено, что некоторые ономатопоэтические слова, выполняя в предложении функцию определения, могут присоединять к себе нехарактерный для них аффикс полупредикативных прилагательных «-на». Автор приходит к выводу, что данные приёмы позволяют добиться большей эмоциональности и красочности высказывания, привлечь к нему внимание собеседника, а также в более сжатом виде передать желаемую информацию.

Ключевые слова:

японский язык, ономатопоэтические слова, окказионализм, разговорная речь, словотворчество, неологизм, заимствование, семантический анализ, лексикология, некодифицированная лексика

Введение

Разговорная речь обладает рядом отличительных характеристик, среди которых наиболее часто исследователи выделяют её неформальный и непринуждённый характер, тесную связь с контекстом, а также импровизационный тип реализации, связанный с неподготовленностью разговорной речи [\[1, стр. 18\]](#). Несмотря на наличие определённых норм, разговорная речь благодаря выше перечисленным свойствам более свободно допускает нарушение языковых правил нежели кодифицированный литературный язык, в связи с чем в ней часто можно заметить употребление окказиональных образований. Использование подобных сочетаний преследует несколько целей: восполнение нехватки языковых средств, экономию речевых усилий за счёт упрощения номинации и создание определённого эмоционального фона [\[2, стр. 7\]](#).

Употребление окказиональных слов и неологизмов характерно и для лексического уровня японской разговорной речи, причём в процессе словотворчества могут быть задействованы как заимствованные слова *гайрайго* («гугуру» — «гуглить», где «гугуру» является японским произношением компании Google, а также вместе с этим «-ру» является глагольным аффиксом), так и собственно японские слова *ваго* («оси» — «любимчик», от яп. «осу» — «рекомендовать»), и даже в некоторых случаях китаизмы *канго* («тю:нибё:» — «синдром восьмиклассника», от яп. «тю:гакко:-но нинэнсэй» — «ученик второго года обучения средней школы» и «бё:ки» — «болезнь») [\[3, стр. 93\]](#). В последствии некоторые из них могут даже закрепиться в языке. Ономатопоэтические слова также широко употребляются в разговорной речи и благодаря своей краткой форме и способности передавать одновременно различные виды ощущений делают речь более насыщенной образами.

Актуальность и научная новизна предпринятого исследования состоит в том, что тема

японских ономатопов-окказионализмов не разбиралась подробно исследователями. Многие отмечают, что ономатопы участвуют активно в словотворческом процессе и способны образовывать новые сочетания самыми различными способами [\[3, стр. 114; 4, стр. 197; 5, стр. 49\]](#), однако более детальному описанию этого явления в разговорной речи внимания не уделялось.

Цель нашего исследования — рассмотреть типы ономатопов-окказионализмов в японской разговорной речи, выявить причины их употребления. В качестве объекта исследования выступают ономатопозитические слова японского языка. Предметом исследования являются их окказиональные варианты. В качестве фактического материала приводятся примеры высказываний японцев из видеороликов на видеохостинге youtube.com, а также отрывки из японского телешоу Love is Blind и отдельные сообщения японцев в социальных сетях.

Основная часть

Прежде чем описывать окказиональные варианты ономатопов, встречающиеся в разговорной речи, следует перечислить общие способы их образования. В качестве одной из наиболее распространённых моделей образования ономатопозитических слов выступают различные виды редупликации [\[6, стр. 300-301; 7, стр. 50-51\]](#). Повторяться может как весь корень целиком, так и его часть («*потопото*» и «*потопо*» о продолжительном падении каплеобразных предметов); сам корень может быть односложным или чаще двусложным («*гу:гу:*» о глубоком сне и «*гусугусу*» о заложенном носе). Ещё одной распространённой моделью является добавление форманта «-ри» к двусложному ономатопозитическому корню («*курури*» о вращательном движении), зачастую при этом между двумя частями ономатопозитического корня появляется гемината («*гуттари*» и «*гутари*» об отсутствии сил) [\[6, стр. 302-303\]](#). Помимо форманта «-ри» ономатопозитический корень может завершаться носовым согласным или геминатой («*кусян*» о чихании и «*кукут*» о поглощении жидкости залпом). Некоторые ономатопозитические корни способны присоединять глагольные аффиксы «-цуку», «-мэку» и пр. («*уроцуку*» о бесцельном брожении и «*соёмэку*» о шелесте) [\[8, стр. 25; 9, стр. 119\]](#). Х. Оцубо описывает также более редкий способ образования, которым является сложение двух ономатопозитических корней («*цурупика*» о чём-то гладком и от того блестящем, от ономатопов «*цуруцуру*» о чём-то гладком и «*пикапика*» о блеске и сверкании), подобные единицы за счёт своей редкости чаще прочих относят к окказиональным образованиям [\[9, стр. 125-126\]](#).

П. С. Тумаркин отмечает, что ономатопозитические образования довольно часто встречаются в разговорной речи. В первую очередь к таким исследователь относит ономатопозитический корень с глагольными аффиксами, к собственно разговорным единицам (т.е. не входящим в нормативный словарь) относятся онматопы с аффиксом «-ру» («*дэбуру*» о ком-то толстом или «*мофуру*» о прикосновении к чему-то пушистому, от «*дэбудэбу*» и «*мофумофу*», соответственно). Иногда встречается сложение ономатопозитического корня и основы *ваго* («*метябомэ*» — «захвалить», от онматопы «*мэтякутя*» о чём-то чрезмерном и беспорядочном и глагола «*хомэру*» — «хвалить») [\[3, стр. 93, 101; 10, стр. 61-62\]](#).

На примере разобранных нами материала мы можем выделить несколько языковых уровней, на которых появляются окказиональные варианты онматопов: фонетический, морфологический и синтаксический.

На фонетическом уровне обращает на себя внимание употребление звука [b^W], нехарактерного не только для оноματοпоэтических слов, но и для японского языка в целом:

(1) «Икари-га сайко:тё:-ни наттэ, «бва:» ттэ юттэ симау». — «Гнев достигнет своего пика, и я в итоге наору на него» [\[11, 00:01:47\]](#);

(2) «Кабу-кара бват-то хайттэ куру но». — «Они мгновенно вылезают из пенька» [\[12, 7 серия, 00:36:52\]](#).

Н. А. Сыромятников отмечает, что на этапе существования классического японского языка существовали лабиализованные заднеязычные [k^W] и [g^W], употребление которых в позиции перед гласным [a] сохранялось вплоть до XIX в. [\[13, стр. 73-74\]](#), однако в некоторых ономатопах очень редко это явление можно наблюдать и сейчас. Тем не менее, [k] и [g] были единственными согласными, которые подвергались лабиализации и на [b] это явление не распространялось. Можно предположить, что данное сочетание появилось в японском языке под влиянием английского, в котором существует возглас «*bwah*», употребляющийся в самых разных ситуациях, в том числе и при описании раздражения. Мы не можем однозначно утверждать, что произошёл процесс заимствования оноματοпоэтического слова, поскольку это само по себе является крайне редким явлением, особенно когда в языке уже существует онома топ со схожим значением. П. С. Тумаркин пишет, что японская молодёжь, предпочитая использовать в своей речи более привлекательные своей необычностью иностранные слова, быстрее привыкает к нетипичным для японского языка фонетическим сочетаниям и начинает их свободно произносить [\[6, стр. 86\]](#). Следовательно, скорее всего, речь идёт о заимствовании нехарактерного для японской фонетики звука и его последующей адаптации под конкретные ономатопы, где подобный звук был бы уместен. Отметим, что данный звук появляется только в ярко эмоционально окрашенных предложениях как с точки зрения общего смысла высказывания, так и его интонационного рисунка.

Окказиональность японских онома топов на фонетическом уровне может также проявлять себя в ситуации намеренного выделения долгих гласных и согласных звуков. Само по себе удлинение слога не является чем-то необычным, т.к. долгота играет смыслоразличительную роль в японском языке, однако речь идёт о единицах, где для более яркой передачи описываемого состояния гласный или согласный удлиняется в своём произношении в несколько раз:

(3) «Бикккури-сита». — «Я в шоке была» [\[14, 00:01:59\]](#);

(4) «Гохан табэтэтэ мо, дзут-то гэ:му тока, дзууут-то, хонто дзуууут-то гэ:му-ситэру кара, самисий ё нэ». — «Он всё время играет в игры, даже когда ест. Всё время, он реально постоянно играет, поэтому мне грустно» [\[11, 00:07:38\]](#).

При употреблении онома топов с настолько выраженными долготами усиливается эмоциональный фон высказывания, показывается, насколько сильно говорящий переживает описываемое событие. Онома топ «бикккури» из примера (3) зачастую описывает удивление, однако форма с подчеркнuto удлинённым согласным показывает, что событие было шокирующим для говорящего. Кроме того, таким образом говорящий может сконцентрировать внимание собеседника на описываемых ономатопах состояниях, подчеркнуть их важность. Особенно это заметно в примере (4), где онома топ «дзут-то» повторяется три раза, при этом сначала он произносится совершенно

спокойно, а в следующие два раза с подчёркнуто долгим гласным (в третий раз звук длиннее, чем во второй).

На морфологическом уровне на себя обращают нестандартные по своей форме ономаины, которые, в сущности являясь неологизмами, постепенно стали употребляться большим количеством людей. К таким относится, например, «*бонкюббон*»:

(5) «*Бонкюббон ва сайко: дэс*». — «*90-60-90* — это лучший вариант» [\[15, 00:02:38\]](#).

Данное слово сравнительно недавно появилось в японском языке и вошло в повседневную речь молодёжи. Корень «*бон*» указывает на нечто большое и плотное, а корень «*кют*», наоборот, описывает нечто тонкое (в контексте внешности — подтянутое тело). В результате их соединения получилось ономаинопозитическое слово, описывающее параметры фигуры женщины 90-60-90, при которых у неё большая грудь, осиная талия и широкие бёдра.

К несколько иному типу относится ономаин «*фувафу:*»:

(6) «*Фувафу:-ситэ митэ*». — «Попробуй *подуть*» [\[16, 00:00:05\]](#).

Можно было бы предположить, что перед нами нестандартный вариант частичной редупликации, однако такое сложно представить в ситуации, когда долгота встречается во втором, а не в первом, из редуплицированных слогов. Кроме того, ономаин «*фувафува*» может описывать процесс лёгкого покачивания, но не само дуновение, в отличие от «*фу:фу:*», имитирующего сильное выдувание воздуха. Скорее всего, перед нами сложение ономаинопозитических корней «*фува*» и «*фу:*», в результате которого описывается одновременно и действие, производимое человеком (дуновение), и его результат (покачивание волосков одуванчика). Употребление подобных ономаинов можно объяснить экономией языковых средств: желая описать явление с нескольких сторон восприятия, японец может соединить части разных ономаинов в одно новое слово.

Помимо основосложения в разговорной речи можно встретить и окказиональные образования с геминатой:

(7) «*Сирой итиго ттэ сукоси фува-то ситтяу, ва:т-то хирогэттяу. Корэ тётто амаса-га кют-то наттэ, тян-то тодоку*» - «[Вкус] белой клубники «взрывается» и распространяется по всему рту. Но сладость этой клубники более прицельная и хорошо достигает вкусовых рецепторов» [\[17, 00:17:28\]](#);

(8) «*Ия, дзу:т-то хитори нан дэ, ни дзю: иссай гурай токи-кара дзут-то хитори нан дэс ё*» - «Нет, я уже долгое время один, где-то с двадцати одного года я уже долго ни с кем не встречаюсь» [\[18, 00:02:25\]](#).

В данных примерах нас больше всего интересуют ономаины «*ва:т-то*» и «*дзу:т-то*», поскольку употребление геминаты в ономаинопозитическом слове, если его корень заканчивается на долгий гласный, встречается очень редко. Ономаины в данных примерах являются вариантами тех же самых ономаинов только без долгого гласного («*ват-то*» и «*дзут-то*», соответственно), поэтому, скорее всего, удлинение гласного здесь носит эмфатический характер.

В плане синтаксических связей на себя обращают внимание ономаины, которые в роли определения присоединяют к себе аффикс полупредикативных прилагательных «*-на*»,

что является очень редким вариантом употребления. Оговоримся, что онома топы могут выступать в качестве полупредикативных прилагательных в японском языке, однако чаще это достигается другими способами (с помощью аффикса «-яка»). Аффикс «-на», хоть и является типичным способом введения в предложение полупредикативного прилагательного в позиции определения, не употребляется обычно с онома топоэтическими корнями, однако мы можем обнаружить подобные примеры в разговорной речи:

(9) «*Ваку-на о-сирасэ тоттэмо таносими-ни ситэмас!*» - «Я очень жду радостной новости!»;

(10) «*Юккури-на хито на но*». — «Я не особо расторопный человек» [\[12, 4 серия, 00:29:02\]](#).

Отметим, что хоть онома топ «ваку» или его редулицированная форма «вакуваку» ещё может периодически встречаться с аффиксом «-на» в различных заголовках видео или записей в блогах («*Вакуваку-на тярэндзи-о ситай аната-ни*» — «Для тех, кто хочет бросить себе весёлый вызов» [\[19\]](#) или «*Докидоки, вакуваку-на хару-но сики*» — «Волнительная и радостная весенняя церемония» [\[20\]](#)), то онома топ «юккури» вовсе не находит иных примеров употребления с аффиксом «-на», обычно он вводится в предложение в роли обстоятельства образа действия при помощи форманта «-то». Введение онома топа в предложение при помощи показателей, которым несвойственно употребление с онома топами, может быть продиктовано желанием привлечь внимание собеседника к тому явлению, которое описывается онома топоэтическим словом, сделать смысловой акцент именно на нём.

Заключение

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы относительно окказиональности онома топоэтических слов в японской разговорной речи. Разговорная речь, будучи постоянно развивающейся системой, наиболее легко относится к различным нарушениям норм языка, которые могут проявлять себя в том числе и в онома топоэтических словах. Как правило, нарушение нормы может проходить на фонетическом или морфологическом уровнях, но встречается и на синтаксическом. На фонетическом уровне на себя обращают внимание употребление лабиализованного [b^w], нехарактерного для японского языка, а также эмфатическое удлинение гласных и согласных звуков. В плане морфологии можно отметить использование онома топов, представляющих из себя сложение онома топоэтических корней (некоторые из которых постепенно входят в словарь), а также редкие случаи присоединения геминаты к корню, оканчивающемся долгим гласным. Кроме того, на синтаксическом уровне можно отметить, как некоторые онома топы, выступая в роли определения, вводятся в предложение при помощи несвойственного им аффикса полупредикативных прилагательных «-на».

Употребление перечисленных выше приёмов обуславливается рядом факторов. В первую очередь таким образом повышается общий уровень эмоциональности высказывания и оно становится более красочным, что является неотъемлемым свойством разговорной речи. Благодаря нестандартным с точки зрения словообразования сочетаниям могут заполняться пропуски на месте тех слов, которые отсутствуют в языке, и таким образом желаемое содержание передаётся говорящим в более сжатом виде. Кроме того, использование редких форм онома топов способствует выполнению функции привлечения внимания, при которой слушатель первым делом фокусируется на описываемых онома топами явлениях и состояниях.

Библиография

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1968.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
3. Тумаркин П. С. Лексика, фразеология, жест в японской разговорной речи. М.: Восток – Запад, 2004.
4. Сичинский А. Е. Когнитивные аспекты функционирования японской звукоизобразительной лексики // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 1(1). С. 193-205.
5. Hamano S. The Sound-Symbolic System of Japanese. California: CSLI Publications; Tokyo: Kuroshio Shuppan, 1998.
6. Поливанов Е.Д. По поводу "звуковых жестов" японского языка // Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1990. С. 295-305.
7. Maejima T. Jidai-wo tooshite mita Giseigo-Gitaigo // Tokyo: Nihon Bungaku, 1967. No. 28. Pp. 42-55.
8. Hasada R. The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Canberra: Australian National University, 1994.
9. Otsubo H. Giseigo-no kenkyuu. Tokyo: Meiji-shoten, 1989.
10. Tamori I. Nihongo onomatope-no tougo hanchuu // Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen. Tokyo: Keisou-shoten, 1993. P. 17-75.
11. Who do girls Kill or Keep? Ask japanese girls about BOYS never forgive : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:10:16 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0KKE7OQZ4IM> (дата обращения: 23.08.2024).
12. Love is Blind: Japan : реалити-шоу // Netflix, 8 февраля 2022. 11 серий. URL: <https://www.netflix.com/title/81411891> (дата обращения: 23.08.2024).
13. Сыромятников Н. А. Становление новояпонского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
14. Японка Шеннон призналась мне про своё прошлое. На что в ЯПОНИИ реагируют вообще не так, как в России : видео // Sergey KuvaevJP: канал пользователя Youtube. 00:16:02 (время воспроизведения). URL: https://www.youtube.com/watch?v=Nv73l8_BY30 (дата обращения: 23.08.2024).
15. Do Japanese boys want to date FOREIGNERS in 2023? : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:13:24 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SL5AAkmav80> (дата обращения: 23.08.2024).
16. Bamboo in Kyoto | Go to a Geisha dance show | Vlog : видео // Kimono Mom : канал пользователя Youtube. 00:15:45 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lx6CQf9PVRM> (дата обращения: 23.08.2024).
17. I Tried ALL Types of STRAWBERRIES in JAPAN! *White Strawberry?!?!* : видео // Mikan : канал пользователя Youtube. 00:27:11 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cIdiT71iHYA> (дата обращения: 23.08.2024).
18. Cheating, Love and Japan Relationships: with Sora the Troll : видео // Ask Japanese : канал пользователя Youtube. 00:13:16 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu3Ewc-jQqQ> (дата обращения: 23.08.2024).
19. Wakuwaku-na charenji-wo shitai anata-ni.: видео // Matsuoka Shuzo koushiki Youtube channeru : канал пользователя Youtube. 00:00:32 (время воспроизведения) URL: https://youtu.be/rGHOqISzRx8?si=XTjHbOBe_hZATcJn (дата обращения 22.08.2024).
20. Dokidoki wakuwaku-na haru-no shiki : запись в блоге // URL: <https://yamabato-s.jp/%E3%83%89%E3%82%AD%E3%83%89%E3%82%AD%E3%83%BB%E3%83%AF%E3%82%AF%E3%83%AF%E3%82%AF%E3%81%AA%E6%98%A5%E3%81%AE%E5%BC%8F/> (дата обращения 22.08.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой статьи заключается в рассмотрении разных типов ономатопов-окказионализмов в японской разговорной речи, а также выявление причин их употребления. Автор отмечает, что «в качестве объекта исследования выступают ономатопоэтические слова японского языка, предметом являются их окказиональные варианты». На мой взгляд, выбранная тема соотносится с одной из рубрик издания, противоречий в данной части нет. Актуальность и научная новизна исследования состоит в том, что «тема японских ономатопов-окказионализмов не разбиралась подробно. Многие отмечают, что ономатопы участвуют активно в словотворческом процессе и способны образовывать новые сочетания самыми различными способами, однако более детальному описанию этого явления в разговорной речи внимания не уделялось». Работа полновесна, целостна; методы, которые используются в статье, соотносятся с рядом изысканий лингвистического порядка. Стиль соответствует научному типу: например, «Разговорная речь обладает рядом отличительных характеристик, среди которых наиболее часто исследователи выделяют её неформальный и непринуждённый характер, тесную связь с контекстом, а также импровизационный тип реализации, связанный с неподготовленностью разговорной речи [1, стр. 18]. Несмотря на наличие определённых норм, разговорная речь благодаря выше перечисленным свойствам более свободно допускает нарушение языковых правил нежели кодифицированный литературный язык, в связи с чем в ней часто можно заметить употребление окказиональных образований», или «в качестве одной из наиболее распространённых моделей образования ономатопоэтических слов выступают различные виды редупликации. Повторяться может как весь корень целиком, так и его часть («потопото» и «потопо» о продолжительном падении каплеобразных предметов); сам корень может быть односложным или чаще двусложным («гу:гу:» о глубоком сне и «гусугусу» о заложенном носе). Ещё одной распространённой моделью является добавление форманта «-ри» к двусложному ономатопоэтическому корню («курури» о вращательном движении), зачастую при этом между двумя частями ономатопоэтического корня появляется гемината («гуттари» и «гутари» об отсутствии сил)» и т.д. Цитаты даются в выверенном формате, серьёзная правка излишня. Материал имеет практическую направленность, его можно использовать при изучении ряда гуманитарных вузовских дисциплин. В работе достаточно примеров, они аналитически разобраны: «В первую очередь к таким исследователь относит ономатопоэтический корень с глагольными аффиксами, к собственно разговорным единицам (т.е. не входящим в нормативный словарь) относятся ономатопы с аффиксом «-ру» («дэбуру» о ком-то толстом или «мофуру» о прикосновении к чему-то пушистому, от «дэбүдэбу» и «мофүмофу», соответственно). Иногда встречается сложение ономатопоэтического корня и основы ваго («метябомэ» — «захвалить», от ономатопа «мэтякутя» о чём-то чрезмерном и беспорядочном и глагола «хомэру» — «хвалить»)), или «окказиональность японских ономатопов на фонетическом уровне может также проявлять себя в ситуации намеренного выделения долгих гласных и согласных звуков. Само по себе удлинение слога не является чем-то необычным, т.к. долгота играет смыслоразличительную роль в японском языке, однако речь идёт о единицах, где для более яркой передачи описываемого состояния гласный или согласный удлиняется в своём произношении в несколько раз: (3) «Бикккури-сита». — «Я в шоке была»; (4)

«Гохан табэтэтэ мо, дзут-то гэ:му тока, дзуут-то, хонто дзууут-то гэ:му-ситэру кара, самисий ё нэ». — «Он всё время играет в игры, даже когда ест. Всё время, он реально постоянно играет, поэтому мне грустно» и т.д. Цель работы достигнута, поставленные задачи решены. Выводы по тексту соотносятся с основной частью, автор отмечает, что «разговорная речь, будучи постоянно развивающейся системой, наиболее легко относится к различным нарушениям норм языка, которые могут проявлять себя в том числе и в ононапоэтических словах. Как правило, нарушение нормы может проходить на фонетическом или морфологическом уровнях, но встречается и на синтаксическом. На фонетическом уровне на себя обращают внимание употребление лабиализованного [bw], нехарактерного для японского языка, а также эмфатическое удлинение гласных и согласных звуков...», «Благодаря нестандартным с точки зрения словообразования сочетаниям могут заполняться пропуски на месте тех слов, которые отсутствуют в языке, и таким образом желаемое содержание передаётся говорящим в более сжатом виде. Кроме того, использование редких форм ононапопов способствует выполнению функции привлечения внимания, при которой слушатель первым делом фокусируется на описываемых ононапами явлениях и состояниях». Библиографический список достаточен; думаю, что работа может стать неким импульсом для формирования новых исследований смежно-тематической направленности. Рекомендую статью «Ононапы-окказионализмы как черта японской разговорной речи» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Ц. История исследования Петербургского мифа в Китае классического периода литературоведения // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71661 EDN: CDUTTK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71661

История исследования Петербургского мифа в Китае классического периода литературоведения

Ли Цзялинь

аспирант; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Саларьевская, 16к3, кв. 437

✉ 18729379981@163.com



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71661

EDN:

CDUTTK

Дата направления статьи в редакцию:

08-09-2024

Дата публикации:

18-09-2024

Аннотация: В статье рассматриваются этапы и основные направления исследований петербургского мифа в Китае с восьмидесятых годов XX века по первое десятилетие XXI века. Санкт-Петербург возник в особый период социального и культурного развития России и представляет собой особую культурную совокупность многих культур, отражающую противоречия и конфликты исторического пути России. Уникальные культурные особенности Петербурга привели к формированию его собственной мифологической системы. История изучения петербургского мифа в Китае насчитывает более 20 лет, но в отличие от исследовательской ситуации в России, изучение петербургского мифа в Китае прошло через несколько этапов. Конец XX века по начало XXI века являются классическим этапом изучения петербургского мифа в Китае, который также является начальным этапом. Объектом статьи являются китайские работы,

посвященные петербургскому мифу и петербургским текстам в этот период. В статье обобщаются специфические характеристики Петербургского мифа в Китае. Методы исследования – текстологический анализ, исторические и сравнительные исследования, позволяющие выделить и проанализировать петербурговедение в Китае на основе конкретных и общих исследований. Основные выводы данного исследования обобщают ситуацию и особенности китайских исследований на тему петербургских мифов с 1980 по 2010 гг., а также демонстрируют уникальность китайских изучений. Основными особенностями этого этапа исследований являются знакомство и интерес китайских ученых к теоретическому изучению русской школы мифологии в конце XX века, в течение которого были официально изучены теоретические основы петербургских городских мифов. В этот же период начались исследования взаимосвязи русской литературы с религиозной духовностью и народной мифологией. Второй этап – первое десятилетие XXI века, когда литература, связанная с Петербургом, стала изучаться как единое целое, а мифологические символы в этих произведениях стали интерпретироваться целенаправленно. Термины «петербургский миф» и «петербургский текст» официально появились в китайских научных кругах. К 2010 году первичный этап китайских исследований петербургского мифа завершился, и они перешли на более глубокий уровень. Новизна исследования заключается в детальном изучении путей и способов исследования Петербургского мифа в Китае, и презентации этого материала в России.

Ключевые слова:

Петербургский миф, Петербургский текст, Юрий Михайлович Лотман, Владимир Николаевич Топоров, Петербургская литература, Московско-тартуская семиотическая школа, Санкт-Петербург, Миф, мифология, семиология

Введение

Петербург возник и развивался в особое время общественного и культурного развития России, в нем слились многие культуры запада востока и отразились противоречия и конфликты исторического развития России. Уникальный человеческий и культурный характер Петербурга, отличающий его от других городов, привлекает к нему не одно поколение людей разных стран. Как любой другой влиятельный город мира, Петербург имеет не только свой "язык", но и свою мифологию. В русской литературе Петербург всегда был предметом пристального внимания писателей. С момента рождения, тема Петербурга прошла через процесс возникновения, становления и развития, и было много мастеров петербургской литературы. О нем писали писатели М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Лев Толстой Андрей Белый, Е.И. Замятин, Б.А. Пильняк, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам и другие, творчества которых отразила Петербург как миф. В России также постепенно сложилась традиция изучения Петербургского мифа.

Китайская школа начала изучение этого мифа в 80-х годах XX века. По мере того, как в Китае продолжается политика реформ и открытости, область гуманитарных и социальных наук стала свидетелем огромной волны культурного поворота примерно в 2010 году. С переводом на китайский язык работ западных, в основном европейских, теоретиков литературы, взгляды и объекты литературоведения в китайской науке претерпели заметное изменение и поворот. В это время изучение петербургского мифа в Китае также вступило в совершенно новый период и этап. Данная статья посвящена

классическому периоду изучения петербургского мифа в Китае до культурного сдвига.

Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы понять полноту, перспективы исследования, глубину исследования и направления исследования современных китайских исследований петербургского мифа, что имеет большое значение для будущих исследований по этой теме.

Практическая значимость темы заключается в том, чтобы помочь нам углубить понимание Петербургского мифа с разных точек зрения, прояснить основу и этап китайских исследований на тему Петербургского мифа, а также лучше представить особенности исследований Петербургского мифа в Китае.

Теоретическая база данного исследования основана на семиотическом исследовании петербургских мифов, проведенном семиотиками В.Н. Топоровым и Ю. М. Лотманом. В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман впервые предложили культурно-семиотическую концепцию «петербургского текста» в 1984 году в 18-м томе Собрания сочинений по знаковым системам. С тех пор эта тема не только вошла в поле зрения российских ученых, но и стала объектом исследования китайских ученых. Кроме того, работа В.Н. Топорова о русской религиозной культуре и национальном духе стала одним из важнейших источников для исследований китайских ученых.

Задача данной темы заключается в том, чтобы обобщить исследования и изучение Петербургского мифа в Китае с 80-х годов XX века до начала XXI века, определить пути и направления китайских исследований по этой теме, а также показать своеобразие исследования петербургского мифа в Китае.

Материалы исследования включают опубликованные журнальные статьи, магистерские и докторские диссертации, посвященные Петербургскому мифу и Петербургскому тексту в Китае, а **методы исследования** - текстологический анализ, исторические и сравнительные исследования, позволяющие выделить и проанализировать петербурговедение в Китае на основе конкретных и общих исследований.

Обсуждение и результаты

1. Петербургский миф в России

В России понятие "Петербургский миф" рассматривается как культурный термин, обозначающий явление, через которое определяется культурная идентичность Петербурга. В частности, под Петербургским мифом понимается совокупность мифов и легенд, связанных с городским или культурным пространством Петербурга или связанной с ним литературой, в которых может быть представлен образ Петербурга. [\[26\]](#)

В России исследования, направленные на изучение петербургского мифа, начались в 1920-х годах. Концепция петербургского мифа исследуется учеными с разных точек зрения, включая литературоведение, философию, историографию и фольклор. Главенство в этой области по праву принадлежат В.Н. Топорову и Ю. М. Лотману. Исследования Петербургского мифа, проведенные Ю. М. Лотманом и В.Н. Топоровым, заложили прочный теоретический фундамент для темы Петербургского мифа. В 1984 году в «Трудах по знаковым системам» соавторы В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман впервые познакомили читателей с "петербургским текстом" как понятием семиотики культуры. Введение понятия "Петербургский текст" объединило культурное пространство Петербурга в огромную символическую систему, полную смыслов, что не только связало петербургский миф с литературой, семиотикой, историей и даже философией, но и

позволило искать единство и неизменность и даже литературную парадигму, стоящую за произведениями на петербургскую тематику. В.Н. Топоров глубоко изучил Петербургский текст с точки зрения семиотики, выделил ряд основных черт Петербургского текста, составил специфическую классификацию Петербургских текстов, на основе которой глубоко исследовал литературные произведения на Петербургскую тему таких авторов, как Пушкин, Гоголь, Белый, Блок, Ахматова, Достоевский и других.

Как культуролог и семиотик, Ю. М. Лотман в изучении Петербургского текста в основном сосредоточился на исследовании механизмов генерации смысла в городском пространстве. Ю. М. Лотман анализирует и обобщает "искусственность" и "театральность" Петербургского пространства.

2. Теоретические основы исследования Петербургского мифа в Китае

Изучение русской литературы с пространственно-временной точки зрения было знакомо китайским ученым задолго до того, как теории Ю. М. Лотмана и В.Н. Топорова вошли в китайский академический мир. Семитомное собрание сочинений М.М. Бахтина, в котором собраны основные результаты исследований ученого, было опубликовано в Китае в 1998 году. Третий том содержит работы о форме времени романа, и хронотоп, подробно и всесторонне представляя китайскому миру теорию М.М. Бахтина о хронотопе. Китайская версия теоретических работ Бахтина дает китайским ученым, даже не знающим русского языка, свежие идеи и методы для изучения русской и мировой литературы.

В 1980-х и 1990-х гг. в Китае в основном представлены теории Лотмана, в том числе «Современная эстетика в СССР» (Линь Цзяо, 1986)(《苏联当代美学》(凌继尧, 1986)), «Эстетика и культура: воспоминания шестнадцати знаменитых эстетиков в СССР» (Линь Цзяо, 1990)(《美学和文化 记苏联著名的16位美学家》(凌继尧, 1990)) и «Введение в теоретическую семиотику» (Ли Юйцю, 1999)(《理论符号学导论》(李幼蒸, 1999)). Среди представительных статей - «Обзор методов современной советской литературы» (У Юаньмая, 1986)(《当代苏联文艺学方法概观》(吴元迈, 1986)), «Структурная литература и искусство Ю.М. Лотмана» (Сунь Цзиньюня, 1989) (《洛特曼的结构文艺学》(孙静云, 1989)) и «Тартуская школа вступает в период подведения итогов» (Чжоу Цичао, 1994)(《“塔尔图学派”进入总结时期》(周启超, 1994)). В начале XXI века вызвала интерес теория семиотики литературы Ю.М. Лотмана. В книге Чжан Цзе и Кан Чэн «Структурная семиотика литературы и искусства» (2004)(《结构文艺符号学》(张杰、康澄, 2004)), первой монографии по теории семиотики литературы Ю. М. Лотмана в Китае, систематически исследуются и интерпретируются его теории, сосредоточенные на художественных текстах, на основе исторического изучения методов исследования Ю. М. Лотмана. Со второй половины первого десятилетия XXI века Китайские теоретические исследования Ю. М. Лотмана постепенно обратились к семиотике культуры. В этот период было опубликовано большое количество научных работ по этому направлению. Среди них следует отметить «Исследование культуры и пространства ее выживания и развития» (Кан Чэн, 2006)(《文化及其生存与发展的空间 洛特曼文化符号学理论研究》(康澄, 2006)), «Исследование теории культурных символических доменов» (Чжэн Вэньдун, 2007)(《文化符号域理论研究》(郑文东, 2007)), «Введение в культурно-символическую поэтику Ю.М. Лотмана» (Чжан Хайян, 2014) (《文化符号诗学引论 洛特曼文艺理论研究》(张海燕, 2014)), «Исследование эстетических мыслей Ю.М. Лотмана» (Ли Вэя, 2017) (《洛特曼美学思想研究》(李薇, 2017)), «Структурная поэтика Ю.М. Лотмана» (Чжан Бин, 2019)(《洛特曼的结构诗学》(张冰, 2019)) и другие. Опубликованные в этот период монографии по семиотике культуры Ю.М. Лотмана в основном были посвящены наиболее важным категориям семиотики культуры, таким как текст, семиосфера и генерирование смысла.

Количество журнальных статей за этот период превышает 300, причем в исследованиях предпочтение отдается основным элементам семиотики культуры Ю.М. Лотмана, включая текст, семиосфера и механизмы генерирования смысла. В отличие от этого, статей, непосредственно связанных с изучением петербургского мифа, не так много. В статье «Семантические оппозиции в петербургских текстах» (《小议“彼得堡文本”中的语义对立》), опубликованной в журнале «Изучение русского языка» в 2009 году, автор Ляо Сюхуэй (廖秀慧), основываясь на исследованиях Ю. М. Лотмана и В.Н. Топорова о петербургских текстах, интерпретировал мифы о Петербурге в трех аспектах: мифы о Петербурге, литературные произведения о Петербурге, и архитектурный облик города. В 2014 году китайский ученый Фу Синьхуан (傅星寰) опубликовал в журнале CSCI «Русская литература и искусство» статью «Первое исследование "Московского текста" и "Петербургского текста" русской литературы» (《俄罗斯文学“莫斯科文本”与“彼得堡文本”初探》), в которой он объяснил возникновение и развитие термина "Петербургский текст", а также дал интерпретацию и анализ исследований Ю. М. Лотмана о нем.

Мифопоэтика В.Н. Топорова до 2010 года почти не обсуждалась и не исследовалась в китайской науке. В 2009 году в статье Ляо Сюхуэй (廖秀慧) «Семантические оппозиции в петербургских текстах» (《小议“彼得堡文本”中的语义对立》) была представлена идея В.Н. Топорова о петербургском мифе. Статья Ляо Сюхуэй (廖秀慧) «Семантические оппозиции в петербургских текстах» (《小议“彼得堡文本”中的语义对立》) («Русские исследования» № 2, 2009), упомянутая выше, стала первым случаем, когда термин "Петербургский текст" был упомянут в китайской науке. Статья «От "текстового пространства" к "модели мира мифопоэтики" - обзор семиотической мысли В.Н. Топорова о художественных текстах» (《从“文本空间”到“神话诗歌世界模式”——托波罗夫艺术文本符号学思想评介》) (Чжао Айгуо, Цзян Хун) (赵爱国、姜宏), опубликованная в издании «Русская литература и искусство» (《俄罗斯文艺》) в 2012 году, в которой систематически представлены основные идеи В.Н. Топорова о семиотике художественных текстов, включая "путь", "мифопоэтическое пространство" и "мифопоэтический хронотоп". В статье также объясняется В.Н. Топорова движение от "текстового пространства" к "пространству созерцания" и, образуется "модель мира мифопоэтической поэзии" как фундаментальная цель художественного текста. В статье высоко оценивается и признается исследование, проведенное В.Н. Топоровым в области мифопоэтики, утверждается, что мифопоэтическая модель мира, предложенная Топоровым следует лингвистическому повороту, достигнутому в философских исследованиях в начале XX века, т.е. повороту от объекта языка к субъекту языка - к человеку говорящему.

В целом, примерно до 2010 года исследование теоретических основ Петербургского мифа в Китае не получило большого развития, систематическая теоретическая система не была полностью изучена. Соответствующие теоретические работы не были переведены на китайский язык.

3. Процесс начального этапа изучения Петербургского мифа в Китае

Этот процесс разворачивался в течение двух-трех десятилетий с конца XX века до начала XXI века. Являясь продуктом определенного культурного периода, миф представляет собой ценное духовное и культурное сокровище нации, поскольку он глубоко укоренен в ее культурной истории. Поэтому петербургский миф не только содержит богатое историческое содержание, но и отражает гуманистический и духовный подтекст Петербурга. Прежде чем по-настоящему исследовать петербургский миф, китайские ученые сначала начали изучать связь между русской литературой и духом православного христианства, русской традиционной культурой и русским фольклором.

К наиболее полным монографиям относятся «Русская литература и религия» (Рен Гуансюань, 1995) (《俄罗斯文学与宗教》(任光宣, 1995)), «Достоевский и дух русской культуры» (Хэ Юньбо, 1997) (《陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神》(何云波, 1997, 长沙)), «Блуждающие души - Достоевский и русская традиционная литература» (Чжао Гуйлянь, 2002) (《漂泊的灵魂——陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文学》(赵桂莲, 2002)), «Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры» (Ван Чжигун, 2003) (《宗教文化语境下的陀思妥耶夫斯基诗学》(王志耕, 2003)) и «Полнота небытия - религиозное сознание в русской литературе» (Цзинь Яна, 2003) (《充盈的虚无——俄罗斯文学中的宗教意识》(金亚娜, 2003)). В этих монографиях анализируются концепции традиционной православной культуры с точки зрения русского национального характера, культурной психологии и естественно-географических факторов, исследуется связь между народной религией и литературой, интерпретируются религиозные и культурные факторы, заложенные в произведениях, и религиозный и культурный дух, стоящий за произведениями.

Среди них стоит упомянуть Хэ Юньбо в монографии «Достоевский и дух русской культуры» (1997) (《陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神》(何云波, 1997)) исследует городскую линию, городской пейзаж и городскую перспективу, богатство произведений Достоевского с точки зрения символизма географического положения Петербурга, анализирует городской пейзаж. Несмотря на то, что термин "Петербургский миф" еще не стал предметом специального исследования, по изучению романов Достоевского, посвященных Петербургу, в китайской науке в той или иной мере уже затронут Петербургский миф.

Наряду с постоянно углубляющимся исследованием отношений между литературой и религией, внимание ученых привлекали и конкретные мифологические образы.

В конце 20-века ученые китайские уже начали обращать внимание на связь между русской литературой, особенно классической, и мифологией. Наибольшее внимание уделялось поэзии А.С. Пушкина. Ученые фокусировали внимание в основном на связи с библейской или греко-римской мифологией и связанными с иными образами Медного Всадника, Дьявола и т.д. В статье «Символика Медного Всадника» (《〈青铜骑士〉的象征和象征主义意蕴》) («Иностранная литература», №1, 1999, Цзинь Яна) (《国外文学》, 1999 年第1期 金亚娜) рассматриваются мифологические образы и сюжеты Медного Всадника в различных аспектах. В статье «Лирическая поэзия А.С. Пушкина и Библия» (《普希金的抒情诗与〈圣经〉》) («Исследования иностранной литературы», №2, 2000) (《外国文学研究》) Чжао Нин (赵宁) подчеркивает скорее метафорический, чем символический характер структурного значения и лингво-риторической функции лирической поэзии А.С. Пушкина по отношению к ее мифологическим источникам. В другой статье того же автора, «А.С. Пушкин и греко-римские мифы» (《普希金与希腊罗马神话》) («Иностранная литература», №1, 2001) (《外国文学》), указывается на многочисленные мифологические эпизоды в сочинениях А.С. Пушкина и анализируются три основных проявления греко-римских мифов в лирических стихотворениях поэта: 1) прямое художественное воспроизведение; 2) мифологический архетип переплетается с эстетическим объектом реальности или истории; 3) мифологический архетип становится устойчивым символическим знаком, который превращается в своего рода самосознательную волю или дух, пронизывающий произведение.

В статье «Трансмутация темы дьявола в русской литературе» (《恶魔主题在俄国文学中的嬗变》) («Журнал Хэнаньского университета» (издание по общественным наукам) (《河南大学学报(社会科学版)》), опубликованной в мае 2001 г.) автор Чжао Нин (赵宁) анализирует связь между темой дьявола и библейскими мифами в русской литературе, а также изменения образа дьявола в разные периоды и у разных писателей.

Ву Цянь(吴倩) в работе «Миф о Петре в «Медном всаднике» А.С. Пушкина»(《普希金的《青铜骑士》中的彼得神话》) (《Литература Времена》 (первое полугодие)(《时代文学》)). 2009, №2) объясняет различные образы с мифологическим подтекстом в поэме "Медный всадник", включая миф о городе Петербурге. В то же время в тексте рассматриваются мифологические краски Медного всадника и его архетипа Петра Великого, а также объясняется тенденция развития мифа о Петре Великом в литературе XX века. В то же время, в статье «Символистский мифологический роман «Петербург» (《象征主义神话小说《彼得堡》》) (《Литература Времена》 (《时代文学》), 2009, №19) автор интерпретирует мифологические элементы и символизм мифологических образов в произведении Андрея Белого «Петербург».

К началу 21-го века литературные произведения, основанные на теме Петербурга в целом, стали привлекать внимание китайских ученых. Ученые начали отмечать уникальность литературных произведений, основанных на теме Петербурга, и стоящее за ними мифы. В центре внимания ученых оказались элементы Петербургского мифа в некоторых классических произведениях, особенно петербургская тема и петербургские элементы в поэзии А.С. Пушкина, которые стали предметом специального изучения. Термин "Петербургский текст" постепенно вошел в научный обиход.

В третьей главе книги «Интерпретация Петербурга» (《解读圣彼得堡》) (Ли Цзижун, «Интерпретация Петербурга» (《解读圣彼得堡》), Шаньдунское издательство Дружба, 2000, с. 115) автор рассматривает литературный Петербург, указывает, что Петербург, наряду с черным морем и Кавказом, представляют собой три основных пространства творческого воображения русских романтиков девятнадцатого века. Среди них Петербург - это "север" русской литературы, лагерь бюрократии и средоточие самодержавия в царскую эпоху, а также "дом" "маленького человека" и "лишнего человека".

Фэн Чуньпин (冯春萍) в статье «В Петербург» (《走进彼得堡》) («Исследования о России» 《俄罗斯研究》, 2001, № 4), посвященной культурному и литературному статусу Петербурга, отмечает, что Санкт-Петербург - это город, полный духа, известный как "культурная столица", где собрались выдающиеся ученые, литературоведы, поэты и художники России того времени. Их весомый вклад не только обогатил сокровищницу российской науки, культуры и искусства, но и сохранил жизненную силу уникальной культурной и художественной атмосферы города, взрастив несколько поколений петербуржцев.

Ян Лэй(杨雷) и Чжу Куймэй(朱翠梅) в своей статье «Образ Санкт-Петербурга в поэзии А.С. Пушкина»(《圣彼得堡在普希金诗歌中的形象》) («Русская литература и искусство»(《俄罗斯文艺》), 2003, № 6,) считают, что Петербург - это город А.С. Пушкина, потому что А.С. Пушкин не только провел здесь треть своей жизни, но и посветил городу много произведений. Петербург у поэта стал не просто городом, а представителем национального духа и воли. Архитектура, пейзаж, традиции этого города стали источником вдохновения для творчества поэта. В стихах о Петербурге можно найти все его эмоции: радость, грусть, удивление, потерю, любовь, ненависть. Город стал частью поэтической души А.С. Пушкина и прославился на весь мир благодаря поэзии великого поэта.

В статье Лу Цюнь (卢群) «Петербург под Ф.М. Достоевским» (《陀思妥耶夫斯基笔下的彼得堡》) («Русская литература и искусство» (《俄罗斯文艺》), №4, 2004) отмечается, что Петербург Ф.М. Достоевского - это болезненное, хаотичное царство, город униженных и оскорблённых людей, город порождающий подпольное сознание человека. Он пишет: "Мрачный и тяжелый Петербург Ф.М. Достоевского - это преломление больного общества и больной

психологии. Он показывает своим читателям все ненормальные и абсурдные явления и разбитые сердца под властью мрака, но его мышление указывает на высшую духовную сферу. Ф.М. Достоевский жаждет социальной гармонии и ясности, основанной на гуманизме, ликвидации изоляции и восстановления связей друг с другом, основанных на любви, избавления от подвалов и перехода к нормальной жизни." [10, с. 25]

В статье «Пейзаж в тумане: Петербург как опыт современности» (《雾中风景: 作为现代性体验的彼得堡》) («Исследования русской литературы» (《俄罗斯文学研究》), № 4, 2005) Чжан Сяодун (张晓东) отмечает, что русская "петербургская литература" XIX - начала XX века действительно воспроизводит противоречия и конфликты процесса модернизации России. Хотя автор не исходит из перспективы мифологического исследования, он объясняет иллюзорность мифологических характеристик Петербурга.

Юй Цзе (余杰) сравнивает Петербург и Москву в статье «Петербург - город памяти» (《彼得堡, 记忆之城》) («Аньхойская литература» (《安徽文学》), 2007, № 7), утверждая, что Москва и Петербург - это двойники, Москва - город реальности, а Петербург - город памяти.

В 2009 году в статье Сунь Чао (孙超) «Анализ петербургских текстов в рассказе Татьяны Толстой «Река Оккервиль»» (《试析托尔斯泰短篇小说《奥凯尔维利河》中的彼得堡文本》), опубликованной в журнале «Литературные исследования» (《文学研究》), обсуждались основные темы "Река Оккервиль" и значение города Петербурга в тексте в соответствии с концепцией "петербургских текстов" В.Н. Топорова.

Как видно, с момента начала исследований петербургской литературы в китайских научных кругах до того момента, когда петербургский миф и петербургский текст были официально определены как объекты изучения, прошло почти десять лет. Китайские ученые потратили десять лет на то, чтобы заложить прочный теоретический фундамент и предоставить богатый текстовый материал для изучения петербургского мифа в Китае. Изучение петербургского мифа в первом десятилетии начала XXI века также заложило основу в более поздний период после культурного поворота.

Заключение

Петербургский миф, как понятие в области литературоведения и культурологии, возник и получил первоначальное изучение в России. В Китае интерес к нему проявился позже, и его исследование прошло несколько этапов и развитий. Знакомство и интересы теоретических изысканий русской мифологической школы в конце XX века, в ходе которых теоретические основы петербургского мифа города формально стали объектом изучения. В тот же период стали изучаться отношения между русской литературой и духом религии и народной мифологии. Вторым этапом стало первое десятилетие начала XXI века, когда литература о Петербурге стала рассматриваться как единое целое. В это время начали серьезно анализироваться и интерпретироваться мифологические символы в произведениях петербургской литературной школы. В этот период в китайской науке официально появились такие термины, как "Петербургский миф" и "Петербургский текст", что положило конец начальному этапу китайских исследований петербургского мифа и официально положило начало изучению петербургского мифа в Китае. **Вывод** данного исследования заключается в том, чтобы обобщить всесторонность, точки зрения и глубинность исследований современного китайского петербургского мифа с 1980 по 2010 год, демонстрируя уникальные особенности китайского изучения. Изучение петербургского мифа в Китае имеет широкие исследовательские **перспективы** в плане углубленного раскрытия мифологических теорий, интерпретации русской литературы и сравнительных исследований с китайскими теориями мифологии.

Библиография

1. 孙超. 试析托尔斯泰短篇小说《奥凯尔维利河》中的彼得堡文本. // 文学理论. 2009. (5). (Сунь Чао. Тестовый анализ петербургского текста в рассказе Толстого «Река Окелвили». // Теория литературы. 2009. (5).
2. 杜国英. 彼得堡的“鼻子”和“眼睛”的现代神话传说——果戈理的《鼻子》和《肖像》的另类解读. // 名作欣赏. 2011. № 33 (No.377). (Du Guoying. Современные мифы и легенды о петербургских носах и глазах-альтернативная интерпретация гоголевских носов и портретов. // Masterpieces Appreciation. 2011. № 33 (No. 377).
3. 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神. : 湖南教育出版社, 1997. 228 с. (Хэ Юньбо. Достоевский и дух русской культуры. Хунаньское образовательное издательство, 1997. 228 с.
4. 杨雷, 朱翠梅. 圣彼得堡在普希金诗歌中的形象——献给圣彼得堡建立300周年 // 俄罗斯文艺. 2003. № 06. (Ян Лэй, Чжу Куймэй Образ Петербурга в поэзии Пушкина-посвящается 300-летию основания Петербурга // Русская литература и искусство. 2003. № 06. 2003. № 06.)
5. 李薇. “文学研究中的哥白尼革命”:国内洛特曼研究述评 // 重庆工商大学学报(社会科学版). 2013. Т. 30. № 04. С. 130–136. (Ли Вэй. «Коперниканская революция» в литературоведении: обзор отечественных лотмановских исследований // Журнал Чунцинского торгово-промышленного университета. 2013. Т. 30. № 04. С. 130-136.)
6. 凌继尧. 苏联当代美学. : 黑龙江人民出版社, 1986. (Линг Цзяо. Современная советская эстетика. : Народное издательство Хэйлунцзян, 1986.)
7. 凌继尧. 美学和文化学 记苏联著名的16位美学家. : 上海人民出版社, 1990. 334 с. (Линг Цзяо. Эстетика и культура: Шестнадцать знаменитых советских эстетиков. : Шанхайское народное издательство, 1990. 334 стр.)
8. 林精华. 《彼得堡》:在人文价值内涵上空前增生的文本. // 国外文学. 1997. № 04. (Линь Цзинцзин. Петербург: текст беспрецедентного роста гуманистических ценностей. // Иностранная литература. 1997. № 04.)
9. 凌继尧. 塔尔图—莫斯科学派——记苏联符号学家洛特曼和乌斯宾斯基 // 读书. 1987. № 03. С. 137–142. (Линь Цзяо. Тартуско-московская школа-воспоминание о советских семиотиках Лотмане и Успенском // Чтения. 1987. № 03. С. 137-142.
10. 卢群. 陀思妥耶夫斯基笔下的彼得堡 // 俄罗斯文艺. 2004. № 04. С. 23–26. (Лу Цюнь. Петербург в Достоевском // Русская литература. 2004. № 04. С. 23-26.)
11. 孙静云. 洛特曼的结构文艺学 // 北京大学学报(哲学社会科学版). 1989. № 05. С. 74–81. (Сунь Цзинъюнь. Структурная литература Лотмана // Журнал Пекинского университета (философия и социальные науки). 1989. № 05. С. 74-81.)
12. 吴元迈. 当代苏联文艺学方法概观 // 世界文学. 1986. № 03. С. 252–285. (Ву Юаньмай. Обзор современных советских литературных методов // Всемирная литература. 1986. № 03. С. 252-285.)
13. 汪介之. 远逝的光华 白银时代的俄罗斯文化. / 汪介之, 南京: 译林出版社, 2003. (Ван Джей Зи. Утраченное величие русской культуры в серебряном веке. / Ван Цзечжи, Нанкин: Издательство переводов, 2003.
14. 祖国颂. 试析《彼得堡》的叙事艺术. // 外国文学评论. 2002. № 04. (Ода Родине. Повествовательное искусство Петербурга. // Обзор иностранной литературы. 2002. № 04.)
15. 缪秀慧. 小议“彼得堡文本”中的语义对立. // 俄语学习. 2009. (01). (Мяо Сюйхуэй. Семантические оппозиции в «Петербургском тексте» // Russian Studies. // Russian Language Learning. 2009. (01).)
16. 许旺. 彼得堡与《青铜骑士》. // 临沂大学学报. № 04 (42). (Сюй Ван. Питерборо и «Медный всадник». // Journal of Linyi University. // Журнал Линьинского университета. № 04 (42).)
17. 赵爱国, 汪翔. 托波罗夫的“彼得堡符号”思想评略. // 俄罗斯文艺. 2002. (Чжао Айгуо, Ван Сян. Обзор идеи Топорова о «петербургском символе» // Русская литература и искусство. //

Русская литература и искусство. // Русская литература и искусство. 2002.)

18. 张杰, 康澄. 结构文艺符号学. 北京: 北京: 外语教学与研究出版社, 2004. 206 с. (Чжан Джей, Кан Чэн. Структурная литературная семиотика. Структурная литературная семиотика. Пекин: Пекин: Издательство по преподаванию иностранных языков и исследованиям, 2004. 206 с.)

19. 康澄. 文化及其生存与发展的空间 洛特曼文化符号学理论研究. 南京: 南京: 河海大学出版社, 2006. 212 с. (Кан Чэн. Культура и ее пространство выживания и развития: исследование теории культурной семиотики Лоттмана. Нанкин: Издательство Университета Хохай, 2006. 212 с.)

20. 金亚娜. 果戈理的别样“现实主义”及成因 // 外语学刊. 2009. № 06. (Цзинь Яна. Разный «реализм» Гоголя и его причины // Журнал иностранных языков. 2009. № 06.)

21. 金亚娜. 充盈的虚无——俄罗斯文学中的宗教意识. 北京: 人民文学出版社, 2003. 390 с. (Цзинь Яна. Полнота небытия-Религиозное сознание в русской литературе. Пекин: Издательство «Народная литература», 2003. 390 с.)

22. 吴倩. 彼得大帝的神话形象及其在文学中的反映. // 时代文学(双月上半月). 2009. № No.149(01). (У Цянь. Мифологический образ Петра Великого и его отражение в литературе. // Times Literature (bimonthly first half). 2009. № 149(01).

23. 吴倩. 象征主义神话小说《彼得堡》. // 时代文学(双月上半月). 2009. № No.165(05). (У Цянь. Символистский мифологический роман «Петербург». // Times Literature (раз в два месяца, первая половина). 2009. 2009. № No.165(05).

24. 郑文东. 文化符号域理论研究. 武汉: 武汉: 武汉大学出版社, 2007. 220 с. (Чжэн Вэньдун. Исследование теории культурного символического домена. Ухань: Издательство Уханьского университета, 2007. 220 с.)

25. 张海燕. 文化符号诗学引论 洛特曼文艺理论研究. 北京: 北京: 人民出版社, 2014. (Чжан Хайян. Введение в поэтику культурных символов: исследование литературной теории Лоттмана. Пекин: Пекин: Народное издательство, 2014.)

26. Повх Ю. А. Петербургский миф в русской прозе 1990-2000-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 // 2011.

27. Bartov A. The Myth of St. Petersburg // Osteuropa. 2003. № 9–10 (53).

28. В. Н. Топоров Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2003.

29. Топоров В. Н. Петербургские тексты и петербургские мифы. 1995.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что в русской литературе Петербург всегда был предметом пристального внимания и изображения. О нем писали М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Лев Толстой, Андрей Белый, Е.И. Замятин, Б.А. Пильняк, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам и другие. Петербург уже стал восприниматься не только как тоpos, но и как миф. В России также постепенно сложилась традиция изучения т.н. «петербургского мифа». Не безынтересна указанная проблема и для зарубежных исследователей, в частности в Китае. Следовательно, работы в данной тематической области дискуссионны, актуальны, востребованы. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «актуальность исследования заключается в том, чтобы понять полноту, перспективы исследования, глубину направления исследования современных китайских исследований петербургского мифа», «это имеет большое значение для будущих исследований по этой теме». Теоретическая база исследования основана на трудах семиотического порядка – В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана. Считаю,

что методы исследования актуальны, автор старается сохранить определенную точность оценке вопроса, в систематизации данных. Собственно цель исследования понятна, целевая составляющая ясна, текст дробится на смысловые блоки, автор статьи пытается обобщить наработанный стандарт источников. Однако, стиль / язык исследования нуждается в серьезной коррективе, необходимо внести правку, унифицировать формат подачи материала: например, «с тех пор, многие исследователи изучали Петербургский миф и стоящий за ним Петербург с позиций литературоведения, философии, историографии и фольклора и мифологии», или «В.Н. Топоров и Ю. М. Лотман впервые ввели культурно-семиотическую концепцию "Петербургского текста" в 1984 году в 18-м томе «Трудах по знаковым системам» и т.д. В целом основная цель исследования по ходу работы достигается, дается системный вариант оценки работ по указанной проблеме, автор старается полномерно и объемно раскрыть суть вопроса. Ориентир на труды по проблемам семиотики, «петербургского текста», «структурного подхода в литературоведении», «тартуской школы» и т.д. дается открыто, ибо переводы на китайский язык объемны: например, «со второй половины первого десятилетия XXI века Китайские теоретические исследования Ю. М. Лотмана постепенно обратились к семиотике культуры. В этот период было опубликовано большое количество научных работ по этому направлению. Среди них следует отметить «Исследование культуры и пространства ее выживания и развития» (Кан Чэн, 2006)(《文化及其生存与发展的空间 洛特曼文化符号学理论研究》(康澄, 2006)), «Исследование теории культурных символических доменов» (Чжэн Вэньдун, 2007)(《文化符号域理论研究》(郑文东, 2007)), «Введение в культурно-символическую поэтику Ю.М. Лотмана» (Чжан Хайян, 2014) (《文化符号诗学引论 洛特曼文艺理论研究》(张海燕, 2014)), «Исследование эстетических мыслей Ю.М. Лотмана» (Ли Вэя, 2017) (《洛特曼美学思想研究》(李薇, 2017)), «Структурная поэтика Ю.М. Лотмана» (Чжан Бин, 2019) (《洛特曼的结构诗学》(张冰, 2019)) и другие». Не исключаю, что обзорный характер статьи возможен, и такой тип имеет место быть, ибо принцип аналитической оценки автором соблюдается. Думаю, что материал все же практико-ориентирован, он дает основание двигаться далее, углублять канву изучения проблемы «петербургского текста» в русской литературе на базе китайских трудов. Считаю, что контекст дается объемный – от А.С. Пушкина до Андрея Белого, от Анны Ахматовой до Татьяны Толстой. Стиль сочинения в целом соотносится с научным типом, заметно стремление автора «исключить» неточности в терминах и понятиях, но, повторюсь, текст статьи необходимо вычитать (отредактировать). Нуждается в правке и режим «цитаций» - ссылки необходимо подвести под стандарт издания! Несколько не согласен с выводами, их также нужно подвести под тему, итог связать с основной частью. Формально автор отмечает, что «вывод данного исследования заключается в том, чтобы обобщить картину китайских исследований петербургского мифа с 1980-х годов по начало XXI века, и продемонстрировать оригинальность китайских исследований петербургского мифа. Перспектива исследований по этой теме заключается в более детальном изучении петербургских мифов, с разных сторон и под разными углами, чтобы помочь возродить петербургские мифы и в Китае» (нужна стилистическая правка, необходимо выверить ориентир на тему). На мой взгляд, можно поправить и заголовок работы: вариант «Изучение «петербургского мифа» в русской словесности на примере китайского литературоведения: парадигма восприятия» звучит точнее. Следовательно, статья «История исследования Петербургского мифа в Китае классического периода литературоведения» нуждается в определенной правке и коррективе, автору необходимо доработать текст, привести в соответствие форму (цитаты, сноски), усложнить / расширить и дополнить выводы. Только после внесения указанной правки статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию классического периода изучения Петербургского мифа в Китае до культурного сдвига. Предмет исследования представляет собой достаточно актуальный общественно-культурный феномен: «Петербург возник и развивался в особое время общественного и культурного развития России, в нем слились многие культуры запада востока и отразились противоречия и конфликты исторического развития России. Уникальный человеческий и культурный характер Петербурга, отличающий его от других городов, привлекает к нему не одно поколение людей разных стран. Как любой другой влиятельный город мира, Петербург имеет не только свой "язык", но и свою мифологию».

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили работы В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана, основоположников культурно-семиотической концепции «петербургского текста».

Основными методами исследования послужили текстологический анализ, исторический и сравнительный методы, выбор которых оправдан и соответствует целям и задачам работы: «обобщить исследования и изучение Петербургского мифа в Китае с 80-х годов XX века до начала XXI века, определить пути и направления китайских исследований по этой теме, а также показать своеобразие исследования Петербургского мифа в Китае». В работе под Петербургским мифом вслед за Ю.А. Повх понимается «совокупность мифов и легенд, связанных с городским или культурным пространством Петербурга или связанной с ним литературой, в которых может быть представлен образ Петербурга».

Стиль изложения статьи соответствует требованиям научного описания: «как культуролог и семиотик, Ю.М. Лотман в изучении Петербургского текста в основном сосредоточился на исследовании механизмов генерации смысла в городском пространстве... В целом, примерно до 2010 года исследование теоретических основ Петербургского мифа в Китае не получило большого развития, систематическая теоретическая система не была полностью изучена...». Структура статьи логична. Поднятая в статье проблематика обсуждается в трех подразделах: Петербургский миф в России, Теоретические основы исследования Петербургского мифа в Китае, Процесс начального этапа изучения Петербургского мифа в Китае, каждый из которых подытоживается автором, что способствует системному видению полученных результатов исследования и их сопоставлению с поставленными ранее задачами. В заключении работы обобщается всесторонность и глубинность китайских исследований Петербургского мифа, подчеркиваются уникальные особенности и широкие исследовательские перспективы Китая в плане основательного раскрытия мифологических теорий, интерпретации русской литературы и сравнительных исследований с китайскими теориями мифологии.

Библиография статьи достаточна: 29 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют актуальные источники по данной проблематике (за последние 5 лет), что ставит под сомнение использование в тексте определения «современные» в отношении китайских исследований. Однако данное замечание не является существенным и не умаляет значимости работы.

Теоретическая значимость исследования связана с расширением понимания Петербургского мифа, являющегося частью обширного лингвокультурологического феномена. Практическая значимость работы заключается в возможности использования

ее результатов в вузовских курсах, включающих вопросы изучения Петербургского мифа и Петербургского текста, а также в курсах по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка, культуры и общества. Статья, несомненно, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» в оригинальном виде.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зыкова Г.В., Цзоу С. Три русских перевода одного стихотворения Ай Цина как явления русской поэзии трех эпох // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71734 EDN: DKOAJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71734

Три русских перевода одного стихотворения Ай Цина как явления русской поэзии трех эпох

Зыкова Галина Владимировна

ORCID: 0000-0002-1453-2791

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119421, Россия, г. Москва, ул. Новаторов, 36, корп.1, кв. 97

✉ gzykova1966@gmail.com**Цзоу Синь**

соискатель; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ summer0326@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.9.71734

EDN:

DKOAJY

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2024

Дата публикации:

21-09-2024

Аннотация: Предметом исследования являются русские поэтические переводы советской эпохи как явления отечественной словесности, их зависимость от доминирующих идеологических и эстетических установок, а также – в некоторых случаях

– и от художественных тенденций нонконформистской литературы эпохи. Объект анализа – принадлежащее к китайскому культурному канону стихотворение "Я люблю эту землю" (1938) Ай Цина, и три перевода на русский язык, выполненные представителями разных литературных поколений: поэтом А. И. Гитовичем (текст опубликован в 1952 г.), синологом Л. Е. Черкасским (1978 г.) и психолингвистом Ю. А. Сорокиным (1981 г.). Учитываются также высказывания авторов о традициях перевода китайской поэзии и некоторые особенности научной и творческой биографии переводчиков. Переводы сопоставляются с оригиналом и между собой, оцениваются характер и масштабы трансформации подлинника; сами переводы рассматриваются в культурном контексте своих эпох, что позволяет предложить объяснение некоторых решений переводчиков. Сопоставительный анализ показал, как в переводе 1952 г. (Гитовича) сглаживаются модернистские черты поэтики (верлибр передается ритмизованным стихом, текст "дописывается" ради прояснения причинно-следственных связей, и т.п.), китайские стихи "одомашниваются" путем внедрения клише; некоторые элементы содержания оригинала устраняются как не соответствующие "правильной" картине мира. Перевод Черкасского, наиболее близкий подлиннику, обнаруживает результаты последовательного и творческого внимания переводчика к модернистской китайской поэзии, – внимания, которое стало возможным во времена "оттепели". Перевод Сорокина, полемически противопоставленный традициям перевода китайской поэзии, оказывается наиболее радикальным, что позволяет увидеть в нем отражение эстетических тенденций "второго авангарда". В работах, посвященных бытованию поэзии Ай Цина в России, отмечались некоторые трансформации, которым подвергались его стихи; в предлагаемой статье сделана попытка исторически последовательного описания таких трансформаций и предложено их частичное объяснение.

Ключевые слова:

Ай Цин, верлибр, проблемы поэтического перевода, модернизм, русская поэзия, А. И. Гитович, Ю. А. Сорокин, Л. Е. Черкасский, китайская поэзия, литературные контакты

Стихи Ай Цина (1910–1996), классика новой китайской поэзии, человека левых политических убеждений (член КПК с 1941 г.), с 1940-х гг. переводятся на русский язык, о нем писали и пишут, в том числе и в последние десятилетия, когда русско-китайские литературные связи стали особенно интенсивными (обзор см.: [\[1\]](#)). В конце 1920-х–1930-х гг. Ай Цин испытал значительное влияние европейской модернистской поэзии, в том числе, как утверждают некоторые исследователи, и влияние Маяковского. Популярности Ай Цина в СССР способствовал и его личный визит в Россию (в 1950 году; вскоре, в 1952 г., вышел первый сборник его стихов в переводах на русский язык, выполненных А. И. Гитовичем ([\[2\]](#)); см. также [\[3–4\]](#)).

Многочисленность существующих переводов и потребность в новых обуславливают появление научных работ, посвященных сопоставительному анализу различных версий одного и того же стихотворения китайского поэта в русской интерпретации, описанию и объяснению отклонений переводчиков от текста оригинала ([\[5\]](#)). Существуют исследования, посвященные личностям отдельных переводчиков и их методам работы; в последние годы, когда русско-китайскими литературными контактами стали активно заниматься носители китайского языка как родного, анализ переводов становится особенно детализированным (см., напр.: [\[6\]](#)).

Некоторые существенные задачи, однако, остаются, как нам представляется, еще не решенными и даже не вполне поставленными. Переводчики, принадлежащие к разным поколениям, нередко сравниваются друг с другом так, как если бы они существовали вне времени и конкретных литературных и идеологических условий. Между тем поэтические переводы в XX веке были частью национального литературного процесса, а сами переводчики, в том числе и те, кто обращался к стихам Ай Цина, — поэтами со своим индивидуальной творческой манерой (например, А. И. Гитович) и внятной эстетической позицией ([7–8]). Споры о том, как надо читать и переводить, могли приобретать, помимо академического, и вполне литературный характер ([8–9]).

Мы позволим себе обратиться к переводам одного из самых известных стихотворений Ай Цина, «Я люблю эту землю», которое было переведено на русский язык по крайней мере трижды: А. И. Гитовичем, Л. Е. Черкасским и Ю. А. Сорокиным; переводы Гитовича и Черкасского уже сопоставлялись с оригиналом в отдельных аспектах ([5]), мы же попробуем отметить те особенности переводов, которые делают эти стихи фактом русской словесности своего времени.

В Китае стихотворение «Я люблю эту землю» учит каждый школьник, о нем много пишут ([10–18]). Создано оно было в конце 1938 г. и опубликовано в Гуйлине, куда Ай Цин был вынужден уехать после того, как японцы захватили Ухань.

Поскольку визуальный облик этих стихов важен (что характерно для модернистской поэзии), приведем их в оригинале:

我爱这土地

假如我是一只鸟,

我也应该用嘶哑的喉咙歌唱:

这被暴风雨所打击着的土地,

这永远汹涌着我们的悲愤的河流,

这无止息地吹刮着的激怒的风,

和那来自林间的无比温柔的黎明……

——然后我死了,

连羽毛也腐烂在土地里面。

为什么我的眼里常含泪水?

因为我对这土地爱得深沉……

Вот наш подстрочник (конечно, он упрощает стихи):

Я люблю эту землю

Если бы я был птицей,

Я бы тоже пел надорванным горлом:

Эту измятую бурей землю,

Реки, что всегда бурлят нашим горем,

Ветер, что бесконечно дует нашим гневом,
 И непереносимо нежный восход из-за лесов.....
 —Потом бы я умер,
 Даже перья мои сгнили в земле.
 Почему в глазах моих слезы?
 Потому что я так сильно люблю эту землю.....

Сразу отметим что некоторые ключевые образы — птицы, восхода — обладают в китайской и европейской культурах сопоставимым символическим смыслом.

Так, кричащая птица, которой представляет себе поэт, здесь, как считают китайские интерпретаторы, восходит к мифологическому сюжету о Князе-кукушке Ван-ди, тоскующем о потерянной родине; случаи отождествления поэта и птицы в европейской и, в частности, в русской литературе многочисленны (прежде всего вспоминается, конечно, формула Гете). Среди посвященных этой теме научных публикаций последних лет неслучайно присутствуют работы китайских русистов, замечающих в русской поэзии знакомую образность (см., напр., статью, посвященную лирическому образу птицы, тоскующей по родине и воплощающей чувства поэта, у Валерия Перелешина — русского поэта, сформировавшегося под влиянием китайской культуры: [\[19\]](#)).

Слова «о несравненном нежном рассвете, приходящем из-за леса», можно понять как выражение надежды на лучшее будущее родины; в китайской культуре, как и в европейской, утренняя заря является символом новой жизни.

Знаки препинания в китайской поэзии — новшество XX века, вводимое вслед за европейскими образцами: в классических стихотворениях их нет. Ай Цин использует двоеточие, многоточия, знак вопроса и тире, которое указывает на перелом в лирическом сюжете.

Обратимся к переводам. Наиболее ранний из них принадлежит А. И. Гитовичу (1909–1966), в 1920-х–1930-х — интересному и до сих пор не изучавшемуся поэту, отчасти близкому обэриутам (см. напр.: [\[20\]](#)), память о смелых экспериментах которого была жива еще в ленинградском андеграунде «бронзового века». С конца 1940-х гг. Гитович занимается переводами с корейского и китайского (языков он не знал, но пользовался подстрочниками и советами друзей-синологов (Г. О. Монзелера, Б. И. Панкратова, В. В. Петрова, О. Л. Фишман, Е. А. Серебрякова). Оценки качества переводов Гитовича весьма различны: они многократно переиздавались, однако могли также вызывать упреки в поэтической вялости, неточности, избыточной русификации (см., напр., резкий отзыв Е. Витковского: «почем зря ямбовал вдоль по всем ошибкам Монзелера» (комментарий в [livejournal](#), 07.11.2010: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/129754.html>)).

Как и у некоторых его современников (например, Пастернака и Заболоцкого), манера оригинальных стихов Гитовича в послевоенное время меняется, он «впадает» «в неслыханную простоту»; краткость и художественная аскетичность поздних стихов Гитовича выглядит (и интерпретируется самим автором) как результат влияния китайских поэтов, которых он переводил, — прежде всего древних.

Модернистские черты поэтики Ай Цина в 1950-х гг. — а именно тогда его творчество, в

том числе и по политическим причинам, привлекает внимание советских издателей — были чужды доминирующим в советской печати принципам, и переводчик, видимо, был вынужден это учитывать.

Гитович трансформирует как поэтику оригинала (например, верлибр переводится ритмизованным стихом), так и содержание:

Был бы я птицей –

так же печально пел бы:

Пел бы о нашей родной,

бурей изрытой земле,

Пел бы о вечно бурлящем

потоке народного горя,

И о разгневанном ветре,

дующем без перерыва,

И об отрадной для сердца

утренней ранней заре.

Спросят меня: «Почему

скрыты в глазах твоих слезы?

Я им отвечу: «Люблю

землю отчизны моей».

Меняется семантика эпитетов (например, то, что точнее всего может быть передано на русский словом «надрывный», передается существенно менее экспрессивным «печальный»).

Меняется и характер связи между частями стихотворения. В финале оригинального текста происходит резкая смена тона: монолог прерывается (пауза в оригинале передана многоточием и увеличенным межстрочным интервалом), говорится о смерти лирического героя; после еще одной большой паузы герой обращается к себе самому с вопросом и отвечает на него («Почему в глазах моих слезы? / Потому что я так сильно люблю эту землю.....»). Гитович устраняет слова о смерти, вероятно, как излишне пессимистические, и превращает разговор с самим собой в более «понятный» разговор поэта с кем-то другим («Спросят меня... Я им отвечу...»); избыточность этих добавлений уже отмечалась, хотя и никак не объяснялась ([5: 353]).

Важные для Ай Цина увеличенные межстрочные интервалы и индивидуализированные многоточия (соответствующие общему стремлению модернистской поэзии к визуальной выразительности текста) Гитович не передает.

В 1978 году появился перевод Л. Е. Черкасского (1925–2003) ([\[21\]](#)), который, в отличие от Гитовича, предпочитавшего древние тексты (хотя начинал на рубеже 1940-х–1950-х гг. с переводов поэзии совсем современной, «идеологически востребованной»), в эпоху оттепели систематически обращался к модернистской, «новой», китайской лирике:

Будь я птицей –
 Я пел бы надрывно
 О земле, иссеченной дождями,
 О рокошущем гневно потоке,
 О без усталы дующем ветре,
 О лесных несравненных рассветах,
 А потом бы я умер от песни,
 И истлели бы перья в земле.
 Почему на глазах моих слезы?
 Эту землю люблю я безмерно...

Л. Е. Черкасский не только переводил стихи Ай Цина, но и исследовал его творчество ([22]); в 1986 г. ему удалось лично побеседовать со своим героем на Форуме китайской современной литературы. Труды Черкасского как синолога получили признание в Китае, где публиковались переводы его научных работ и посвященные ему статьи (см. подробнее: [23]).

Последовательно показать в переводе модернистскую природу поэтики оригинального текста решился только Ю. А. Сорокин (1936–2009) в переводе, опубликованном через три года после публикации версии Черкасского ([3]) и полемически противопоставленном тому, что делали предшественники:

Я птица
 В моей песне крик
 О земле, пронзенной ураганом
 О наших немолчно плачущих реках
 О неустанно гневном ветре
 И о тишайшем лесном рассвете...
 — Смерть прервет песню
 в земле истлеет птица
 Почему же льются из глаз моих слезы?
 Тебя, земля, люблю беззаветно.....

Ю. А. Сорокин владел китайским языком, переводил, но «два раза уничтожал свои переводы китайской поэзии, так как в Москве его попытки опубликоваться успеха не имели» ([7: 49]). Литературная позиция Сорокина имела принципиальный характер и не только проявлялась в его переводческой манере, но и прямо декларировалась ([8]). Советскую практику перевода китайской лирики, как древней, классической, так и поэзии XX века, Сорокин считал отягощенной существенными недостатками:

переводчики, по мнению Сорокина, были склонны игнорировать иной, чем в европейских языках, характер грамматических связей и иную степень семантической определенности высказывания в китайском поэтическом тексте, поэтому упрощали смысл стихов, навязывали прямолинейные причинно-следственные связи; кроме того, придавали китайским стихам несвойственную им (особенно древним) многословность, обременяли их европейскими (русскими) литературными клише, вводили отсутствующие в оригинале и часто банальные и анахроничные образы, тропы и т.д. Что же касается собственно переводов из Ай Цина, то советские переводчики, как считал Сорокин, под влиянием доминирующих вкусов своего времени затушевывали модернистские черты его творчества. Переводы самого Сорокина из Ай Цина показались слишком радикальными (и неточными), вызвали критику авторитетного синолога и Л. З. Эйдлина, настаивавшего на своем понимании поэзии Ай Цина: «Ай Цин открыт и ясен. <...> Поэзия Ай Цина обыденна» ([9: 187]). Сорокин возражал, и его возражения предполагали иное понимание не только творчества Ай Цина, но и современной поэзии вообще: «Между поэтической речью и речью обыденности не существует однозначного соответствия, эти миры не дублируют друг друга, а сложно взаимодействуют» ([8:]).

Стремясь к воспроизведению поэтики Ай Цина, Сорокин при этом, однако, допускает некоторые неточности, отходит от буквального смысла оригинала уже в первой строке: «Я птица...», — в оригинале автор только предполагает, что пел бы, если бы был птицей. Не исключено, что на такую трансформацию образности повлияло знаменитое стихотворение А. Вознесенского «Я — Гойя» (1959). Гитович, и Черкасский были точнее, когда использовали сослагательное наклонение («Был бы я птицей...», «Будь я птицей...»).

Представления Сорокина о том, что китайская поэзия, зависящая от свойств китайского синтаксиса, в гораздо меньшей степени, чем европейская речь, оперирует жесткими причинно-следственными связями, также приводят к отходу от оригинала: так, вместо «пел надрывным горлом» у Сорокина одно только слово: «крик»; с грамматической точки зрения это выглядит как отказ от глаголов (у Гитовича здесь отличное и от оригинала, и от перевода Сорокина: «печально пел бы», у Черкасского ближе всего к Ай Цину: «надрывно пел бы»). Заметим, что образ «горла», присутствующий в китайском оригинале, удерживает наше внимание на самой птице (поэте), которому больно кричать; во всех русских стихотворениях внимание смещается на производимый звук (крик или пение), то есть на то, как стихи могут восприниматься слушателем.

Следующий образ у Сорокина, как нам представляется, максимально близок к подлиннику: «земля, пронзенная ураганом»; у Гитовича на этом месте «наша родная, бурей изрытая земля» (то есть появляются дополнительные, тавтологические эпитеты, связанные, видимо, связанные с отечественными публицистическими клише: «наша родная»), у Черкасского менее экспрессивный, чем в оригинале, образ «земли, иссеченной дождями».

У Сорокина нет соответствий и тому, что мы в нашем подстрочнике приблизительно передали словами «непереносимо» и «нежный» (рассвет): у Сорокина он «тишайший» и «лесной». Последнее нам представляется не столько индивидуальной интерпретацией, сколько прямой ошибкой: у Сорокина рассвет **в** лесу, а в оригинале рассвет приходит **из-за** леса, это совсем другой образ (видимо, ошибку Сорокин перенял у Черкасского). У Гитовича лес не упоминается вовсе, зато появляются избыточные эпитеты («утренней ранней заре»), а смысл того, что передано нами оксюмороном «непереносимо нежный» переведено как «отрадной для сердца» (выражение более свойственное традиционному русскому поэтическому словарю).

Выше мы уже сказали о потенциально символическом смысле строки «И непереносимо нежный восход из-за лесов.....». В переводах этот символический смысл отчасти сохраняется только у Гитовича:

И об отрадной для сердца

утренней ранней заре.

При этом пропадает, повторимся, образ леса, который тоже можно истолковать как символический (темный лес как что-то закрывающее горизонт).

У Сорокина и Черкасского символический смысл зари как будущего отсутствует: Сорокин перемещает рассвет непосредственно в лес (наблюдатель находится в лесу), к тому же снабжает его не имеющим соответствий в оригинале эпитетом «тишайший»; Черкасский вводит множественное число: «О лесных несравненных рассветах...», что тоже противоречит символическому пониманию.

Если в оригинале река «бурлит», то у Сорокина всего лишь «плачущая» (смысл передан не глаголом в личной форме, а причастием, что поддерживает общую тенденцию устранения глаголов).

Для композиции оригинала очень важен графически подчеркнутый сюжетный ход:

— Потом бы я умер

И даже мои перья сгнили в земле.

Мотив смерти часто встречается в поэзии Ай Цина, особенно ранней; в стихотворении 1938 года он определен исторической ситуацией: стихи, напомним, написаны во время японо-китайской войны. Как мы уже отмечали, в переводе Гитовича слов о смерти нет, — у Сорокина о смерти сказано, но она отнесена в "более понятное" будущее (в оригинале, видимо, о смерти говорится как о чем-то совершившемся или таком, что может быть передано в европейских языках формами сослагательного наклонения:

— Смерть прервет песню,

в земле истлеет птица.

Здесь нет не только истлевших «перьев» — конкретной детали, усиливающей впечатление, но и лирического «я», зато вводится образ прерванной песни как главного следствия смерти. Черкасский сохраняет и «я», и «перья», но по-своему отходит от оригинала очень существенным образом: у него названа причина смерти — песня; позволим себе предположить, что в этом проявилось влияние русской литературной традиции с ее сквозной темой трагической «смерти поэта»:

А потом бы я **умер от песни**,

И истлели бы перья в земле.

У Ай Цина прямого объяснения причины гибели нет, есть только констатация ее неизбежности.

В финале Сорокин ввел прямое обращение к земле, отсутствующее в оригинале, опять, видимо, подчиняя перевод исходной концепции, предполагающей, что логическая структура высказывания не должна в стихах быть слишком очевидной. Заметим, что последняя строка интерпретируется как ответ на вопрос, заданный в предпоследней

строке, не только в переводе Гитовича («Почему... потому...»), но и, например, в предложенных носителями китайского языка как родного современных переводах на английский язык («Why... because»). Можно, пожалуй, заключить, что Сорокин, будучи свидетелем того, как в русских переводах из Ай Цина сглаживались модернистские черты, а также особенности, свойственные китайскому языковому и художественному мышлению, в собственном переводе гиперболизирует эти черты и особенности, что также приводит к отклонениям от оригинала. Сама же радикальность подхода Сорокина может быть, думается, понята как близкая экспериментам его времени — поэтического «бронзового века».

Изменения, которым подвергается в переводах оригинал, свидетельствуют не только о неизбежных сложностях рецепции китайской поэзии европейцем, но и о том, как в переводе отражаются идеологические и художественные процессы, происходящие в самой русской культуре.

Библиография

1. Чжэн Ц. Перевод и изучение творчества Ай Цина в России // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 10. С. 101–107.
2. Ай Цин. Весть о рассвете: Стихи и поэмы / Пер. с китайского А. Гитовича. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.
3. Ай Цин. Избранная лирика / Пер. с китайского и предисл. Ю. А. Сорокина. М.: Молодая гвардия, 1981.
4. Ай Цин. Слово солнца: Избранные стихотворения. М.: Радуга, 1989.
5. Хуаньюй Чжан. Русские переводы стихотворений Ай Цина // Вестник Удмуртского университета. 2022. Серия История и филология. Т. 32. Вып. 2. С. 350–354.
6. Лю Чжицян, Первушина Е. А. Заветная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2019.
7. Базылев В. Н. Проблемы перевода. О переводческом опыте Ю. А. Сорокина и о метрическом переводе // Язык, сознание, коммуникация. 2010. № 40. С. 125–128.
8. Сорокин Ю. А. Китайская поэзия и принципы ее перевода (по поводу статьи Л. З. Эйдлина «Поэзия Ай Цина и ее перевод») // Сорокин Ю. А. Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009, с. 107–123.
9. Эйдлин Л. З. Поэзия Ай Цина и ее перевод // Иностранная литература. 1983. № 2. С. 186–190.
10. 姚国建, 土地最忠诚的歌者, 艾青《我爱这土地》艺术欣赏, 文讯教育教学设计, 2003, 4: 19–20. (Яо Гоцзянь. Самый преданный певец своей земли: Анализ стихотворения «Я люблю эту землю» Ай Цина // Образование и методики преподавания в Вэньсюне. 2003. № 4. С. 19–20).
11. 段从学, 地之子的行吟—艾青诗歌中的土地, 个人与国家. 新诗研究的问题与方法研讨会论集, 2007: 125–136. (Дуань Цунсюе. Песня сына земли: земля, личность и государство в поэзии Ай Цина // Материалы семинара по проблемам и методам исследований современной поэзии. Пекин, 2007. С. 125–136).
12. 潘正文, 竭尽生命的守土抗争之歌, 名作欣赏, 2020, 12: 103–107. (Пань Чжэнвэн. Песня о защите земли как главной цели жизни // Знакомство с шедеврами. 2020. № 12. С. 103–107).
13. 李铁秀, 艾青《我爱这土地》赏读, 名作欣赏, 2007, 10: 67–70. (Ли Тесю. Анализ стихотворения «Я люблю эту землю» // Знакомство с шедеврами. 2007. № 10. С. 67–70).
14. 袁婷: 艾青的诗《我爱这土地》: 苦难土地的深情吟唱, 文学理论, 2017, 1: 104. (Юань Тин. Стихотворение Ай Цина «Я люблю эту землю»: прочувствованная песня о страдании земли // Теория литературы. 2017. № 1. С. 104).

15. 邱水灵, 从“深沉”里见艾青的“深沉”, 中教研究, 2020, 2: 81–91. (Цю Шуйлин. Анализ эмоции тоски в стихотворении «Я люблю эту землю» // Исследования в области китайского народного образования. 2020. № 2. С. 81–91).
16. 陈馨, 最高的自由:《我爱这土地》中“鸟”意向之解构, 作文成功之路, 2017, 7: 11. (Чжэн Синь. Самая высокая свобода: анализ образа птицы в стихотворении «Я люблю эту землю» // Тайны совершенной композиции. 2017. № 7. С. 11).
17. 魏玉莲, 笔底波澜谱写爱国华篇 ——比较杜甫《春望》和艾青《我爱这土地》, 名作欣赏/ 求同寻异, 2012, 7: 162–164. (Вэй Юйлянь. Сопоставление «Весенней надежды» Ду Фу со стихотворением Ай Цина «Я люблю эту землю» // Сопоставительный анализ шедевров. 2012. № 7. С. 162–164).
18. 黄磊, 对峙,碰撞,交融/浅析艾青《我爱这土地》的对比艺术, 散文百家(新语文活页), 2017, 8: 103–107. (Хуан Лэй. Противопоставление, столкновение, слияние: Краткий анализ искусства использования приема контраста в стихотворении Ай Цина «Я люблю эту землю» // Сотни статей: Новый китайский календарь. 2017. № 8. С. 103–107).
19. Ван Е. Орнитологические образы как средство выражения эмоций в лирике Валерия Перелешина // Грани познания. 2018. № 1. С. 15–19.
20. Гитович А. Мы входим в Пишпек: Стихи. М.; Л.: ЛАПП — Огиз — Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931.
21. Сорок поэтов. Китайская лирика 20-х–40-х годов / Пер. с китайского, статьи об авторах и предисл. Л. Черкасского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.
22. Черкасский Л. Е. Ай Цин — Подданный Солнца: книга о поэте. М.: Наука, 1993.
23. Лю Чжизян. Леонид Евсеевич Черкасский в Китае // Научный диалог. 2018. № 6. С. 82–90.
24. Four English Renderings of Ai Qing's Poem *I Love the Land*. — https://www.academia.edu/28830666/Four_English_Renderings_of_Ai_Qing_s_Poem_I_Love_the_Land (дата доступа: 17.09.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья ориентирована на анализ переводов на русский язык одного стихотворения Ай Цина - классика новой китайской поэзии. Предметная область достаточно интересна и оригинальна, причем подобная тема есть явление не столько широко встречающееся в массе критических наработок. В начале труда дана аргументация выбора темы: "многочисленность существующих переводов и потребность в новых обуславливают появление научных работ, посвященных сопоставительному анализу различных версий одного и того же стихотворения китайского поэта в русской интерпретации, описанию и объяснению отклонений переводчиков от текста оригинала ([5]). Существуют исследования, посвященные личностям отдельных переводчиков и их методам работы; в последние годы, когда русско-китайскими литературными контактами стали активно заниматься носители китайского языка как родного, анализ переводов становится особенно детализированным (см., напр.: [6])", определены магистрали разверстки вопроса. На мой взгляд, исследование сопоставительного характера наиболее точно позволяет верифицировать объективную данность, сориентироваться на ценностный аспект значимости "одной" формации в отличие от "другой", указать на разность переводческих принципов. Таким образом, методы исследования не противоречат актуальной филологической базе. Термины и понятия, которые

используются по ходу сочинения унифицированы, разночтений не выявлено. Думаю, что материал может быть активно использован в рамках дисциплин гуманитарного цикла (в частности теории и практики перевода). Стиль соотносится с собственно научным стилем, например: "Как и у некоторых его современников (например, Пастернака и Заболоцкого), манера оригинальных стихов Гитовича в послевоенное время меняется, он «впадает» «в неслыханную простоту»; краткость и художественная аскетичность поздних стихов Гитовича выглядит (и интерпретируется самим автором) как результат влияния китайских поэтов, которых он переводил, — прежде всего древних.

Модернистские черты поэтики Ай Цина в 1950-х гг. — а именно тогда его творчество, в том числе и по политическим причинам, привлекает внимание советских издателей — были чужды доминирующим в советской печати принципам, и переводчик, видимо, был вынужден это учитывать", или "Советскую практику перевода китайской лирики, как древней, классической, так и поэзии XX века, Сорокин считал отягощенной существенными недостатками: переводчики, по мнению Сорокина, были склонны игнорировать иной, чем в европейских языках, характер грамматических связей и иную степень семантической определенности высказывания в китайском поэтическом тексте, поэтому упрощали смысл стихов, навязывали прямолинейные причинно-следственные связи; кроме того, придавали китайским стихам несвойственную им (особенно древним) многословность, обременяли их европейскими (русскими) литературными клише, вводили отсутствующие в оригинале и часто банальные и анахроничные образы, тропы и т.д. Что же касается собственно переводов из Ай Цина, то советские переводчики, как считал Сорокин, под влиянием доминирующих вкусов своего времени затушевывали модернистские черты его творчества. Переводы самого Сорокина из Ай Цина показались слишком радикальными (и неточными), вызвали критику авторитетного синолога и Л. З. Эйдлина, настаивавшего на своем понимании поэзии Ай Цина" и т.д. Основные требования издания учтены; текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Список источников формально верен, его уместно использовать далее при написании работ смежной тематической направленности. Итогом автор тезисует, что "изменения, которым подвергается в переводах оригинал, свидетельствуют не только о неизбежных сложностях рецепции китайской поэзии европейцем, но и о том, как в переводе отражаются идеологические и художественные процессы, происходящие в самой русской культуре". Материал обладает должной научной новизной, относительная самостоятельность взгляда налична. Рекомендую статью "Три русских перевода одного стихотворения Ай Цина как явления русской поэзии трех эпох" к публикации в журнале "Litera" ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Павлов Д.Н. Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и YouTube // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71765 EDN: FEYLHC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71765

Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и YouTube

Павлов Дмитрий Николаевич

преподаватель; кафедра журналистики; Московский университет им. А. С. Грибоедова
аспирант; кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет им. А.С. Грибоедова
Учитель русского языка и литературы; ГБОУ школа №2089

111024, Россия, г. Москва, ул. Энтузиастов, 21

✉ dima2011211@gmail.com



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71765

EDN:

FEYLHC

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2024

Дата публикации:

25-09-2024

Аннотация: В статье вводится ранее не функционирующая в научном дискурсе категория мотивирующего контента и обосновывается его рецепция аудиторией с практической и функциональной точек зрения. На примере репрезентативности шести видеороликов платформ TikTok (контент вертикального характера) и YouTube (длинные материалы горизонтального характера) рассматриваются специфические особенности рецепции зрительской аудитории. Во-первых, в статье впервые через призму различных подходов сформирована стереоскопическая картина исследуемого явления, а именно: композиция роликов, рецепция зрителя. Также доказано, что их структура основана на актуализации нарративных архетипов волшебных сказок, рассмотренных В.Я. Проппом. Во-вторых, в мотивирующем контенте определен порядок следования нарративных элементов и выделены ключевые особенности синтагматического сюжетного единства.

В-третьих, автором определены функционирующие в речи нарраторов средства художественной выразительности, тропы и конструкции, грамматически не связанные с членами предложениями, влияющими на рецепцию зрителя. Автором также определена функциональная особенность мотивирующего контента, заключающаяся в психолого-терапевтической функции. В качестве метода исследования автор оживляет теоретические хрестоматийные постулаты сказочного нарратива, основанные на декомпозиции материала для выявления нарративных матриц. Новизна работы заключается в том, что в работе впервые обоснована значимая роль мотивирующего контента в медиапространстве, а сам мотивирующий контент проанализирован как отдельный формально-содержательный тип контента, своеобразие которого определяется литературно-нарративным, психологическим компонентами. В заключении исследования определены основные особенности построения мотивирующего контента на медиаплатформе горизонтальных длинных видеороликов You-Tube и в сервисе коротких вертикальных видеороликов TikTok. Также сделан вывод о том, что мотивирующий контент полезен как для нарратора (при увеличении подписчиков), так и для зрителя (в рамках первичной психологической поддержки).

Ключевые слова:

нарратив, мотивирующий контент, рецепция зрителя, нарратор, медианарратив, медиадискурс, волшебная сказка, сказочный нарратив, медиаконтент, медиапространство

В статье исследуется нарративная структура мотивирующего контента (далее – МК), размещенного как в видеохостинге преимущественно горизонтальных длинных видеороликов You-tube, так и в сервисе для создания коротких видеороликов вертикального типа TikTok. Термин «мотивирующий контент» ранее не рассматривался в качестве отдельной единицы анализа. Его распространенность в медиапространстве говорит о целесообразности академического изучения. В данном исследовании фигурируют видеоролики, которые отражают рецепцию зрительской аудитории [\[1\]](#) на мотивирующий контент, рассмотрены средства художественной выразительности, тропы и конструкции, грамматически не связанные с членами предложениями в речи нарратора, стиль речи нарратора, выявлены нарративные цепочки из устойчивых матричных сочетаний, проанализированы комментарии подписчиков относительно размещенного материала.

Композиционно-нарративная сторона мотивирующего контента заключается в особенности его организации, которая отсылает к хрестоматийным исследованиям структуры волшебной сказки [\[3, с. 241\]](#). Использование обозначенных в исследовании нарративных матриц объясняется простотой сказочного сюжета [\[13, с. 75\]](#), определяющего последовательность действий разрешения той или иной кризисной ситуации [\[5, 80\]](#).

Предметом исследования являются принципы организации нарратива в мотивирующем контенте, изучение рецепции зрителя на МК, принципы использования разговорного стиля речи в рамках доверительной беседы со зрителем [\[4\]](#).

Объектом исследования являются шесть видеоматериалов (3 материала горизонтального характера платформы You-Tube, три материала вертикального характера сервиса TikTok), затрагивающих стандартные кризисные ситуации человека (прим. отсутствие

материальной безопасности). Выбор именно этих роликов связан с высокой степенью их репрезентативности. Эмпирической базой является содержание комментариев к МК, отражающих рецепцию зрителя, так как по нашему мнению, нарратором затрагиваются повседневные человеческие проблемы.

Методология исследования основана в первую очередь на нарративном анализе повторяющихся матричных элементов, которые были выявлены В.Я. Проппом в ходе изучения организации сказочного повествования [13, 18].

Перечислим инвариантные функции, обоснованные В.Я. Проппом на сказочном материале: Отлучка, запрет, нарушение запрета, разведка антагониста, выдача сведений, подвох, пособничество, вредительство (недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя, реакция героя на действия будущего дарителя, получение волшебного средства, перемещение в иное царство, борьба, клеймение, победа, ликвидация беды или недостачи, возвращение, погоня, спасение, неузнанное прибытие, необоснованные притязания, трудная задача, решение, узнавание, обличение, трансфигурация, наказание, свадьба, воцарение [15, с. 26].

При построении композиционно-сюжетного повествования нарратором используются не все матричные элементы, однако их повторяемость на разных платформах доказывает неподвижную структуру мотивирующего контента (см. практическую часть исследования) [3, с. 240].

Обратимся к анализу материалов видеоплатформы You-Tube:

Первый видеоролик содержит информацию о миллионере Гранте Кардоне, мужчина дает советы для преобразования собственного мышления. «Научись думать, как миллионер - Грант Кардон - мотивация успеха» [14].

1. В первую очередь мы рассматриваем нарративную структуру материала, которая включает в себя сказочные нарративы и последовательное раскрытие сюжета:

- **«Ребята, меня зовут Эван, и я верю в вас, в этот канал. Сегодня мы будем учиться у лучших, с вами Гранд Кардон и его советы как добиться успеха в жизни, будь моим наставником, Гранд».** Данная реплика содержит мотив «обличение», предполагающий активный рассказ о герое перед началом самого повествования.

- **«Мысли масштабно. Любая мать стремится защитить своих детей, а я протестовал. Моя мать учила меня не разговаривать с незнакомыми людьми, а я хотел общаться со всеми, я наблюдал, как мой отец общался со всеми. Моя мать учила меня не привлекать слишком много внимания к себе, а я хотел стать знаменитым, мама говорила радоваться тому, что имеешь».** Следующий отрывок показывает то, как формировалось мышление главного героя в детстве. Здесь зритель может заметить такие мотивы «запрет» и «нарушение запрета».

- **«Будь счастлив, что ты здоров, будь счастлив, что ты окружён любящими людьми, сейчас я счастливо женат и у меня двое замечательных детей, и моя жена хорошо понимает, что я никогда не смог бы удовлетвориться только наличием брака и детей».** Главный герой начинает воспринимать данных людей как волшебных дарителей, которые помогают ему двигаться к своей цели ежедневно. В данном отрывке отражены мотивы «появление волшебного дарителя», «действия будущего дарителя».

- **«Когда мне было десять лет, мой отец работал каждый божий день, чтобы обеспечить семью. Хорошую семью, семью и среднего класса. У нас была еда, крыша над головой и немного денег по страховке, но этого было недостаточно, если бы этого было достаточно, то моей матери не пришлось бы продать дом и мечты».** Далее мужчина рассказывает о своих стартовых позициях. Он поднимает темы, которые выражены в мотивах «происки антагониста», «трудная задача».

- **«Я знал миллионеров, которые жили так, как будто они испытывают нужду, они не тратили деньги, которые у них были, потому что беспокоились о том, что в будущем они могут обанкротиться. Составьте список вещей ведь, многие из них это ваши ментальные установки, составьте список того, что делают бедные люди, того, что вошло у них в подсознании».** В этой части нарратор на примере главного героя показывает то, как нужно двигаться к собственной цели. Мужчина поднимает тему «борьбы».

- **«Работайте над собой, однажды меня арестовали за драку, в моей жизни были моменты, когда я сам относился к себе хуже, чем кто-либо другой. Последние несколько лет я занимаюсь только одним: я работаю над самопознанием и саморазвитием».** Здесь мотив «трансфигурация» показывает то, как главный герой начинает меняться, становиться профессионалом.

- **«Каждый божий день я занимаюсь тем, что мне совершенно не хочется делать. Понятия не имею, кто эти люди, распространяющие эти идеи, может, их бизнес достался им по наследству или это был чей-то подарок. Лично я хочу сказать, что если ты не будешь делать то, что тебе совершенно не хочется делать, то свой бизнес никогда не будет процветать, и ты не сможешь его сохранить. Ты должен не просто любить свое дело, ты должен быть одержимым».** История завершается мотивами «борьба» и «победа». Данные нарративы являются заключительными в повествовании как волшебных сказок, так и в мотивирующем контенте.

- **«Если вы бедны, то какой смысл отдыхать в выходные, если вы едва сводите концы с концами».** Завершается повествование наставлением главного героя, он перешел в новую ипостась, теперь он может давать советы. Мотив «воцарение».

2. Следовательно, мы можем выделить построенную на сюжете материала нарративную цепочку из матриц: обличение-запрет-нарушение запрета-первое появление волшебного дарителя-реакция на действия будущего дарителя-происки антагониста-трудная задача-борьба-трансфигурация-борьба-победа-воцарение.

3. Использование вышеобозначенных нарративов подкрепляется специфической подачей материала. В речи нарратора присутствуют различные средства выразительности, тропы и конструкции, грамматически не связанные с членами предложениями:

Обращение: «Ребята, меня зовут Эван...», «Будь моим наставником, Гранд»;

Мотивационные советы: будь счастлив, работайте над собой, мысли масштабно;

Фразеологизм: сводить концы с концами;

Метафора: продать мечты;

4. Все вышеобозначенные шаблоны мотивирующего контента раскрываются автором в разговорном стиле речи, который и настраивает зрителя на доверительную беседу в

комментаторской среде.

5. В комментаторской среде можно заметить рецепцию зрителя. Мотивирующий контент вызывает доверие, что отражено в следующих сообщениях:

- **«Грант - красавчик! Чувак с невероятной энергетикой! На своих семинарах он просто крышу сносит залу!»** - @Michalych65.

- **«Из всех мотиваторов видео, которых я видел, Грант самый честный. Он без ванильных фраз, сразу же объясняет правдивость ситуации, и призывает к решительным действиям. Он сразу говорит, что для того, чтобы достичь результата, нужно вкалывать. Когда год назад, у меня были проблемы с финансами, его книга помогла мне справиться. Ну не только его книга честно, я черпал много информации. Но именно его философия толкала меня. Так что на своем опыте могу сказать, Грант говорит толковые вещи»**, - @AlpinWeb.

Таким образом, нарративная организация видеоролика отвечает каноническому строению волшебной сказки, однако сюда включаются еще и средства художественной выразительности, тропы и грамматически не связанные с членами предложения конструкции, полностью раскрывающиеся в разговорном стиле речи. Все обозначенные особенности, вероятно, выбраны нарратором для поддержания доверительной беседы и комфорта зрителя.

Второй видеоролик рассказывает историю становления Джейсона Стэтхэма. «Мотивация от Джейсона Стэтхэма | Советы от голливудского актера [\[12\]](#)».

1. Нарративная структура второго видеоролика повторяется, сюжетные матрицы, используемые при построении волшебной сказки, обнаруживаются и в мотивирующем контенте:

- **«Он не сразу стал высокооплачиваемым актером, до своей актерской карьеры он занимался торговлей часов и украшениями на улице»**. История также начинается с мотива «обличение», предполагающего рассказ о достижениях главного героя.

- **«До своей актерской карьеры он занимался торговлей часов и украшениями на улице. Не останавливайся, продолжайте как бы плохо вам ни было, не сдавайтесь, даже если вы не достигаете желаемых результатов, продолжайте делать свое дело до конца»**. Следующая часть продолжает развитие сюжета и показывает то, какие стартовые возможности имел мужчина до появления на экранах, мотив «недостача».

- **«Многие люди, увидев ваш результат, будут пытаться высказать негатив, если нечего сказать хорошего, то лучше промолчать»**. Далее главный герой сталкивается с антагонистом своей истории, мы вычленим мотив «происки антагониста».

- **«Вы заставляете себя делать то, что у вас вызывает страх, когда ты доказываешь себе, что ты это можешь, то и уверенность в тебе повышается, вследствие чего вы испытываете очень приятные эмоции и становитесь морально сильнее»**. В данной истории герой включается в борьбу для последующего достижения собственной цели, мотив «борьбы».

- **«Не уппусти момент. Иногда ты оказываешься в нужном месте в нужное время и, конечно, встречаешь нужного человека и вот тогда перед тобой открываются все двери»**. Нарратор не исключает появление в окружении людей, которые способны помочь в достижении цели. Здесь показаны мотивы «первое появление волшебного

дарителя» и «получение волшебного средства».

- **«Можно сказать, вплоть до 32 лет я был обычным аферистом, я едва ли думал, что моя жизнь может круто измениться, а жизнь круто изменилась после встречи с кинорежиссером Гаем Ричи».** Далее герой меняет свое место локации, что указывает на развитие и движение сюжета. Мотивы «перемещение в иное царство» и «действия будущего дарителя».

- **«Джейсону почти 53 года, однако находится он в отличной физической форме, актер не скрывает что раньше позволял себе то, что запрещено, но он начал нормально тренироваться».** Завершается история стандартными для мотивирующего контента мотивами «победа» и «воцарение».

2. Следовательно, сюжетное повествование складывается в нарративную цепочку: обличение-недостача-происки антагониста-борьба-первое появление волшебного дарителя-получение волшебного средства-перемещение в иное царство-действия дарителя-победа-воцарение.

3. Убедительность нарратора подкрепляется следующими вставными конструкциями, средствами выразительности и тропами:

Метафора: открываются все двери;

Фразеологизм: в нужное время в нужном месте;

Мотивационные советы: «Не останавливайся, продолжайте как бы плохо вам ни было, не сдавайтесь, даже если вы не достигаете желаемых результатов, продолжайте делайте свое дело до конца»;

Разговорная речь: жизнь круто изменилась.

4. Данные конструкции поддерживают образ позитивного блогера, что позволяет продолжать использовать разговорный стиль речи.

5. Это находит отражение в комментаторской среде, где зрители начинают делиться собственными желаниями и целями:

- **«Стейтем - красавица. Понравился как актёр, когда первый раз увидел фильм с его участием, он меня очень вдохновляет на изменения»**, - @user-yf5dt2px1m.

- **«Зависит от набора качеств человека, меня он мотивирует, но честный и добрый, в маленькой бедной стране вряд ли добьется миллионного состояния, хотя примеров море»**, - @peaceful3959.

Второй проанализированный материал содержит цепочку из нарративных матриц, которые отражают путь становления героя произведения, а в комментариях можно заметить сообщения о мотивации подписчиков.

Третий видеоролик содержит информацию о голливудском актере Мэттью Макконахи, мужчина рассказывает свою историю успеха. «Молодой Мэттью Макконахи: «Я и Не Мечтал, Что Столького Добьюсь!» [\[11\]](#).

1. Данная история также сюжетно начинается с представления главного героя:

В видеоролике происходит диалог, где не обозначен главный герой, однако в поле описания видеоролика автор описывает все достижения главного героя: **«Сегодня мы**

посмотрим интервью Мэттью Макконахи 1997 года. Он рассуждает о том, хотел ли стать актером, ожидал ли он успеха в индустрии кинематографа и как успех повлиял на его жизнь. Надеюсь, что вам понравилось! Оставляйте свои пожелания и отзывы в комментариях под видео». Как и в предыдущих материалах, нарраторы используют мотив «обличения».

- «Когда вы росли в Лонгвью, штат Техас, в так называемой Стране сосновых лесов, мечтали ли вы, что всё сложится так? -Нет, мэм... Совсем нет. В Лонгвью... Мы переехали туда в восьмидесятом, так что мне было 10. Я никогда о таком не думал. Я даже и не знаю, чем я хотел заниматься. До этого я хотел стать футболистом, как отец». Продолжая сюжет, автор раскрывает информацию, что в данном отрывке можно заметить историю переезда и становления личности главного героя. Мы видим мотив «отлучка», которая подразумевает переезд семьи героя.

- «Мы даже фильмы особо не смотрели. Мне не разрешали смотреть телевизор или ходить в кино». Далее можно заметить уже стандартное использование мотивов «запрет» и «нарушение запрета».

- «Так что это было всегда вне круга моих интересов. Так что я и не мечтал об этом. Наверное, мне тогда было все равно, что я буду делать в жизни». Затем в истории появляется мотив «начинающееся противодействие», он предполагает, что главный герой начинает взрослеть, ему приходится разрешать сложившиеся ситуации, даже находясь в детской позиции.

- «- Но теперь вы здесь. Один из лучших актеров в стране. Хорошо всё сложилось? - Я бы сказал превосходно. - Вы бы что-нибудь изменили? - Изменил бы я что-нибудь... Нет. Нет, я бы ничего не изменил». Далее с главным героям происходят стандартные изменения, мотив, «трансфигурация».

- «Всё пошло по такому сценарию, какой я бы и прописал. Наверное, я его и писал. И всё сложилось чудесно. Я многому учусь, и я расту. И при этом получаю много удовольствия от этого». Необходимость изменения локации в истории раскрывает мотив «перемещение в иное царство» и «борьба». Предполагается, что мужчина борется с определенными моментами, чтобы стать лучше.

- «Сперва, сразу после фильма «Время убивать», когда пошла первая волна широкого внимания, это немного выбивало из колеи. Когда внимание идет с такой интенсивностью и в таком размере, нужно было не потерять себя, сохранить свое обычное состояние разума. Будучи из Техаса, хотелось сохранить в себе то, что я там получил». В данном отрывке присутствуют инвариант «борьба», инвариант «трансфигурация», инвариант «клеймение», что также указывает на развитие персонажа.

- «И сейчас я учусь по-настоящему наслаждаться теми возможностями, которые мне выпадают». История завершается классическим мотивом «победа».

2. Следовательно, на основе вышеобозначенного повествования можно определить нарративную цепочку: обличение-отлучка-запрет-нарушение запрета-начинающееся противодействие-трансфигурация-воцарение-перемещение в иное царство-борьба-трансфигурация-клеймение-победа.

3. Для больше убедительности автор использует следующие конструкции, тропы и средства выразительности:

Риторический вопрос: «Изменил бы я что-нибудь...»;

Фразеологизм: выбить из колеи;

Парцелляция: «Я никогда о таком не думал. Я даже и не знаю, чем я хотел заниматься. До этого я хотел стать футболистом, как отец»;

Разговорная лексика: выпадают возможности;

Метафора: круг интересов, волна внимания, выпадают возможности;

4. Данные особенности, как и в предыдущих материалах, раскрываются в разговорном стиле речи.

5. Данный прием работает, так как комментаторская среда зрителей содержит позитивные высказывания:

- «Спасибо за наставление. Я люблю тебя. Счастья, здоровья и успеха тебе!» - @user-pr8cm6wn4b.

- «Спасибо большое за помощь и поддержку», - @luckyman6033.

«Мой ЛЮБИМЫЙ АКТЁРИ угадайте после чего я вспылала к нему ЛЮБОВЬЮ?! Когда услышала и увидела, как он носит на руках свою СТАРУЮ СОБАКУ, у которого от старости и болезни отказали задние ноги. Он так сильно его любил, что отказался его усыплять, а старался максимально продлить ему жизнь, во всём ему помогая!!!!!» - @allamatveeva1703.

Исходя из анализа медиапроизведения, можно заметить положительную реакцию и благодарность за «наставления».

Обратимся к анализу материалов сервиса коротких видеороликов TikTok:

Рассмотрим первый видеоролик [\[7\]](#), размещенный в TikTok. В нем содержится информация о Уитни Вульф, она является создательницей одного из известных приложений для знакомств.

1. Как и в предыдущих видеороликах, очевиден выбор раскрытия сюжета:

- «Свой первый бизнес она запустила в 19 лет, еще во время учебы Уитни придумала дизайн бамбуковых сумок и основала благотворительную организацию **HelpUs**, каждая сумка стоила 24 доллара, а деньги от продажи она отдавала на **благотворительность**». В начале истории мы знакомимся с главной героиней видеоролика. Автор обозначает ее достижения, что уже обозначено инвариантным мотивом «обличение», который предполагает воспевание героя. Также зритель может заметить, что героиня выполняет роль благотворителя, что можно соотнести с инвариантами «действия будущего дарителя» и «воцарение».

- «В 2011 Вульф переехала в Лос-Анджелес и устроилась менеджером по маркетингу в только что зарождающуюся компанию **Tinder**». Автор, рассказывая историю, использует мотив «отправка», который необходим для дальнейшего повествования и раскрытия главной героини.

- «Кстати, само название **Tinder** придумала именно Вульф. Однако в 2014 году Уитни покинула сервис, ссылаясь на глупое отношение, сексуальное домогательство». В следующей части мотивирующего контента можно увидеть мотивы

«происки антагониста», «начинающееся противодействие», где героиня сталкивается с домогательством со стороны руководства и решает создать собственный бизнес.

- **«Уитни впала в глубокую депрессию, просто выгорела. Но ей написал глава сервиса знакомств Badoo и предложил работу»**. В ходе повествования герою помогает волшебный даритель, мотивы «первое появление дарителя» и «борьба».

- **«Уитни отказала, но предложила инвестировать в совместны стартап Bumble, исключительной особенностью которого является то, что мужчина первым писать не может»**. Развитие история получает в данном отрывке, где содержатся мотивы «действия будущего дарителя», «перемещение в иное царство».

- **«Успех от стартапа превзошел все ожидания, в первый же месяц его скачали более 100 тысяч раз»**. Стандартным мотивом для завершения истории выступает «победа».

- **«Сегодня в данном приложении больше ста миллионов пользователей, в 150 странах. Уитни Вульф принадлежит 12% компании, а ее долю оценили в 1,6, миллиардов долларов»**. Нарратив, который завершает все повествование, называется «воцарение».

2. Исходя из вышеописанного повествования, можно выделить цепочку из нарративных матриц: обличение-действия будущего дарителя (в рамках обличения)-воцарение (в рамках обличения)-отправка-происки антагониста-начинающееся противодействие-первое появление дарителя-борьба-действия будущего дарителя-перемещение в иное царство-победа-воцарение.

3. Авторы сервиса также выстраивают позитивное общение со зрителем, в их речи присутствуют средства художественной выразительности, тропы и конструкции:

Разговорная лексика: кстати;

Метафора: зарождающаяся компания;

4. Нарратор использует разговорный стиль речи.

5. Такой стиль подачи не оставляет равнодушными зрителей, что отражено в комментаторской среде:

- **«УМНИЦА, НАДО ОТКРЫВАТЬ СВОЕ ДЕЛО»**, - user67006

- **«Сильная девушка, хочу такой же успех»**, - Pavel.

Проанализировав первый ролик сервиса TikTok, мы уже можем утверждать о структурной схожести мотивирующего контента. Нарраторы сервиса также используют доверительный стиль беседы для построения контакта со зрительской аудиторией.

Второй видеоролик [\[8\]](#) содержит историю об известном дизайнере, которого зовут Филипп Плейн.

1. Похожим на предыдущие является и сюжетное повествование данного видеоролика:

- **«Я начал работать в 1998 году, мой череп с камушками появился в 2002 году на одежде. Вот так все начиналось»**. Автор в начале истории использует мотив «обличение», который также знакомит зрителя с главным героем произведения.

- **«Я продавал мебель до 99 года, привозил ее на известные дизайнерские выставки. И если вы погуглите мою мебель в интернете, то вы увидите, каким минимализмом я занимался в начале».** В данном отрывке мы можем заметить начало пути главного героя и мотив «начинающееся противодействие».

- **«Никто не покупает мою габаритную мебель, и я решил, что на следующую выставку я обязательно приеду с аксессуарами для интерьера, а не буду таскаться со всеми этими столами, креслами и стульями».** Далее в истории раскрывается мотив «отправка», необходимый для развития повествования.

- **«Я освоил технологию горячего прядения и склеивания и стал делать подушки Сваровски».** Главный герой начинает совершать переход из одного состояния в другое, «трансфигурация».

- **«И вот в Париж, на выставку 2001 года я вернулся с кипой подушек в стразах, они разлетелись как горячие блинчики, потому что никто не делал подушки со стразами».** После обретения нового состояния герой вступает в состояние борьбы, мотив «борьба», мужчина начинает создавать собственный бренд.

- **«Затем в Кельне происходила международная выставка мебели, Я купил старую винтажную армейскую куртку и наклеил на не старых. На выставке все спрашивали у меня о том, где я взял эту куртку».** Далее в его жизни появляется помощник, способный раскрыть потенциал героя. «Получение волшебного средства».

- **«На второй день выставки я решил ее продать, а потом я продал еще сотни таких курток».** Стандартным завершением истории является использование мотивов «победа» и «воцарение».

2. В ходе повествования выстраивается следующая нарративная цепочка: обличение-начинающееся противодействие-отправка-трансфигурация-борьба-получение волшебного средства-победа-воцарение.

3. Для большего расположения зрителя к себе автор использует средства выразительности, тропы и различные конструкции:

Разговорная лексика: кipa подушек, таскаться со всеми этими столами, погуглите;

Идиома: расходились как блинчики;

Гипербола: продал соткни таких курток;

4. Для создания комфортного просмотра автор использует разговорный стиль речи.

5. После чего зритель раскрывается в комментаторской среде:

- **«Ну, в общем сейчас безвкусица в тренде, как вороны, но его работы иногда вдохновляют»**, - user3751.

- **«Расскажите лучше, ка кон попал на эти выставки, я воспользуюсь такими советами»**, - Freia.

- **«Неужели он просто мебельщик? Как у него это получилось?»** - Freia.

Данный материал также содержит нарративную цепочку, необходимую для построения мотивирующего контента.

Третий видеоролик [\[6\]](#) содержит информацию о бизнесе индуса, который придумал план того, как можно обхитрить большие компании по производству энергетиков.

1. Мотивирующий контент сервиса с короткими вертикальными видеороликами строится по одному и тому же принципу.

- **«У этого индуса состояние 1 миллиард долларов. Он настоящий гений маркетинга, благодаря одной классной идее, он смог победить такие компании как Ред булл и Монстер».** История начинается с мотива «обличение». Нарратор знакомит зрителя с главным героем произведения, раскрывает основные достижения.

- **«Смотрите, в 2003 он решил создать энергетический напиток, была одна огромная проблема, как ему обычному человеку тягаться с Ред булл?»** для развития истории автор использует мотив «отправка», главный герой вступает в активные действия.

- **«Но он был умный мужик и заметил, что некоторые клиенты не полностью пьют энергетик. То есть они чуть-чуть выпивают, а дальше выкидывают. Это навело его на мысли сделать баночку нестандартной формы».** Сталкиваясь с проблемой, главный герой приступает к трансформации, в данном отрывке используется мотив «трудная задача»

- **«Он сделал маленькие баночки, чтобы можно было залпом выпить. Эти банки можно было ставить на полку, где стоят обычные энергетики, можно было ставить и на кассу».** Продолжая рассказ, автор прибегает к использованию мотивов «решение трудной задачи» и «начинающееся противодействие».

- **«Чтобы клиенты поняли фишку, он назвал свой продукт «5 часов дополнительной энергии», чтобы потребитель сразу видел философию бренда».** Мотив «борьба» показывает то, как мужчина при помощи своих идей побеждает другие компании.

- **«Уже в 2012 году его годовая выручка 1 миллиард долларов».** Стандартным завершением истории выступает мотив победа».

- **«Если у тебя есть классная фишка и мозги, то на конкурентом рынке, ты можешь выделяться и конкурировать с огромными гигантами».** Преодолев неприятности, главный герой становится проходит через изменения, это отражено в мотиве «воцарение».

2. Таким образом, можно выстроить следующую нарративную цепочку в рамках вышеописанной истории: обличение-отправка-трудная задача-решение-борьба-победа-воцарение.

3. Особенности мотивирующего контента предполагают использование нарратором различных средств художественной выразительности, тропов и конструкций, грамматически не связанных с членами предложения:

Разговорная лексика: классная фишка, выпить залпом, он умный мужик, классная идея, у этого индуса...;

Метафора: навело на мысли;

Обращение: смотрите;

Эпитет: огромная проблема;

4. Рассказывая данный материал, нарратор использует разговорный стиль речи, что также является неотъемлемой особенностью МК.

5. Доверительная беседа продолжается в комментаторской среде:

- **«Я заметил одно: эти люди стали богатыми все в Америке. Кажется, там шансов больше стать богатым, если есть голова на плечах»**, - Vasif-Ali.

- **«Проще корзины с фруктами. Я вот тоже хочу таким заняться, но пока не решаюсь»**, - u_r_my_moon.

- **«Бро, реально круто, спасибо»**, - Likemen.

- **«Молодец, парень, очень виртуозно, умница!»** - Кульсым.

Слова благодарности зрителя отражают вовлеченность в мотивирующие видеоролики.

Таким образом, очевидна уникальность мотивирующего контента в медиапространстве, она связана с тем, что МК, основываясь на архетипах волшебной сказки становится социально значимым контентом. Замещая первичный поход к специалисту психологического профиля, МК способен вызвать у зрительской аудитории отклик, выраженный в словах благодарности и мотивированности. Такой отклик, по-видимому, обуславливается правильно нарративно-выстроенными сказочными архетипами, которые отражают не только путь становления главного героя экранного произведения, но и помогают выстроить примерный план действий выхода из кризисного положения зрителю. Укорененность в культуре сказочных нарративных матриц [\[9, с. 215\]](#) помогает нарратору выстроить контакт с подписчиками и нарастить аудиторию на разных медиаплатформах. Привлекая к повествованию успешных людей, прошедших «борьбу» и «воцарение» блогер показывает, что любая проблема может быть преодолима. Популярность таких материалов неоспорима, так как, имея важную социальную функцию, зритель способен скорректировать путь собственного становления, опираясь на позитивный результат социально одобряемого человека.

Библиография

1. Аймалова Ю. А. You-Tube как канал влияния на общественное мнение / Ю. А. Аймалова // Вестник науки. — 2022. — № 3 (48). — С. 10-23.
2. Алещанова Ирина Владимировна Нарративность: определение понятия // Известия ВГПУ., 2006. – №3. – С. 43-47.
3. Бремон Кл. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 239–246.
4. Возможности для продвижения видео на YouTube // Cossa : интернет-издание о маркетинге и коммуникациях в цифровой среде. — URL: <http://www.cossa.ru/trends/132315/> (дата обращения: 25.04.2021).
5. Духновский С. В. Переживание психологического кризиса и ситуационные реакции личности / С. В. Духновский // Вестник Курганского государственного университета. — 2014. — № 1. — С. 78-81.
6. История бренда энергетических напитков 5-hour ENERGY // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNK39Uq7> (дата обращения: 16.11.2023).
7. История Уитни Вульф // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNwyeURD>. (дата обращения: 15.11.2023).

8. История Филиппа Плейна // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNwyndJH> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Концевая Т. Ю. Какой контент YouTube актуален среди интернет-пользователей? / Т. Ю. Концевая, Д. С. Быльева // Коммуникативные стратегии информационного общества : труды IX Междунар. науч.-теорет. конференции. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 214-218.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 352 с.
11. Молодой Мэттью Макконахи: "Я и Не Мечтал, Что Столького Добьюсь!" (Интервью 1997) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1a3w8AQТсMI> (дата обращения: 04.11.2023).
12. Мотивация от Джейсона Стэтхэма | Советы от голливудского актера // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rkBYGy_Mw3A&list=RDCMUЦИQwee4W3DnKOqZqtVEeN5Q&index=41 (дата обращения: 06.11.2023).
13. Наговицын А. Е., Пономарева В.И. Сказкотерапия: теория и практика. Типология сказки. — Москва : Генезис, 2011. — 336 с.
14. Научись Думать Как Миллионер-Грант Кардон-Мотивация Успеха // YouTube. URL: <https://youtu.be/AO6hFtjdouM?si=osRdnW7GmUhQSnx>-(дата обращения: 05.11.2023).
15. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Academia, 1928. — 152 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлены результаты исследования нарративной структуры мотивирующего контента, размещенного как в видеохостинге горизонтальных длинных видеороликов You-Tube, так и в сервисе для создания коротких видеороликов вертикального типа TikTok. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена растущим интересом научного сообщества к медиадискурсу как объекту лингвистики и межкультурной коммуникации, а также к такому понятию как 'мотивирующий контент': «термин 'мотивирующий контент' ранее не рассматривался в качестве отдельной единицы анализа. Его распространенность в медиапространстве говорит о целесообразности академического изучения».

Теоретической базой научной работы послужили труды известных российских и зарубежных ученых, таких как В. Я. Пропп, А. Маслоу, С. В. Духновский, Клод Бремон, Ю. А. Аймалова, Т. Ю. Концевая и др. Материалом исследования явились шесть видеоматериалов (3 материала горизонтального характера платформы You-Tube, три материала вертикального характера сервиса TikTok), затрагивающие стандартные кризисные ситуации человека. Выбор именно этих роликов автор(ы) объясняют «высокой степенью их репрезентативности». Эмпирической базой явилось содержание комментариев к мотивирующему контенту, отражающих рецепцию зрителя, так как «нарратором затрагиваются повседневные человеческие проблемы». Методология исследования выбрана с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы и основана на нарративном анализе повторяющихся матричных элементов, абстрактно-логическом методе и методе системного анализа.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить основные средства художественной выразительности, тропы и конструкции, грамматически не связанные с членами предложениями в речи нарратора,

стиль речи нарратора, определить нарративные цепочки из устойчивых матричных сочетаний, а также установить, что «уникальность мотивирующего контента в медиапространстве связана с тем, что, основываясь на архетипах волшебной сказки, он становится социально значимым контентом. Мотивирующий контент способен вызвать у зрительской аудитории отклик, выраженный в словах благодарности и мотивированности, благодаря правильно нарративно-выстроенным сказочными архетипами, которые отражают не только путь становления главного героя экранного произведения, но и помогают выстроить примерный план действий выхода из кризисного положения зрителю».

Стиль изложения соответствует требованиям научного описания: «Перечислим инвариантные функции, обоснованные В.Я. Проппом на сказочном материале», «Обратимся к анализу материалов видеоплатформы You-Tube», «Особенности мотивирующего контента предполагают использование нарратором различных средств художественной выразительности». Следует отметить четкую, логически выстроенную структуру представленного материала, что способствует его полноценному восприятию.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых научные труды на русском языке и ссылки на видеоролики You-Tube и TikTok. Однако автору(ам) следует опираться на более актуальные источники по изучаемой проблематике.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена ее вкладом в изучение медиалингвистики, а также современных языковедческих проблем, связанных с исследованием нарративных стратегий в мотивирующем контенте медиадискурса.

Статья имеет завершённый вид, она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и You-Tube», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду сложности, изменчивости и неопределённости процессов, которые образуют медиадискурс, а также тем фактом, что автор обращается к исследованию одного из трендов метамодернизма, оказывающим влияние на трансформацию социокультурной действительности в целом и развитие креативных индустрий в политике, массмедиа, литературе, кинематографе, развлечениях, музыке.

В статье исследуется нарративная структура мотивирующего контента (далее – МК), размещенного как в видеохостинге преимущественно горизонтальных длинных видеороликов You-tube, так и в сервисе для создания коротких видеороликов вертикального типа TikTok.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методология исследования основана в первую очередь на нарративном анализе повторяющихся матричных элементов, которые были выявлены В.Я. Проппом в ходе изучения организации сказочного повествования. В качестве методов исследования также применяются теоретический анализ литературы,

медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др. Неясен отобранный языковой корпус для проведения исследования (ролики, их количество и характеристики), а также принципы выборки материала.

Выводы автора проиллюстрированы языковыми примерами на русском языке.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, заключения.

Однако заключение статьи не в полной мере отображает поставленные автором задачи, также в статье нет информации о возможных перспективах исследования.

Библиография статьи насчитывает 15 источников под авторством как отечественных, так и зарубежных исследователей.

К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии, журналистики и теории дискурса. Статья «Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и You-Tube» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Данилина О.В., Сафронова А.А. Использование тематической презентации как аудиовизуального лингвокультурологического средства изучения языка // Litera. 2024. № 9. С. 59-71. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.70983 EDN: FIHTPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70983

Использование тематической презентации как аудиовизуального лингвокультурологического средства изучения языка

Данилина Ольга Вячеславовна

ORCID: 0009-0005-2483-2244

старший преподаватель; филологический факультет, МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1, каб. 217

✉ olgadanilina@mail.ru



Сафронова Александра Анатольевна

преподаватель; Центр русского языка; МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне

518172, Китай, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ ksandrine_saf@mail.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.70983

EDN:

FIHTPT

Дата направления статьи в редакцию:

09-06-2024

Дата публикации:

26-09-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является презентация к тематическому уроку, которая представляет собой современное аудиовизуальное средство, широко применяющееся в учебном процессе. Аудиовизуальные средства

развивают навыки аудирования, расширяют лексический запас учащихся и их культурологические знания, повышают интерес к изучению функционирования языка, таким образом способствуя более продуктивному его усвоению. Интерес китайской аудитории к использованию различных мультимедийных ресурсов и эффективность работы с ними отмечается многими современными китайскими учёными, занимающимися исследованиями в области китайской русистики. В совместном Университете МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне использование тематических презентаций преследует следующие лингводидактические цели: усиление интереса к русской культуре; усвоение не только лингвистических, но и паралингвистических аспектов коммуникации; развитие навыков аудирования и говорения. Тематика презентаций связана в первую очередь с памяtnыми датами, имеющими значение как для русскоговорящего, так и для мирового сообщества (дни рождения известных русских писателей и поэтов), а также с российскими праздниками, имеющими национально-специфический характер и обладающими культурологическим потенциалом. Методы наблюдения и описания выявили, что при создании презентации проводится тщательный отбор лингвострановедческих единиц. Для решения вопроса о минимизации материала в соответствии с лексическими минимумами активно используется нарезка видео/аудиофайлов. Для примера в статье рассматриваются презентации «Лев Толстой» и «Масленица». В статье делается вывод о том, что использование тематических аудиовизуальных презентаций приносит в занятие интерес, игровой и творческий элементы, усиливает мотивацию к изучению языка, пробуждает у учащихся желание более активно и эмоционально реагировать на материал, развивает языковую, речевую, социокультурную и социальную компетенции учащихся, улучшает навыки и умения во всех видах речевой деятельности, особенно – в области аудирования и говорения. Использование тематических презентаций в совместном Университете МГУ-ППИ ведётся системно и регулярно с учётом уровня обучающихся и календарно-тематического планирования на каждом этапе овладения языком. Научная новизна данной статьи состоит в том, что в ней рассматриваются актуальные подходы к использованию аудиовизуальных средств на занятиях по РКИ и предлагаются некоторые типы современных, интересных заданий для презентаций.

Ключевые слова:

тематическая презентация, аудиовизуальные средства, отбор лингвострановедческих единиц, креолизованный текст, аутентичные материалы, активизация эмоционального фона, минимизация материала, нарезка файлов, инновационные технологии, критическое мышление

Введение

Презентация к тематическому уроку представляет собой современное аудиовизуальное средство, широко применяющееся в учебном процессе, включающее материалы, предназначенные для предъявления зрительной и слуховой информации. Аудиовизуальные средства развивают навыки аудирования, расширяют лексический запас учащихся и их культурологические знания, повышают интерес к изучению функционирования языка, таким образом способствуя более продуктивному его усвоению. Целью данной статьи является анализ такого современного средства обучения РКИ, как презентация, оценка эффективности использования в ней аудиовизуальных средств и иллюстрация применения презентаций в Университете МГУ-

ППИ в Шэньчжэне. В ходе исследования были использованы методы наблюдения и описания. Научная новизна данной статьи состоит в том, что в ней рассматриваются актуальные подходы к использованию аудиовизуальных средств на занятиях по РКИ и предлагаются некоторые типы современных, интересных заданий для презентаций.

Обсуждение

Использование аудиовизуальных средств на занятиях русским языком как иностранным является актуальным и исключительно результативным способом стимулирования учебного процесса, особенно когда речь идёт о тематической презентации. Работа с презентацией как видом ИКТ на уроках РКИ позволяет разнообразить формы работы, деятельность учащихся, активизировать внимание, повышает творческий потенциал личности. Показ презентаций в программе Power Point может использоваться на занятии при постановке проблемы, при развитии темы, на заключительном этапе при подведении учащихся к самостоятельным умозаключениям и рефлексии, при коррекции усвоенных знаний. Включая в презентацию схемы, таблицы, практические задания, тесты, видеоролики, анимацию [1], преподаватель может превратить её в увлекательный способ вовлечения учащихся в образовательную деятельность. Высокая информационная насыщенность в сочетании с рациональной подачей материала и активизацией эмоционального фона (как известно, «эмоционально окрашенный материал запоминается – при прочих равных условиях – лучше, чем эмоционально безразличный» [2], а эффективность обучения напрямую зависит от положительных ассоциаций, вызываемых обучающим материалом [3]) делает презентацию незаменимым подспорьем в работе, особенно в смысле усиления мотивации к изучению языка и значительной экономии времени. Особо отметим, что интерес китайской аудитории к использованию «мультимедиа и сетевых ресурсов» и эффективность работы с ними отмечается многими современными китайскими учёными, занимающимися исследованиями в области китайской русистики [4].

Дидактические принципы наглядности и показа явлений действительности в динамике в сочетании с возможностью задействовать на занятии как индивидуальные, так и групповые формы работы дают возможность сориентировать учащихся во всех аспектах языка, создать коммуникативно оправданные стимулы для говорения [5]. Кроме того, работа с презентацией проходит легко и с интересом благодаря постоянному переключению внимания учащихся со слуховых образов на зрительные, зрительно-слуховые и даже тактильные (при работе с игровыми заданиями на доске или планшете). Презентации (как и инфографика, ментальные карты и т.п.) позволяют представлять информацию более динамично, интерактивно и детально [6], дают возможность использовать «речевые игры, проблемные задания и элементы соревнования» [7].

Использование тематических презентаций в совместном Университете МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне преследует следующие лингводидактические цели: усиление интереса к русской культуре; усвоение не только лингвистических, но и паралингвистических аспектов коммуникации; развитие навыков аудирования и говорения. Тематика презентаций в названном университете связана в первую очередь с памяtnыми датами, имеющими значение как для русскоговорящего, так и для мирового сообщества (дни рождения известных русских писателей и поэтов), а также с российскими праздниками, носящими национально-специфический характер и обладающими культурологическим потенциалом (к примеру, с Масленицей или Днём России).

Исходя из сказанного выше проводится тщательный отбор лингвострановедческих

единиц, подлежащих включению в презентацию. Этими единицами в первую очередь являются фрагменты аутентичных художественных и учебных фильмов, мультфильмов (иногда обеспечивающих большую чёткость звучания), песен, научных и публицистических передач. Именно эти аутентичные материалы позволяют погрузить учащихся в языковую и культурную среду в ситуации нехватки полноценного аутентичного языкового окружения [8]. Не меньшей ценностью обладают разнообразные изображения, находящиеся в свободном доступе в Интернете, и различные креолизованные тексты (фрагменты рекламы, блога или мема). Последние представляют для создателей презентаций особый интерес, так как «текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей», так называемый «текстовый дизайн» способствует лучшему декодированию и усвоению информации [9]. И наконец, активно включаются в презентации собственные аудиовизуальные разработки преподавателей («псевдоаутентичные» видео или аудиозаписи). Богатая библиотека цифровых ресурсов позволяет подобрать учебный материал, максимально соответствующий лингвистическим потребностям, профессиональным и жизненным интересам обучающихся. Разнообразие цифровых инструментов и сервисов позволяет преподавателю создавать учебный материал с учетом индивидуальных особенностей студентов, делает обучение персонализированным [10].

Для решения вопроса не только об отборе, но и о минимизации материала в соответствии с лексическими минимумами того или иного этапа обучения активно используется нарезка видео/аудиофайлов в различных видеоредакторах. При этом авторы намеренно включают в контент презентаций лексику, выходящую за текущий уровень владения языком, в целях обогащения активного и пассивного словарного запаса учащихся и развития их языковой догадки. Текстовая гетерогенность [11] при этом рассматривается как положительный момент, стимулирующий сложные психические связи и развивающий критическое мышление. При подготовке презентаций учитывается также принцип чередования фрагментов с низкой и высокой информационной насыщенностью [12], со слуховой и зрительной опорой, что даёт возможность отсроченно «перерабатывать» предъявленный материал и понимать его в полной мере позднее, во время пауз и «переключек», когда непонятые элементы становятся понятными, а пропущенные восстанавливаются. Паузы и «переключки» во время аудирования, помимо того, активируют разного рода интертекстуальные связи, давая возможность реципиентам соотносить текст каждого слайда не только с другими в презентации, но и с предъявленными ранее на занятиях, то есть с общей фоновой информацией, необходимой для полноценного проникновения в культуру страны изучаемого языка.

В презентации, рассчитанные на менее высокий уровень владения языком, включаются небольшие задания, направленные на снятие языковых трудностей. Презентации для работы с продвинутым уровнем владения языком имеют справочные вставки. Задания к большинству слайдов тех и других презентаций часто формулируются как установочные, что обеспечивает не только восприятие материала, но и его запоминание (как известно, «запоминание и воспроизведение зависят не только от объективных связей материала, но и от отношения к нему личности» [2]). Все презентации в конечном итоге нацелены на «выход в речь» и проведение микродискуссий, то есть предполагают развитие не только лингвистической и социолингвистической, но и социальной компетенции, которая проявляется в «готовности и желании взаимодействовать с другими, уверенности в себе» [7], а также «способности справиться со сложившейся ситуацией» [7]. Поэтому работа с презентацией на уроке в МГУ-ППИ является не просто просмотром студентами

серии слайдов, а активным взаимодействием преподавателя и учащихся. Причем студенты стремятся как деятельно перерабатывать и усваивать материал, так и продуцировать собственную вербальную или эмоционально-физическую реакцию на увиденное и услышанное (поскольку «восприятие является чувственным отображением предмета или явления объективной действительности, воздействующей на наши органы чувств» [\[7\]](#)).

Все вышеназванные принципы создания презентаций, а также лингвострановедческие единицы, включаемые в них, способствуют успешному проведению комплексной работы с рассматриваемым аудиовизуальным средством на тематических уроках в МГУ-ППИ. Для примера обратимся к презентациям «Лев Толстой» и «Масленица», которые использовались в группах инофонов в 2023 году.

Поскольку при планировании тем презентаций отбирались те, которые были наиболее актуальны для данного уровня владения языком, презентация «Масленица» была ориентирована на учащихся 1 курса (уровень A2+), презентация «Лев Толстой» – на студентов 2-3 курсов (уровень B1+) бакалавриата филологического факультета. В обе презентации были включены как аутентичные аудио- и видеофрагменты и креолизованные тексты, так и аудиовизуальные разработки преподавателей. К примеру, учащимся было предложено прослушать обращение Л.Н. Толстого к детям (запись 1908-ого года) и ответить на установочный вопрос «За что дети должны помнить Толстого?» Установка не только помогала учащимся сориентироваться в контексте звучащего текста (выступление перед детьми), но и нацеливала их на запоминание информации, которая могла быть использована на завершающем этапе работы с презентацией при подведении итогов и обсуждении значения личности великого писателя. Аудиозапись вызвала у студентов живой интерес, так как Толстой перестал быть для них абстрактной исторической фигурой, давно умершим классиком русской литературы. Смысловое наполнение обращения писателя к детям, а также убедительный тон речи и звучание голоса (доброе, спокойное, уверенное) дали учащимся возможность лучше понять личность Толстого, почувствовать и прочувствовать его характер. Аудиозапись стала своеобразным камертоном, благодаря которому исключительно позитивно были восприняты слайды, построенные по принципу креолизации письменной информации с соответствующим изображением [\[13\]](#). Рубрика «Верите или не верите?» предлагала критически оценить факты из биографии писателя, сопоставив их с поддерживающими по смыслу или противоречащими тексту о Толстом фотографиями/картинками. К примеру, сообщение о том, что Лев Николаевич принадлежал к древнему дворянскому роду, был аристократом, вступало в конфликт с изображением пахущего в поле писателя. А информация о прозвище Толстого, данном одним из его современников (Лао-цзы), коррелировало с парой сопоставленных изображений русского и китайского мыслителей. Такие задания «открытого типа, высокого уровня проблемности» [\[7\]](#), позволяющие учащимся «выразить свою точку зрения, иногда отличную от других» [\[7\]](#), рекомендованы к активному использованию на любых занятиях по изучению иностранного языка. Высока вероятность того, что без соответствующих изображений вопросы к слайдам были бы лишены глубины и эмоциональности, их интерпретация не стимулировала бы у студентов желания критически мыслить и обсуждать результаты своих размышлений. Средства выделения в презентации (использование курсива, дореформенного алфавита) способствовали решению той же задачи – созданию ощущения «прикосновения» к эпохе, к «живой» личности великого писателя. Таким образом, не только сам тип заданий, но и возможность методически правильно предъявить их привнесли естественность живой дискуссии в определённую часть урока о Льве Толстом.

Поскольку целевой аудиторией презентации «Масленица» были учащиеся более низкого уровня владения языком, потребовалось включить в нее задания на знакомство с новой лексикой, на снятие языковых трудностей. В этом случае прекрасно показали себя слайды с семантизацией новой лексики через изображения. Сочетание вербального и невербального компонентов [\[11\]](#), использование гиперссылок позволяли учащимся быстро запоминать новый материал прямо на уроке и активно использовать его при обсуждении следующих слайдов. Причем на некоторых слайдах изображения не только иллюстрировали текст (слово или словосочетание), но и дополняли его, выделяя определённые компоненты значения, создавая эмоциональность, апеллируя к чувствам учащихся. Так, мини-текст о связи блина и солнца через форму, тепло и радость поддерживался изображением вкусного, дымящегося блюда и ласкового, улыбающегося солнышка.

Аутентичные фрагменты для этой презентации были выбраны из фильма Н.С. Михалкова «Сибирский цирюльник» и из мультфильмов «Смешарики» и «Князь Владимир», имеющих довольно сложное языковое наполнение. Однако сами отрывки представляли собой фрагменты с ярким, динамичным действием и не требовали активного аудитивного восприятия, а служили больше страноведческим целям. В презентацию были включены также два постановочных видео, записанные китайскими студентами старших курсов и русскими преподавателями. Эти видео вызвали самую бурную реакцию, так как наглядно продемонстрировали связь изучаемого материала с реальной жизненной ситуацией. Слайд, содержащий интервью с китайскими студентами, празднующими Масленицу в Москве, представлял из себя креолизованный текст, так как был оформлен в виде странички социальной сети Wechat и создавал иллюзию отсутствия постановочности. Видео, записанное преподавателями, выглядело как запись реального процесса выпекания блинов на кухне (хозяйка дома учит менее опытную коллегу готовить). Видео стало не только прекрасным материалом для аудирования, но и стимулом для самостоятельного изготовления блинов студентами университета. Рецепт изготовления блинов также был оформлен как интегративный креолизованный текст [\[14\]](#), что и обеспечило максимальную вовлечённость учащихся в дальнейшую работу с этим слайдом.

Для повторения и закрепления материала на уровне A2+ (в отличие от дискуссии, использованной в случае презентации о Льве Толстом) были привлечены современные инновационные технологии – интерактивная групповая игра и тест, подготовленный на платформе 4exam.ru., которые сделали завершающую часть урока максимально увлекательной, динамичной и продуктивной и обеспечили успешность заключительного этапа работы с презентацией – рефлексия.

После завершения работы с вышеназванными презентациями авторами был проведён анализ эффективности их использования на уроках РКИ в нескольких целевых группах. Учащимся 2–4 курсов филологического факультета, работавшим с презентацией «Лев Толстой» (уровень B1+), был предложен опросный лист, содержащий вопросы сравнительного характера, направленные на выявление предпочитаемых типов заданий. Опрос выявил большую степень заинтересованности учащихся в данном виде работы (урок по презентации). На 1 курсе (уровень A2+) в четырёх группах с сопоставимой успеваемостью (в двух группах, работавших с презентацией «Масленица», и двух группах, изучавших тему «Праздники» в обычном формате чтения и обсуждения текстового материала) была проведена оценка остаточных знаний (сравнение результатов выполнения тестового задания). Группы, работавшие с презентацией, продемонстрировали более уверенные остаточные знания по проверяемой теме. Доля

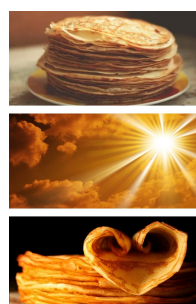
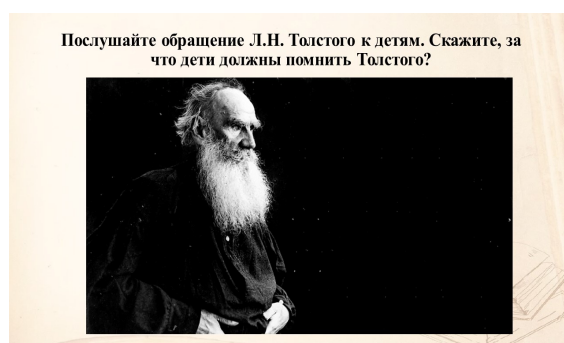
обучающихся, выполнивших задание на 86-100%, в данных группах составила около 90%, в то время как в других группах – 75%.

Заключение

Таким образом, использование тематических аудиовизуальных презентаций – эффективного современного средства обучения – приносит в занятие интерес, игровой и творческий элементы, усиливает мотивацию к изучению языка, пробуждает у студентов желание более активно и эмоционально реагировать на материал, развивает языковую, речевую, социокультурную и социальную компетенции учащихся, улучшает навыки и умения во всех видах речевой деятельности, в первую очередь – в области говорения и аудирования. Исходя из этого разработка и использование тематических презентаций в совместном Университете МГУ-ППИ ведётся системно и регулярно с учётом уровня обучающихся и календарно-тематического планирования на каждом этапе овладения языком.

Приложение

1. Фрагменты презентаций (скриншоты слайдов) «Лев Толстой» и «Масленица».



Правильно! Блин похож на солнце – тёплое, приятное, красивое. Если человек съест блин, ему будет тепло и он будет счастлив.

Задание 4. Кто запомнил больше всего информации о Масленице? Перейдите по ссылке и выполните тест.

4exam.ru/test/17055/



Задание 5. Давайте поиграем! Ответьте на вопросы.

	А	Б	В
1	масленица	масленица	масленица
2	масленица	масленица	масленица
3	масленица	масленица	масленица

Задание 2. Б) Вы хотите приготовить блины. Прочитайте рецепт блинов и запомните последовательность действий.



Задание 3. Посмотрите, как ваши преподаватели готовят блины. Скажите, что они делают (прокомментируйте их действия).



Библиография

1. Алиханова С.Р.К. Использование информационных компьютерных технологий на уроках русского языка как иностранного // Этнодиалоги. – 2024. – №2 (73). С.240–245.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – Москва [и др.]: Питер, 2009. – 705 с.
3. Левина Г.М. Специфика преподавания РКИ в цифровую эпоху. Части 1, 2 // Монография. Г.М. Левина. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 191 с.
4. Ян Кэ. Мультимедиа и Интернет в обучении русской общественно-политической лексики, выражающей китайскую специфику (на примере учебного курса «Чтение прессы на русском языке» в китайских вузах) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №2. – С. 39–52.
5. Щукин А.Н. Методика использования аудиовизуальных средств / А. Н. Щукин. – М.: Русский язык, 1981. – 128 с.
6. Базванова Т.Н., Никишина Ю.В., Мошкова С.Е. Применение интерактивных технологий и графических средств на занятиях по русскому языку как иностранному // Современное педагогическое образование. – 2023. – №7. С.86–92.

7. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2002. – 238 с.
8. Коджаспирова Г.М. Технические средства обучения и методика их использования / Г. М. Коджаспирова, К. В. Петров. – М.: Академия, 2017. – 256 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
10. Загуменникова Н.В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. – 2023. – №1-1. С.165–178.
11. Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Т. А. Винникова. – Барнаул, 2010. – 21 с.
12. Князев А.А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Учебное пособие / Кыргызско Российский Славянский университет. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. – 160 с.
13. Бернацкая. А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). – Красноярск: Красноярский университет, 2000. – С. 104–110.
14. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
15. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы [Текст] / Э. Г. Азимов // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 6(229). – С. 45–55.
16. Акишина А.А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус.яз. Курсы, – 2015. – 234 с.
17. Богомолов А.Н., Дунаева Л.А. Аутентичный текст и аутентичная языковая среда в обучении русскому языку как иностранному [Текст] / А. Н. Богомолов, Л. А. Дунаева // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 5. – С. 94–100.
18. Брагина А.А. Книга и фильм (о фильмах – экранизациях и кинотексте) // Сборник статей под ред. В. Г. Логиновой. – М.: Русский язык, 1989. – С. 22–27.
19. Брагина А.А. Киноурок: цель, средства и этапы учебного процесса /А. А. Брагина // Русский язык за рубежом. – 1980 – № 1 – С. 77–82.
20. Ворошилова М.В. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. В. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 180–189.
21. Елухина Н.В. Основные трудности аудирования и пути их преодоления // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. А. А. Леонтьев. М.: Русский язык, – 1991 – С. 226–237.
22. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку: (На материале рус. яз. как иностранного) / И. А. Зимняя. – М.: Русский язык, 2013. – 219 с.
23. Кузьмина Н.А. Медиадискурс: новые явления и новые подходы: коллектив. моногр. / под ред. Н. А. Кузьминой. – Омск, 2010. – 446 с.
24. Щукин А.Н. Лингвострановедение и наглядность (некоторые вопросы теории и практики) // Русский язык за рубежом. Русский язык для иностранцев. Сборник статей № 22. – М., 1982. – С. 172-177.
25. Щукин А.Н. Методика использования аудиовизуальных средств (при обучении русскому языку как иностранному в вузе). – М.: Высшая школа, 1981. –113 с.
26. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. И. Володиной. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – 760 с.
27. exam – российский бесплатный онлайн конструктор тестов [Электронный ресурс].

URL: <http://didaktor.ru/4exam-rossijskij-besplatnyj-onlajn-konstruktor-testov/> (дата обращения 24.08.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследование посвящено возможностям использования тематической презентации как многоаспектного средства изучения языка. Как один из аспектов, в статье анализируется презентация как современное средство обучения РКИ

Методология исследования построена на традиционном подходе. Применен анализ накопленного практического педагогического опыта. Для описания опыта использования тематической презентации применены метод наблюдения и описания. Особенностью работы является оценка эффективности использования в презентации аудиовизуальных средств и иллюстрация применения данного средства в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Научная новизна данной статьи состоит в том, что в ней рассматриваются актуальные подходы к использованию аудиовизуальных средств на занятиях по РКИ и предлагаются некоторые типы современных, интересных заданий для презентаций.

С методологической точки зрения статья носит теоретический характер, хотя на её страницах затрагиваются практические аспекты работы, опытно-экспериментальная часть в тексте не представлена в понимании представления результатов исследования. Фактически основным методом исследования выступает описательно-педагогический анализ.

Актуальность статьи соотносится с необходимостью развития навыков говорения у студентов на занятиях русским языком как иностранным является. Аудиовизуальные средства развивают навыки аудирования, расширяют лексический запас учащихся и их культурологические знания, повышают интерес к изучению функционирования языка, таким образом способствуя более продуктивному его усвоению.

Стиль, структура, содержание. Статья имеет свою структуру, соотносимую с передачей представленного материала. В ней достаточно аргументированно дается обоснование актуальности, обзор проблемы. Очень логично представлены принципы и цели использования тематических презентаций в совместном Университет МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне, включая усиление интереса к русской культуре; усвоение не только лингвистических, но и паралингвистических аспектов коммуникации; развитие навыков аудирования и говорения. В методическом аспекте рассмотрения проблемы также обозначена тематика презентаций, которая соотносится в первую очередь с памятными датами, имеющими значение как для русскоговорящего, так и для мирового сообщества (дни рождения известных русских писателей и поэтов), а также с российскими праздниками, имеющими национально-специфический характер и обладающими культурологическим потенциалом (к примеру, с Масленицей или Днём России).

Выводы и заключения, представленные в статье, очень помогают в методическом понимании комплексной работы с рассматриваемым аудиовизуальным средством на тематических уроках в МГУ-ППИ. Однако требуется показать степень эффективности использования презентации в обучении, что усилит качество представленной статьи.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям.

По тексту статьи присутствуют ссылки на библиографию.

Апелляция к оппонентам: Название статьи соответствует содержанию. Методология

статьи соответствует научному исследованию. Статья рекомендована к публикации после внесения изменений.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья достаточно интересна, может быть использована в различных педагогических направлениях.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Использование тематической презентации как аудиовизуального лингвокультурологического средства изучения языка». Работа представляет собой обзор теоретических исследований и методических разработок.

Предмет исследования. Работа нацелена на проведение анализа такого современного средства обучения РКИ, как презентация, оценки эффективности использования в ней аудиовизуальных средств и иллюстрирование применения презентаций в Университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Автором рассмотрены, в основном, учебники и учебные пособия прошлого века, в которых специалисты предлагают собственное решение затронутой проблемы. Недостаточное внимание уделено анализу современных разработок.

Методология исследования. Автором проанализировано ряд отечественных работ XX века, которые рассматривали затронутую проблему. Однако, ФИО ученых, представители направлений и выделенные подходы в статье не представлены. Теоретико-методологический анализ является недостаточным.

Актуальность исследования. Затронутая в статье проблема является актуальной. Автором отмечается, что использование аудиовизуальных средств на занятиях русским языком как иностранным является актуальным и исключительно результативным способом стимулирования учебного процесса, особенно когда речь идёт о тематической презентации. Высокая информационная насыщенность данного средства в сочетании с рациональной подачей материала и активизацией эмоционального фона делает презентацию незаменимым подспорьем в работе, особенно в смысле усиления мотивации к изучению языка и значительной экономии времени. Автором отмечается, что интерес китайской аудитории к использованию «мультимедиа и сетевых ресурсов» и эффективность работы с ними отмечается многими современными китайскими учёными, занимающимися исследованиями в области китайской русистики.

Научная новизна исследования. Проведенный анализ позволил автору статьи рассмотреть актуальные подходы к использованию аудиовизуальных средств на занятиях по РКИ и предложить некоторые типы современных, интересных заданий для презентаций. Однако, данные вопросы были рассмотрены в современных исследованиях. В связи с недостаточным проведением автором теоретического анализа источников за последние 10 лет о научной новизне можно отмечать относительно.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы интуитивно прослеживается, автором только намечены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Однако, объем и содержание статьи не отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Это не позволило раскрыть в полной мере заявленный в названии статьи предмет исследования.

Во вводном разделе представлена актуальность проводимого исследования. Автором выделены цель, методы и научная новизна данной статьи.

В основной части выделены дидактические принципы, а также значимость и эффективность использования тематических презентаций в процессе преподавания

русского языка как иностранного. Автором выделены некоторые актуальные темы презентаций с учетом целевой аудитории.

В завершении статьи автор сделал вывод о том, что использование тематических аудиовизуальных презентаций, эффективного современного средства обучения, приносит в занятие интерес, игровой и творческий элементы, усиливает мотивацию к изучению языка, пробуждает у учащихся желание более активно и эмоционально реагировать на материал, развивает языковую, речевую, социокультурную и социальную компетенции учащихся, улучшает навыки и умения во всех видах речевой деятельности, в первую очередь – в области говорения и аудирования.

В работе имеется приложение с фрагментами презентаций.

Библиография статьи включает в себя 23 отечественных источников, издания за последние три года отсутствуют. В списке представлены, в основном, учебные, учебно-методические и методические пособия. Помимо этого, имеются также статьи, тезисы, диссертации, интернет-источники. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно. Отсутствуют ссылки на значительную часть источников библиографии.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) структурировать работу, выделить отдельно основные части;
- 2) теоретический анализ недостаточен, так как опирается, в основном, на учебные и учебно-методические пособия; важно провести анализ научно-исследовательских работ (статьи, тезисы, монографии, диссертации), в том числе, зарубежных и современных (за последние 3-5 лет);
- 3) выделить отдельно введение, в котором определить объект, предмет, гипотезу, теоретико-методологические основы практическую значимость проведенного исследования;
- 4) необходимо разработать рекомендации педагогам по использованию тематических презентаций, которые будут выступать в качестве аудиовизуального лингвокультурологического средства изучения языка;
- 5) важно проверить работу на предмет описок (например, «отсроченно, «обучення», «выполнения», и т.д.);
- 6) продемонстрировать эффективность внедрения предлагаемой методики с помощью проведенного эмпирического исследования (опрос, проведение формирующей программы и пр.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами методики преподавания иностранных языков, в частности, нахождение эффективных учебных инструментов. Однако статья не может быть рекомендована к опубликованию. Важно учесть выделенные рекомендации, осуществить анализ, в том числе, современных разработок и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной для рецензирования статье выступает обучение русскому языку как иностранному, предметом же – использование презентации для ретрансляции лингвокультурологических знаний в данном процессе.

С учётом того, что использование мультимедийных средств обучения является в достаточной мере исследованным в современной педагогике, равно как и аксиоматической предстаёт значимость лингвокультурного компонента в процессе преподавания языка, рассматриваемая статья в плане актуальности и новизны может претендовать только на локальную значимость в плане обмена опытом. Нужно сказать, что эта задача решена в тексте в достаточной степени.

Данная задача предполагает описательный педагогический анализ как основной и фактически единственный примененный метод исследования, что является минимальным и достаточным методологическим инструментарием для работы, нацеленной на ретрансляцию педагогического опыта.

С языковой точки зрения работа выполнена полностью в соответствии с нормами научного стиля. Описание авторского опыта создаёт эффект общения с аудиторией, что позитивно для журнального жанра.

Перечень литературы с содержательной точки зрения соответствует требованиям и находит отражение на страницах работы.

С учётом высокой популярности тематики, потенциальная аудитория у данной публикации может быть весьма широкой, это также обусловлено и междисциплинарной спецификой статьи.

Замечания по работе имеют как структурный, так и содержательный характер.

Со структурой точки зрения несколько необычным выглядит раздел "приложения". Он типичен для квалификационных работ, представленные иллюстрации, на наш взгляд, выигрышнее смотрелись бы, будучи рассредоточенными по тексту. Отметим также, что в тексте фактически сливается теоретическая и праотеческая части, а раздел "обсуждение" традиционно понимаемый как значимость исследования в рамках публикационного поля, фактически представляет основную часть работы. Так статья существенно выбивается из традиционных исследовательских канонов со структурной точки зрения.

С содержательной точки зрения работа чрезвычайно выиграла, если бы в ней эффективность презентации была представлена, например, в сравнении с другими наглядными средствами обучения с акцентированием её не только преимуществ, но и недостатков; если бы, например, были разобраны конкретные условия как параметры работы с презентацией, при которых она наиболее эффективна. Без этой информации работа раскрыта в несколько идеализированном виде, что на наш взгляд, типично для методических материалов, но не для научно-аналитических.

Вывод. Представленные замечания несколько обедняют содержание рукописи в аналитическом плане и фактически демонстрируют его ярко выраженный методический крен. Тем не менее, общее весьма высокое качество текста, равно как и описание авторского опыта позволяют говорить о локальном исследовательском вкладе, ввиду чего рукопись может быть опубликована в рецензируемом журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фан Х., Садченко В.Т. Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики) //

Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71797 EDN: DUUKBK URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71797

Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья (на материале глагольной лексики)

Фан Хайсуй

независимый исследователь

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 140, 306

✉ 362457061@qq.com



Садченко Валентина Тарасовна

ORCID: [0000-0001-6276-6819](https://orcid.org/0000-0001-6276-6819)

доктор филологических наук

профессор; высшая школа Русская Филология; Тихоокеанский государственный университет

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, пр-т Карла Маркса, 68

✉ ValentinaSadchenko@yandex.ru



[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71797

EDN:

DUUKBK

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2024

Дата публикации:

27-09-2024

Аннотация: Предметом исследования данной работы является описание концептуального поля группы глаголов психической деятельности в русских говорах Приамурья, отличающихся вторичностью образования и локализацией на территории

позднего заселения в условиях междиалектного контактирования. Утверждается, что глаголы психической деятельности могут выступать в качестве репрезентантов картины мира носителей русских диалектов: выявленные в процессе анализа значения диалектных глаголов психической деятельности отражают мировосприятие диалектоносителей, особенности их жизнедеятельности, интересов, склонностей, психики, поведения, представление носителей говоров об отношениях между людьми. Материалом исследования данной работы послужили три словаря: основным источником эмпирического материала является диалектный словарь: «Словарь русских говоров Приамурья», и два литературного словаря: «Словарь современного литературного языка» и «Словарь русского языка». Использование полевого метода, а также элементов методики когнитивного комментария и количественных сопоставлений дало возможность выявить особенности глагольной вербализации культурно значимых для диалектоносителей Приамурья понятий, а также позволило описать микрополе «Страх». Актуальность и новизна данной работы заключается в том, что специфика глагольной лексики в говорах остается малоизученной; впервые предпринята попытка исследования диалектной картины мира жителей Приамурья на материале одной из лексико-семантических групп диалектных глаголов, зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья». Результаты исследования данной работы могут способствовать реконструкции диалектной языковой картины мира. Основные выводы данного исследования резюмируют то, что микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья имеет структуру: состоит из ядра, центра и периферии. Концепт «Страх» выражается синонимичными глагольными лексемами, представляющими собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха» в соответствии с конкретизирующими семами по интенсивности переживания.

Ключевые слова:

глаголы психической деятельности, концептуальное поле, микрополе, диалекты, русские говоры Приамурья, концепт, страх, картина мира, диалектная языковая картина, глагольная вербализация

Введение

Глагольная лексика играет ключевую роль в выражении языковой картины мира, поскольку глаголы являются основным средством описания действий, процессов и изменений, происходящих в мире. Поле глаголов психической деятельности является ядерным для любого языка, единицы которого обладают национальными особенностями своей семантики и употребления [\[15, с. 120\]](#).

Для современной русистики особенно значимым является изучение лексико-семантической группы глаголов психической деятельности человека: по мнению ученых, это «самая сложная по внутренней организации сфера, состоящая из множества денотативных комплексов, объединенных областью референциальной приложимости: все они соотносятся с субъектом – человеком» [\[10, с. 121\]](#).

М. Д. Чертыкова обращает внимание на тот факт, что глаголы могут выполнять концептуализирующую роль в процессе создания образа человека, чему способствуют их специфическая семантика и разнообразие оттенков, возникающих на синтагматическом уровне [\[16, с. 6\]](#).

Концептуализация процессов мышления и эмоционального состояния может выражаться глаголами и глагольными сочетаниями, которые образуют концептуальное поле. Концептуальное поле глаголов психической деятельности – это многомерное образование, включающее некоторое количество вербализованных глагольными лексемами концептов в качестве его единиц, отражающих психическую деятельность человека. В данное поле глаголов психической деятельности входят глаголы с ментальными значениями (глаголы со значениями мышления и знания), эмотивными значениями, перцептивные глаголы восприятия и ощущения, объединенные общей категориальной семой «проявлять какие-либо психические способности и качества, присущие человеку».

Интересным представляется вербализация диалектными глаголами психической деятельности отдельных эмоциональных концептов, своеобразных микрополей, отражающих диалектную картину мира, которая представляет собой фрагмент общезыковой картины мира, но в то же время характеризуется естественным характером, отсутствием кодификации, признаками традиционно-народных представлений о мире, а также особенностями в отражении мира в соответствии с региональными условиями и ценностными установками людей, свойственными для определенного места проживания. Мы обратились к малоисследованному в данном аспекте материалу русских говоров Приамурья.

Материалы и методы исследования

Основным источником эмпирического материала является «Словарь русских говоров Приамурья» (СРГП) 2007 года выпуска, включающий, как отмечается в предисловии, «диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура)» [\[11, с. 3\]](#). Кроме того, материал проверялся также по «Словарю современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [\[13\]](#) и «Словарю русского языка» (СРЯ) [\[12\]](#). В работе использовался полевой метод и элементы методики когнитивного комментария при анализе значений глагольных лексем в аспекте концептуального поля и языковой картины мира и элементы методики количественных сопоставлений.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование глагольной лексики с общим значением психической деятельности, зафиксированной в СРГП, показало, что в данной лексико-семантической группе преобладают эмотивные глаголы, что свидетельствует об эмоциональности диалектоносителей. Сложные обстоятельства жизни часто приводят носителей говоров в тревожное эмоциональное состояние. Большая часть глагольных эмотивных лексем вербализует отрицательное эмоциональное состояние и отношение, что соответствует семантике концептов «Страх», «Злость», «Грусть», «Горе», «Болезнь».

Страх, будучи одной из базовых негативных эмоций, неоднократно становился предметом лингвистических исследований таких ученых как Л. М. Васильев, Л. Г. Бабенко, Е. М. Вольф и др. При этом его исчерпывающее лингвистическое описание пока отсутствует. Наиболее распространенным видом исследований являются описания отдельных языковых или речевых особенностей выражения страха, которые, однако, по мнению Л. М. Васильева, также оказываются недостаточными ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое значение глаголов [\[3\]](#).

Так, С. В. Минибаева, исследуя лексикографическое микрополе «страх» в современном русском языке, в ядерной зоне данного микрополя размещает лексемы «робость», «испуг», «боязнь», «страх», «ужас» [\[7, с. 88\]](#).

Но интенсивность эмоционального состояния у данных лексем синонимического ряда разная. Подобное мы наблюдаем у глагольных лексем.

Попробуем рассмотреть микрополе «Страх» с опорой на глагольную лексику психической деятельности, выделенную в СРГП.

Следует отметить, что в русистике концепт «Страх» имеет значительную историю изучения в силу того, что является универсальным, общим для многих культур и народов, уже неоднократно предпринимались попытки его описания на материале имен и фразеологизмов русского литературного языка или в сопоставительном аспекте на материале русского и иностранного языков; в глагольной презентации данный концепт еще не анализировался.

Микрополе «Страх» характеризуется наличием ядра, центра и периферии.

Ядро микрополя составляют лексемы со значениями «испугаться» – испытать состояние страха и «испугать» – привести в состояние страха: *ахнуть*, *спужаться*, *нашорошить*. Первые два глагола являются абсолютными синонимами, а лексема *нашорошить* имеет иную грамматическую характеристику – обозначает другую направленность действия: это переходный глагол, обозначающий эмоциональное воздействие субъекта на объект:

СПУЖАТЬСЯ, ю с ь, е ш ь с я, сов. *Испугаться*. Спужается ружьём – ружьё выльется, испужался петуха – петух выльется (*Ключи Бел.*). Ночью сегодня в окно кто-то стукнул, так спужалась до смерти (*Архара Арх.*). Амур. (*Арх. Бел.*) [\[11, с. 417\]](#).

НАШОРИТЬ, ш у, ш и ш ь, сов., кого. *Испугать*. Нашорошили они [*японцы*] меня, неделю заикался (*Н.-Вскр. Шим.*). Амур. (*Шим.*) [\[11, с. 266\]](#).

В «Словаре русского языка» глагол «испугать» обозначает «вызвать испуг, заставить бояться», а «испугаться» – «почувствовать испуг, боязнь» [\[12, т. I, с. 685\]](#).

Околоядерную зону – центр поля – составляют лексемы, имеющие коннотативную окраску, выражающуюся в интенсивности и длительности переживаемой эмоции. Это более многочисленная группа слов, выражающих страх: *опаситься*, *обробеть*, *пристрашить*, *настрахаться*, *оглазеть*, *ужахнуть*.

Периферию поля составляют глаголы *сполошить*, *сполошиться*, *растусhevаться* – это лексемы, в семантике которых страх присутствует факультативно, в частности, глаголы **СПОЛОШИТЬ**, ш , ш ш ь , сов., кого. *Экспр.* Встревожить, внезапно испугать; всполошить. Пожар всех сполошил. Ночью приехали и всех сполошили (*Благовещ.*). Амур. (*Благ.*); **СПОЛОШИТЬСЯ**, ш с ь, ш ш ь с я, сов. *Встревожиться, всполошиться*. От пустых вестей сполошились (*Благовещ.*). Амур. (*Благ.*) [\[11, с. 416\]](#) имеют основную сему «испытывать тревогу», «потерять душевное равновесие»; у глагола **РАСТУШЕВТЬСЯ**, ш ю с ь, ш е ш ь с я, сов. *Прийти в замешательство, оробеть, смутиться*. Пела я им хорошо, а потом чего-то растусhevалась, да и получилось плохо (*Алб. Скв.*). Амур. (*Скв.*) [\[11, с. 366\]](#) сема «страх» присутствует в приведенном комментарии к лексеме: в значении литературного глагола-аналога «оробеть». Тревога, замешательство по сравнению со страхом называют более общее состояние, имеющее размытые, нечеткие границы.

Е. Ю. Бутенко в статье, посвященной концепту «Страх», пишет следующее: «... страх в русском языковом сознании <...> не является «популярной» эмоцией, не является основной «темой» жизни и культуры. Слово *страх* – символ, культурный термин, способный замещать конкретные оттенки чувства, выражает эмоцию собирательно, отчужденно от переживания человеком, тем самым, объективируя смысл самой эмоции. В русской лингвокультуре параметр ожидания чего-либо плохого репрезентируется, помимо лексемы *страх*, также, прежде всего, лексемами *тревога* и *тоска*» [2, с. 109].

Глагольные средства языковой объективации концепта «Страх» позволяют сделать некоторые выводы относительно особенностей репрезентации данного концепта в речевом пространстве носителей русских говоров Приамурья.

Глагольная вербализация концепта «Страх» в русских говорах Приамурья отражает физиологические и психологические процессы, происходящие с человеком в процессе жизни и познания действительности.

Страх могут вызывать злые, опасные животные (*волки*); природные силы (*вода*), стихии (*пожар, наводнение*); вражеские захватчики (*японцы*); нечистая сила (*кто-то*); *пустые вести*.

Интенсивность, продолжительность переживания страха выражаются синонимичными глагольными лексемами, входящими в центральную зону и образующими градационный ряд в соответствии с конкретизирующими семами по интенсивности переживания: более и менее слабые. Страх может быть сильным и продолжительным, сопряженным с ужасом, вызванным, как правило, природными или значительными социальными бедствиями.

Применительно к диалектному материалу не находит подтверждения вывод А. А. Антиповой о том, что в русском языке зафиксирован «лишь один случай, где возможно обозначение сниженной степени интенсивности «в чистом виде», то есть при помощи словообразовательного форманта, а именно: бояться + значение «меньше нормы» = побаиваться» [1].

В материалах СРГП представлен глагол *пристрашить*, где префикс **при-** имеет значение неполноты проявления признака, что также подчеркивается контекстуально и адвербиальной лексемой *слегка*:

ПРИСТРАШТЬ, ш, шш ь, сов., кого. Устрашить слегка. Никого под суд не сдаёт, так пристрашит и всё (Н.-Андр. Бел.). Пристрашил пацанов, дак больше не лезят (Марк. Благ.). Амур. (Бел. Благ.) [11, с. 348].

Не наблюдается персонифицирования страха, не отмечается и модель, на которую как наиболее частотную и характерную для русского языка указывает в своей диссертации С. В. Зайкина: «... страх есть болезнь», <...> в русском языковом сознании страх-болезнь мыслится как практически неизлечимое заболевание, с крайне тяжелыми последствиями, ведущее к временной парализации организма» [4].

В данной группе говоров страх понимается не как «нервно-психическое расстройство, появившееся в результате испуга»; у носителей анализируемого диалекта отношение к страху скорее ироничное (респонденты рассказывают об этом состоянии как о прошедшем и пережитом событии, вызвавшем значительный страх, но не имевший таких тяжких последствий).

С точки зрения В. К. Приходько, появление страха у жителей Приамурья связано «со

столкновениями с бурной водной стихией, сильными морозами и ветрами, топкими болотами, непроходимыми лесами, с ядовитыми насекомыми, пожарами. Переселенцам знакомо понятие "животный страх", т. е. страх за "живот", или за свою жизнь. К этому страху можно присовокупить страх болезней, страх смерти, тревогу о завтрашнем дне, страх божий и фантастический страх». По мнению В. К. Приходько, чувство страха «у старожилов носит в основном объективный характер: внешняя угроза окружающей среды (наводнение, пожар, буря и т. д.)» [\[9, с. 24\]](#).

В. К. Приходько также отмечает, что в диалектной языковой картине мира русских говоров Приамурья большое значение занимают отрицательные базовые эмоции [\[9, с. 12\]](#).

Данный факт в общеязыковой картине мира исследователи объясняют тем, что «сознание людей положительные качества человека воспринимает как некую норму, на фоне которой его отрицательные качества выступают ярче, рельефнее и поэтому чаще кладутся в основу номинации». Отмечается также, что носителями говоров отрицательно воспринимается любое излишнее проявление какого-либо качества, несоблюдение нормы в поведении [\[14, с. 254\]](#).

В целом, относительно особенностей выделенных концептов, подтверждаются выводы лингвистов о значительном преобладании слов с отрицательной эмоционально-оценочной окрашенностью. При этом видов отрицательных сем значительно больше, чем положительных. Данную особенность, вслед за Н. Б. Лаврентьевой [\[6\]](#), отмечает Ф. П. Иванова, анализирувшая в свое время русские говоры Приамурья и принимавшая активное участие в составлении словаря. Автор предлагает назвать эмоционально-оценочной избирательностью [\[5, с. 30\]](#).

Е. А. Оглезнева в статье, посвященной производным именам существительным в русских говорах Приамурья, высказывает мысль о том, что «оценочный нормативный предикат выражает оценку лица с точки зрения народных представлений о должном» [\[8, с. 19\]](#). Поэтому в центре внимания диалектоносителей оказывается лексика, номинирующая деятельность, нарушающую правила поведения.

Выводы

Микрополе «Страх» в русских говорах Приамурья имеет в целом следующую структуру: состоит из ядра, центральной зоны и периферии; его вербализуют синонимичные глагольные лексемы, представляющие собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха», дифференцирующий единицы по признакам интенсивность, продолжительность переживания страха, а также некоторые особенности его восприятия и формализации (отсутствие персонифицирования страха, отсутствие модели «страх-болезнь», наличие случаев обозначения сниженной степени интенсивности при помощи префиксальных формантов).

Библиография

1. Антипова А. А. Способы обозначения степени интенсивности эмоционального состояния в русском и итальянском языках : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 166 с.
2. Бутенко Е. Ю. Страх //Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 104-113.
3. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи// Очерки по семантике русского глагола: некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. Уфа,

1970. С. 38–310.

4. Зайкина С. В. Эмоциональный концепт "страх" в английской и русской лингвокультурах : Сопоставительный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 188 с.

5. Иванова Ф. П. Эмоционально-оценочная глагольная лексика (на материале русских говоров Приамурья) // Народные говоры Дальнего Востока. Хабаровск : ХГПИ, 1989. С.28–35.

6. Лаврентьева Н. Б. Экспрессивно-выразительная глагольная лексика: на материале говоров Новосибирской области : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1980. 207 с.

7. Минибаева С. В. Лексикографическое поле «Страх» в современном русском языке // Путь науки. №4. 2014. С. 88–89.

8. Оглезнева Е. А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып.12. Благовещенск : АМГУ, 2001. С.75–79.

9. Приходько В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : автореф. дисс ... д-ра филол. н. Москва, 2022. 36 с.

10. Русская глагольная лексика : денотативное пространство : монография / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, А. М. Плотникова и др.; под. общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 1999. 458 с.

11. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.

12. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.

13. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

14. Чернышева О. И. Лексика, характеризующая человека по внешним признакам и внутренним качествам // Русские народные говоры: история и современность. Арзамас, 2005. С. 253–255.

15. Чертыкова М. Д. Глаголы поля психической деятельности как фрагмент мировидения хакасов // Новые исследования Тувы. 2015, № 2. URL:

https://www.tuva.asia/journal/issue_26/7942-chertykova.html (дата обращения: 05.09.2024).

16. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект) : дисс. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2016. 500 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает микрополе «страх» в русских говорах Приамурья, актуальность изучения которого обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью русских говоров Приамурья, во-вторых, важностью изучения «ядерного для любого языка» поля глаголов психической деятельности, «единицы которого обладают национальными особенностями своей семантики и употребления». Выбор микрополя «страх» обоснован: «страх, будучи одной из базовых негативных эмоций, неоднократно становился предметом лингвистических исследований», «при этом его исчерпывающее лингвистическое описание пока отсутствует». В то же время лексические единицы этого поля, входя в основной словарный запас литературного языка, активно функционируют в разговорной речи,

включаются в состав фразеологизмов, употребляются на страницах периодической печати и в художественных произведениях.

Методологическую базу исследования составили полевой метод и элементы методики когнитивного комментария при анализе значений глагольных лексем в аспекте концептуального поля и языковой картины мира и элементы методики количественных сопоставлений.

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых М. Д. Чертыковой, Л. М. Васильева, Л. Г. Бабенко, С. В. Минибаевой, Е. Ю. Бутенко, В. К. Приходько, Н. Б. Лаврентьевой, Е. А. Оглезневой, С. В. Зайкиной, Ф. П. Ивановой, посвященные семантическим классам глаголов чувства, мысли и речи; эмоционально-оценочной и экспрессивно-выразительной глагольной лексики на материале русских говоров Новосибирской области и Приамурья; эмотивному фонду русских говоров Приамурья; эмоциональному концепту «страх» в английской и русской лингвокультурах; глаголам со значением психической деятельности в хакасском языке.

Основными источниками эмпирического материала послужили «Словарь русских говоров Приамурья» (2007 г.), включающий «диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилородного населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура)», а также «Словарь современного русского литературного языка» (под ред. В. И. Чернышёва) и «Словарю русского языка» (под ред. А. П. Евгеньева).

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что микрополе «страх» в русских говорах Приамурья «вербализуют синонимичные глагольные лексемы, представляющие собой градационный ряд со значениями «испытать состояние страха» и «привести в состояние страха», дифференцирующий единицы по признакам интенсивность, продолжительность переживания страха, а также некоторые особенности его восприятия и формализации (отсутствие персонифицирования страха, отсутствие модели «страх-болезнь», наличие случаев обозначения сниженной степени интенсивности при помощи префиксальных формантов)».

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Положительным моментом данной статьи является апелляция к оппонентам: «Применительно к диалектному материалу не находит подтверждения вывод А. А. Антиповой о том, что в русском языке зафиксирован «лишь один случай, где возможно обозначение сниженной степени интенсивности «в чистом виде», то есть при помощи словообразовательного форманта, а именно: бояться + значение «меньше нормы» = побаиваться».

Библиография статьи насчитывает 16 русскоязычных работ. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отсутствие источников на иностранных языках обусловлено спецификой объекта исследования, а именно: русские говоры Приамурья. К сожалению, говоря о современном русском языке, автор(ы) в основном апеллируют к научным трудам 10-20-летней давности: «Для современной русистики особенно значимым является изучение лексико-семантической группы глаголов психической деятельности человека: по мнению ученых, это «самая сложная по внутренней организации сфера, состоящая из множества денотативных комплексов, объединенных областью референциальной приложимости: все они соотносятся с субъектом – человеком» [Русская глагольная лексика: денотативное пространство : монография / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, А. М. Плотникова и др.; под. общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1999]. Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной

работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, психолингвистическая теория эмоций, прагматика, лингвокультурология; в теорию изучения лексико-семантического поля глагольной лексики с общим значением психической деятельности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Иордани Н.П. О некоторых средствах выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв. // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71828 EDN: JHNBHM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71828

О некоторых средствах выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв.

Иордани Наталья Павловна

ORCID: 0009-0001-2709-7223

соискатель; филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
младший научный сотрудник; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1с51

✉ iordani.natasha@yandex.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71828

EDN:

JHNBHM

Дата направления статьи в редакцию:

23-09-2024

Дата публикации:

30-09-2024

Аннотация: Статья посвящена описанию особенностей употребления глагольных форм (повелительное и сослагательное наклонения) и синтаксических конструкций (Д. п. + инфинитив и Д. п. + инфинитив с частицей бы), используемых для выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах разных жанров. В процессе работы были исследованы такие источники XVI–XVII вв., относящиеся к приказному делопроизводству: указные грамоты, содержащие распоряжения центральной светской и духовной власти чиновникам на местах; памяти, отражающие взаимодействия административных лиц и учреждений. Бытовая письменность представлена материалами частной переписки, которая носила неофициальный характер

и не имела юридического статуса, поэтому в такого рода источниках фиксируются явления, характерные для живого языка и не находящие отражения в приказных документах. В работе используется сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении контекстов употребления средств выражения семантики побуждения. Было установлено, что приказы по-разному оформлялись в текстах разных жанров: для указных грамот характерно употребление сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы*, императивы в них встречаются значительно реже. В памятниках широко представлены формы сослагательного наклонения и инфинитив, выступающий без частицы *бы*, при побуждении, адресованном 3-му лицу. В контекстах со 2-м лицом выступает инфинитив с частицей *бы*, а также формы сослагательного и повелительного наклонений. Бытовые источники характеризуются высокой частотностью употребления императива по сравнению с инфинитивом с частицей *бы*, выражающим сходное значение. В статье представлен количественный анализ глагольных форм и синтаксических конструкций, используемых для выражения семантики побуждения в текстах разных жанров.

Ключевые слова:

старорусский язык, инфинитив, инфинитив с *бы*, императив, сослагательное наклонение, семантика побуждения, источниковедение, приказное делопроизводство, деловая письменность, бытовые источники

1. Введение

Многие деловые и бытовые источники, созданные в старорусский период, носили распорядительный характер, поэтому в них были широко представлены глагольные формы и синтаксические конструкции, способные выражать императивное значение. В рамках данной статьи мы рассмотрим языковые средства, использующиеся для оформления приказа. Одной из глагольных форм, выступающей в этой функции как в старорусский, так и в современный период, является повелительное наклонение [2, с. 342]. Приведем один пример (список источников и их сокращений представлен в конце статьи):

(1) *А какъ мало построиш<ь>ся, и ты **побывай** къ намъ къ Москвѣ даотпиши, скол<ь>ко братъи есь у тебя.* А.Ивер.м. №22 (1653).

Наряду с формами императива для выражения приказа также может использоваться и сослагательное наклонение [2, с. 342]:

(2) *И вы **бъ** тотъ хлѣбъ велѣли написать у себя въ книги имянно, и о томъ **отписали**, и тому хлѣбу роспись **прислали** къ намъ къ Москвѣ тотчасъ.* А.Ивер.м. №35 (1654).

Значение приказа также могло выражаться с помощью инфинитивных конструкций. Так, например, инфинитив с частицей *бы* в сочетании с субъектом в Д. п. широко представлен в текстах XVI–XVII вв. [2, с. 352]:

(3) *А кой часъ рыбу уловяъ, и тотъ **бы** часъ тебѣ та рыба къ намъ къ Москвѣ **послать** свѣжеуловная, а не лежалую **прислать**.* А.Ивер.м. №22 (1653).

Конструкция, в которой инфинитив с дативным субъектом выступает без частицы *бы*, также может оформлять распоряжения, изложенные в старорусских документах [1, с. 393]:

(4) Приставу Арефкѣ, приѣхавъ въ тое Осѣченскую волость <..**взяти** роспись, да по той росписи тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ сыскавъ **отдати** Иверского монастыря архимариту. А.Ивер.м. №111 (1658).

Однако, если рассмотреть подробнее соотношение описанных выше глагольных форм и синтаксических конструкций, можно увидеть определенные различия в их употреблении в текстах разных жанров. В настоящей статье будут проанализированы такие памятники деловой письменности, как указные грамоты и памяти, а также относящиеся к бытовой письменности грамотки — личная переписка. Объединяет эти источники то, что они подразумевают наличие адресанта, занимающего более высокое положение, чем адресат. Императивное значение, представленное в них, исходит от пишущего, заинтересованного в исполнении действия, о котором идет речь в высказывании [13, с. 137]. Другие жанры деловой письменности, такие как допросные и расспросные речи, отказные, приходе-расходные и прочие книги, описи, духовные грамоты и др. источники, устроенные с коммуникативной точки зрения иначе, т. е. не предполагающие наличия адресанта и адресата, состоящих в отношениях «начальник — подчиненный», в данной статье рассматриваться не будут.

Тексты, относящиеся к деловой письменности, и бытовые источники значительно отличаются друг от друга, поэтому будут рассмотрены отдельно. Деловые документы составлялись подьячими, обладающими определенной выучкой, в различных приказах или съезжих избах, где для каждого жанра делового документа был выработан специализированный формуляр, воспроизводившийся из документа в документ [12, с. 361–362]. В процессе работы в приказных учреждениях возникал особый узус, обладавший своей нормой, которую подьячие усваивали, обучаясь технике скорописного письма. Примером, иллюстрирующим определенную консервативность приказного языка, можно считать употребление форм инфинитива на **-ти** в текстах XVII в.: если авторы бытовых текстов в подавляющем большинстве случаев выбирают инновационную форму, отражающую результат процесса отпадения конечных безударных гласных, то многие профессиональные писцы использовали архаичную флексию, хотя и не всегда последовательно [4, с. 159].

Бытовые тексты, в свою очередь, это частная переписка родственников или хорошо знакомых людей: сообщения о судьбах близких, обсуждение различных житейских обстоятельств, которые описывались простым разговорным языком. Нередко люди, составлявшие частные письма, не обладали особенными навыками письма, что часто выдаёт нетвердость и простота их почерка [7, с. 283]. По этой причине язык бытовых источников, лишенных юридического статуса, был свободен от «норм правописания и относительно строгих норм официального словоупотребления» [5, с. 28].

2. Деловые документы

2.1. Указные грамоты

Слово «грамота», заимствованное из греческого языка [9, с. 75], встречается в источниках с древнейшего периода, где оно использовалось для обозначения любого письменно зафиксированного текста [11, с. 119]. С середины XV в. в приказном делопроизводстве и духовной канцелярии получили широкое распространение так называемые указные грамоты, в которых излагаются распоряжения должностным лицам на местах [12, с. 467]. Составлялись они от имени царя (великого или удельного князя,

патриарха и других церковных иерархов) и рассылались воеводам в приказные избы, игуменам монастырей или другим членам братии. Например:

(5) *Отъ государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича, въ Торжокъ, воеводѣ нашему Ивану Ивановичю Трусову. А.Ивер.м. №419 (1655).*

В качестве материала для исследования мы привлекли указные грамоты, относящиеся к истории Валдайского Иверского монастыря и приписных монастырей (всего рассмотрено 94 документа). Приказы, изложенные в них, всегда адресуются 2-му лицу и оформляются с помощью разнообразных языковых средств.

В основном объеме исследованных документов приказы оформляются с помощью форм сослагательного наклонения. Приведем пример:

(6) *И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, иты бѣ ѡхалѣ въ Великій Новгородъ и того бобыля Гришку роспросилъ, и въ съѡзжей избѣ досмотрилъ записки, въ какомъ онъ дѣлѣ посаженъ въ тюрьму, да будетъ тотъ Гришка посаженъ въ тюрьму напрасно, и ты бѣ его изъ тюрьмы вывелъ и велѣлъ ему жить въ нашей отчинѣ на Рахинѣ Мосту по прежнему А.Ивер.м. №16 (1653).*

Аналогичным образом употребляется инфинитив с частицей **бы** в сочетании с субъектом в Д. п.:

(7) *А капусту бѣ и огурцы велѣтъ тебѣ изъ Торжку у Ондreja Вешнякова взять и привезти къ себѣ на наемныхъ же подводахъ; а сколѣ ко капусты и огурцовъ у него возмуть и къ тебѣ привезуть, и тебѣ о томъ къ намъ отписать, и отписку велѣтъ подать въ нашемъ въ казенномъ приказѣ дьяку нашему Ивану Кокошилову. А.Ивер.м. №26 (1653).*

Интересно, что формы повелительного наклонения в указных грамотах практически не употребляются. Приведем один из немногочисленных примеров:

(8) *Вы же о Христѣ смиренія нашего чада, священноиноцы и діакони и иноцы и вси православніи христіане, живущіи въ той обители, примите радостно отца своего и учителя о Господѣ архимандрита Ѳеодосія повинуйтеся ему отъ всея души, яко самому Христу Пастырю, образъ Божій имѣть по Лѣствичниковѣ цествуйте его и слушайте во всемъ. А.Ивер.м. №435 (1669).*

Инфинитив без частицы **бы** в исследованных нами указных грамотах в побудительном значении не встретился.

Количественные данные об употреблении интересующих нас языковых средств представлены в следующей таблице.

Таблица 1. Способы выражения императивной семантики в указных грамотах

Форма	Количество употреблений
Императив	11
Инфинитив	—
Инфинитив с частицей бы	99
Сослагательное наклонение	65

Побуждение, адресованное 3-му лицу, в исследованных нами указных грамотах не обнаружилось.

Таким образом, наиболее характерным для валдайских указных грамот является

побуждение, адресованное 2-му лицу, которое оформляется с помощью сослагательного наклонения и инфинитива с частицей **бы**.

2.2. Памяти

Память как жанр деловой письменности включает в себя множество достаточно разнородных по своей структуре документов. Общим для всех памятей становится формуляр: начинались они с устойчивого клише, в котором указывалась точная дата и приводилась ссылка на присланный в учреждение указ [\[12, с. 366\]](#). Например:

(9) Лѣта 7166, марта въ 13 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу, память приставу Арефкѣ Иванову. А. Ивер. м. №111 (1658).

Когда в съезжую избу приходил очередной указ, содержащий ряд распоряжений, составлялась память, где излагались указания конкретным должностным лицам, которые должны были привести их в исполнение. Так, например, после получения царского указа стольник или воевода создавал официальное предписание в подчиненные им остроги и слободы [\[10, с. 71\]](#). Таким образом, при составлении памяти должностное лицо, получившее указ, выступало своеобразным посредником, не отдававшим приказаний, а лишь назначавшим для них конкретных исполнителей [\[12, с. 470\]](#).

В качестве материала для исследования было привлечено 60 памятей: 34 из них были составлены в смоленской приказной избе, а 26 связаны с делопроизводством Валдайского Иверского монастыря. Отобранные нами памяти можно условно разделить на две группы в зависимости от того, как оформляется их адресат — как 2-е или как 3-е лицо.

Так, в памятях, адресат которых оформляется с помощью 3-го лица (местоимения или имени собственного), в качестве предиката выступают конструкции с инфинитивом без частицы **бы**. Например:

*(10) А приѣхавъ, того монастыря архимандриту Діонисію съ братьею **сказать** великого государя, святѣйшаго Никона, патріарха... благословеніе **идопросити** ему Артемью его архимандрита съ братьею. А.Ивер.м. №105 (1658).*

В этой функции также могли выступать и формы сослагательного наклонения, которые могут соседствовать с инфинитивом, как в следующем примере:

*(11) А будетъ гдѣ чьемъ небереженьемъ учинитца пожаръ **итѣм** людемъ **бытъ** от государя казнену смертью. И на хоромехъ **бы** всякие **люди ставили** кади болѣе с водою и с веники на всяких хоромѣх. Смол.Пам. №66 (1609).*

Количественные данные об употреблении инфинитива и сослагательного наклонения для выражения побуждения к 3-му лицу представлены в таблице 2:

Таблица 2. Способы выражения императивной семантики в памятях (побуждение ко 3-му лицу)

Форма	Количество употреблений
Инфинитив	35
Сослагательное наклонение	34

Памяти, в которых субъект оформляется местоимением 2-го лица, в качестве основной

глагольной формы выступает инфинитив с частицей **бы** в сочетании с субъектом во 2-м лице, выраженным формой дательного падежа. Такого рода употребления ничем не отличаются от распоряжений, которые даются в указных грамотах, о которых речь шла в предыдущем разделе. Например:

(12) *И какъ къ вамъ ся наша память придетъ, и вамъ **бы** тому попу Петру отъ церкви Божіи **не отказывать**, и **служить** божественую службу въ церкви Божіи понедѣльно, съ тобой попомъ Иваномъ; а попу Тимоѳею **отказать**, и всякую пахотную землю и сѣнные покосы и доходы **дѣлить** подолно.* А.Ивер.м. №376 (1690).

Сослагательное наклонение также представлено в этой функции, но в исследованных текстах оно встретилось лишь дважды. Приведем один пример:

(13) *Какъ онъ къ вамъ пріѣдетъ, и вы**бы** **поднесли** ему двѣ чети овса, или сколко пригожъ, по тамошнему смотря, да сѣна, да хлѣбовъ печеныхъ и квасу по разсмотрѣнію.* А.Ивер.м. №142 (1661);

(14) *И какъ къ тебѣ, священнику съ причетники, ся наша память придетъ, и вы**бы** о здравіи великого государя и святѣйшаго патріарха, также и его, преосвященного митрополита, **молили** во Троицы всѣхъславимаго Бога.* А.Ивер.м. №394 (1697).

Повелительное наклонение в памятниках, которые содержат распоряжения, адресованные 2-му лицу, употребляется редко — всего четыре раза. Например:

(15) *А вы, у него [сына боярского] возьмѣ [деньги], мужику **заплатите**.* А.Ивер.м. №129 (1658).

Соотношение форм, выступающих в функции побуждения по отношению ко 2-му лицу в старорусских памятниках, представлены в таблице 3:

Таблица 3. Способы выражения императивной семантики в памятниках (побуждение ко 2-му лицу)

Форма	Количество употреблений
Повелительное наклонение	4
Инфинитив	—
Инфинитив с частицей бы	61
Сослагательное наклонение	2

Таким образом, в памятниках побуждение к 3-му лицу может выражаться с помощью форм сослагательного наклонения и конструкции с инфинитивом без частицы **бы**. В то же время в памятниках, адресат которых оформлен местоимениями 2-го лица, основным средством выражения семантики побуждения становится инфинитив с частицей **бы**, в то время как сослагательное и повелительное наклонение встречаются в единичных случаях.

3. Бытовые источники

Грамотки, в отличие от источников, относящихся к деловой письменности, не выполняли роль официального документа, поэтому писались очень вольно. Исключение составляли регулярно воспроизводящиеся из письма в письмо инициальные и завершающие формулы [\[6, с. 228\]](#).

Побуждение в такого рода источниках всегда адресуется 2-му лицу. Основной

глагольной формой, выражающей императивное значение, является в них повелительное наклонение. Так, например, в архиве стольника А. И. Безобразова (всего отобрано было 439 грамоток), переписывавшегося с членами семьи и приказчиками, ведавшими его имуществом, широко представлены формы повелительного наклонения. Обратимся к тексту грамотки, которую А. И. Безобразов написал жене:

(16) Агаф<ь>я Васил<ь>евна, здравствуи! Поѣхал к Москве из Нижнева из Благовещенского м<о>н<а>стыря с<ве>теишего патриарха от<е>ц духовной старец Ефрем да казн<а>чеи старец Иосиф, и как приѣдут, и ты **пошли** к ним в скляночках водачек по мален<ь>ким скляночкам, как прежде посылавали, да **вели** испечь блинков да пирашков, да **посылай** к ним почаще. Арх.Безобразова I. №414 (1689).

Конкуренцию формам императива составляет конструкция с инфинитивом и частицей **бы**, оформляющая разнообразные просьбы, хотя она значительно уступает по частотности формам повелительного наклонения. Например:

(17) Да **завестъ бы** тебѣ в Заваловой сад и **насадит<ь> бы** тебѣ побол<ь>ши яблонеи и вишен. Арх.Безобразова II. №383 (1681).

Интересно, что формы сослагательного наклонения в исследованных нами грамотках в императивном значении встретились только в 5 контекстах. Приведем один из них:

(18) Кто Григорей, чей с<ы>н и чей словет, и ты **бы** именно **написал**. Арх.Безобразова II. №570 (1687).

Таким образом, в исследованном корпусе грамоток распределение форм, выражающих семантику побуждения, представлено следующим образом:

Таблица 5. Способы выражения императивной семантики в бытовых источниках

Форма	Количество употреблений
Повелительное наклонение	695
Инфинитив	—
Инфинитив с частицей бы	85
Сослагательное наклонение	5

Итак, в бытовых источниках основной формой, выражающей побуждение, становится императив. Инфинитив с частицей **бы** активно употребляется в такого рода контекстах, хотя и уступает императиву по частотности. Сослагательное наклонение, в свою очередь, в грамотках представлено в единичных случаях.

4. Заключение

Работа с источниками, относящимися к деловой и бытовой письменности, показала, что можно проследить некоторые закономерности в распределении глагольных форм с императивным значением в рамках конкретного жанра.

1. Распоряжения, изложенные в исследованных валдайских **указных грамотах**, адресуются 2-му лицу и оформляются посредством сослагательного наклонения (99 примеров) и инфинитива с частицей **бы** (65 примеров), в то время как формы императива в них встречаются крайне редко (11 примеров). Побуждение, направленное на 3-е лицо для такого рода источников нехарактерно.

2. В старорусских смоленских и валдайских **памятях** приказы, адресованные 2-му лицу, в большинстве случаев выражаются с помощью инфинитива с частицей **б ы** (61

пример). Формы сослагательного и повелительного наклонений представлены в такого рода источниках в единичных случаях (2 и 4 примера соответственно). В контекстах, когда адресатом побуждения становится 3-е лицо, в исследованных нами **памятях** фиксируются формы сослагательного наклонения (34 примера) и конструкции с инфинитивом без частицы **бы** (35 примеров).

3. Материалы **частной переписки** свидетельствуют, что приказы, в них изложенные, адресуются только 2-му лицу, а основным средством их оформления является повелительное наклонение (695 примеров). Инфинитив с частицей **бы**, также способный выражать интересующую нас семантику, в бытовых источниках значительно уступает императиву по частотности (85 примеров).

5. Источники

А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека. Т. V. СПб., 1878.

Арх. Безобразова I — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова / Составители Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова. Ч. I. М.: Памятники исторической мысли, 2012.

Арх. Безобразова II — Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова / Составители Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова. Ч. II. М.: Памятники исторической мысли, 2013.

Смол. Пам. — Памятники обороны Смоленска. (1609–1611 гг.) / Под ред. Ю. В. Готье // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 6. М., 1912.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.12.2023)

Библиография

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Рядянська школа, 1958.
3. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
4. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Котков С. И. О развитии лингвистического источниковедения // Котков С. И. Избранные статьи по лингвистическому источниковедению и истории русского языка / отв. ред. Л. Ю. Астахина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 22–28.
6. Котков С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Котков С. И. Избранные статьи по лингвистическому источниковедению и истории русского языка / отв. ред. Л. Ю. Астахина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 228–242.
7. Котков С. И. О памятниках народно-разговорного языка // Котков С. И. Избранные статьи по лингвистическому источниковедению и истории русского языка / отв. ред. Л. Ю. Астахина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 275–285.
8. Падучева Е. В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 10.12.2023).

9. Пичхадзе А. А. О функционировании греческих книжных заимствований в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 73–84.
10. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 10. С. 70–74.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М.: Наука, 1977.
12. Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М. Н. Российское государство в XV–XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 348–383.
13. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают языковые средства выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв., актуальность изучения которых обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о природе формирования побуждения, многообразием способов выражения типового значения императивности и необходимостью их систематизации и детального изучения, а также важностью ее [семантики побуждения] изучения в диахроническом аспекте, поскольку это позволяет проследить эволюционные особенности ее плана содержания и плана выражения.

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых М. Н. Тихомирова, Л. А. Булаховского, В. С. Храковского, А. П. Володина, В. М. Живова, В. Ю. Гусева, С. И. Коткова, В. И. Борковского, П. С. Кузнецова и др., посвященные исторической грамматике русского языка, типологии специализированных глагольных форм императива, семантике и типологии императива, приказному делопроизводству в XVII в. и т.п.

Основными источниками эмпирического материала послужили акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом; архивы стольника Андрея Ильича Безобразова; памятники обороны Смоленска. (1609–1611 гг.), а также материал, полученный из Национального корпуса русского языка: «проанализированы такие памятники деловой письменности, как указные грамоты и памяти, а также относящиеся к бытовой письменности грамотки — личная переписка. Объединяет эти источники то, что они подразумевают наличие адресанта, занимающего более высокое положение, чем адресат. Императивное значение, представленное в них, исходит от пишущего, заинтересованного в исполнении действия, о котором идет речь в высказывании».

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный и историко-культурологический методы, корпусный анализ, интерпретативный анализ материала и метод системного анализа. Автор приводит убедительные данные, используя количественный метод в своем лингвистическом исследовании. В работе в виде таблиц представлены количественные данные о способах выражения императивной семантики в указных грамотах, в памятях (побуждение ко 3-му лицу) и (побуждение ко 2-му лицу), в бытовых источниках. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что «можно проследить некоторые закономерности в

распределении глагольных форм с императивным значением в рамках конкретного жанра», которые далее аспектно обозначаются.

Библиография статьи насчитывает 13 русскоязычных работ. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы. Отсутствие источников на иностранных языках обусловлено спецификой объекта исследования, а именно: старорусские деловые и бытовые тексты XVI-XVII вв. К сожалению, в представленной на рецензию работе автор(ы) в основном апеллируют к научным трудам 10-летней и более давности: Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 10; Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких направлений, как языковые средства выражения семантики побуждения в старорусских деловых и бытовых текстах. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по истории русского языка, в практике преподавания специальных дисциплин историко-лингвистического цикла, в спецкурсах по стилистике и функциональной грамматике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гурушкин П.Ю., Корнеева К.В. Искусственный интеллект в медиакоммуникациях и творческих профессиях: угрозы и возможности // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71609 EDN: FBFUAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71609

Искусственный интеллект в медиакоммуникациях и творческих профессиях: угрозы и возможности

Гурушкин Павел Юрьевич

кандидат политических наук

доцент, кафедра Менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ gurupavel@ya.ru



Корнеева Кристина Владимировна

Генеральный директор; Коммуникационное агентство "Fullscreen Agency"

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, ауд. 709

✉ gurupavel@ya.ru



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71609

EDN:

FBFUAC

Дата направления статьи в редакцию:

30-08-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния искусственного интеллекта (ИИ) на современную журналистику в системе цифровых медиакоммуникаций. В поле рассмотрения находятся как угрозы, так и возможности, вносимые новыми нейросетевыми технологиями. В статье приводятся результаты опроса, проведенного среди представителей творческих профессий, целью которого было выяснить отношение к искусственному интеллекту и его роли в их профессиональной деятельности. Анализ данных показывает, что мнения разделены: некоторые респонденты видят в

нейросетевых технологиях потенциальную угрозу для своих профессий, другие – инструмент для улучшения и оптимизации рутинной части их работы. Особое внимание уделяется вопросам этики, конфиденциальности и социальной справедливости, связанным с внедрением искусственного интеллекта. Статья акцентирует внимание на необходимости дальнейших исследований и регулировании применения нейросетевых технологий для минимизации рисков и использования их потенциала в пространстве медиакоммуникаций. Для проведения исследования был выбран метод опроса, который позволяет собрать количественные данные о мнениях и восприятии ИИ представителями медиаиндустрии. Научная новизна данного исследования заключается в систематическом анализе мнений и восприятия ИИ среди представителей профессий, получающих основной финансовый доход посредством творческо-интеллектуальной работы, таких как: журналистика, реклама и связи с общественностью, дизайн, музыка и пр. В отличие от большинства существующих исследований, которые фокусируются на технических аспектах ИИ, данное исследование акцентирует внимание на социальных и этических аспектах его применения. Это позволяет получить более комплексное понимание роли ИИ в обществе и выявить ключевые факторы, влияющие на его восприятие. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки рекомендаций по интеграции ИИ в различные сферы жизни, а также регулирования вопросов контроля над применением нейросетевых технологий в современном обществе. Результаты также могут помочь проанализировать общественные настроения и ожидания, что позволит принимать точечные и эффективные решения при разработке и внедрении ИИ-технологий.

Ключевые слова:

Искусственный интеллект, Медиакоммуникации, Творческие профессии, Нейросети, Автоматизация, Творчество, Машинное обучение, Замещение рабочих мест, Этика, Опрос

Искусственный интеллект (ИИ) – одна из основных технологий, ведущих к цифровой трансформации и, к так называемой, четвертой промышленной революции. Симбиоз машины, человека и компьютера является ключевой особенностью таких явлений, как виртуальная реальность, видеоигры, приложения для смартфонов, умные часы, поиск информации с помощью распознавания голоса и т.д. Другими примерами являются домашние помощники, созданные Google, Amazon, Yandex. В научной литературе преобладает мнение, что цифровая трансформация радикально влияет на работу и занятость, а внедрение искусственного интеллекта и других цифровых технологий приводит к существенной потере рабочих мест.

До недавнего времени основной интерес к влиянию ИИ был сосредоточен на рутинных профессиях, а также на тех видах деятельности и задачах, которые можно усовершенствовать с помощью автоматизации и приложений ИИ. Однако в последнее время этот интерес распространился на сферы искусства и креатива, учитывая, что ИИ также влияет на и них. Современные медиакоммуникации являются прекрасным примером интеграции новых компьютерных технологий, всё чаще мы говорим о способности искусственного интеллекта рисовать картины, сочинять музыку, оживлять фотографии, писать тематически и стилистически сложные тексты, создавать графический дизайн и т.д.

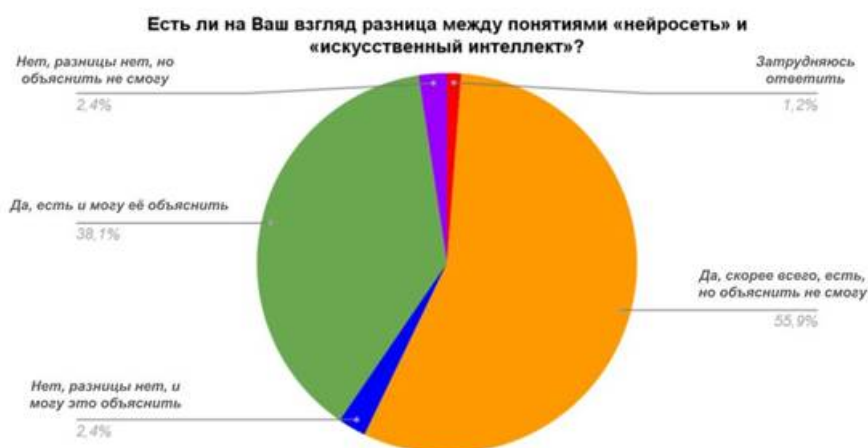
Но каково именно влияние ИИ на профессионалов в области медиакоммуникаций и

представителей творческих профессии, таких, например, как журналистика, музыка, реклама и связи с общественностью? Креативность - одна из способностей человека, которая считается наиболее сложной для подражания. Творческие профессии основаны на творческом мышлении и требуют именно нестандартизированного подхода к задачам. В центре данной созидательно-интеллектуальной деятельности находится понятие «вдохновение», скопировать которое нейросети не способны.

Для максимально глубокого понимания восприятия представителями творческих профессий ситуации вокруг довольно интенсивного процесса интеграции ИИ в повседневную и профессиональную жизнь мы провели пилотный опрос. Выборка исследования - квотная, включала 483 респондента (251 – мужчины 18-35 лет, 232 – женщины 18-35 лет) творческих профессий (журналисты, дизайнеры, блогеры, продюсеры, музыканты, художники, композиторы, фотографы и видеографы). По критериям Стьюдента – выборка репрезентативна, позволяет получить достаточно надежные данные для анализа, полностью отражает генеральную совокупность. Вопросы анкеты были разработаны с целью охватить различные аспекты восприятия ИИ, включая его текущие и будущие применения, возможности замены человека, а также необходимость регулирования и контроля использования ИИ.

Восприятие различий в применении ИИ

Первый вопрос исследования касался восприятия различий в понимании разницы двух терминов: «нейросеть» и «искусственный интеллект». Респондентам было предложено ответить, считают ли они эти понятия тождественными и достаточно ли знаний, чтобы это объяснить. Этот вопрос на сегодняшний день в полной мере актуален для понимания восприятия цифровых интеграций во сферах и отраслях для представителей большинства профессий, для любого современного и социализированного человека.



Да, есть и могу это объяснить: Значительная часть респондентов (около 40%) ответила, что они видят различия в данных понятиях и могут это объяснить. Так отреагировали в основном представители интеллектуального труда в области медиакommunikаций, которые осознанно и целенаправленно используют возможности нейросетей в личных и профессиональных целях.

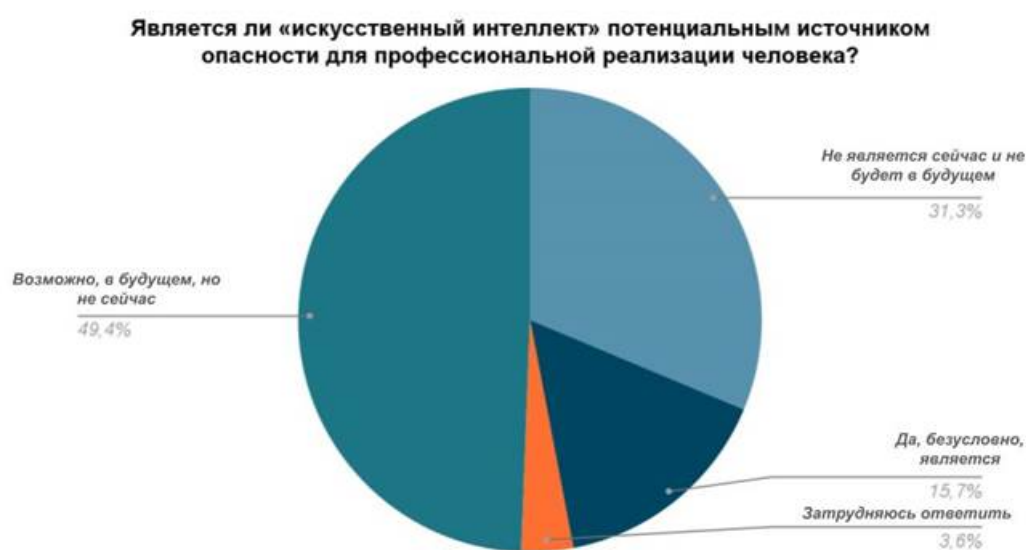
Да, скорее всего есть, но объяснить не смогу: 55% респондентов выразили мнение, что различия в применении ИИ существуют, но они не могут точно объяснить, в чем они заключаются. Это может свидетельствовать о том, что, несмотря на общую осведомленность о возможностях ИИ, не все респонденты обладают достаточными

знаниями для глубокого понимания конкретных применений и нюансов использования ИИ в различных сферах.

Нет разницы, но объяснить не смогу: примерно 3% респондентов не видят различий между понятиями «искусственный интеллект» и «нейросеть», хотя и не могут объяснить, почему. Возможно, эти респонденты воспринимают ИИ как временно популярную технологию, которая чаще реализуется для развлечения. Данная категория не осознаёт реальных возможностей нейросетей и не нуждается в глубоком погружении в теорию и практику их применения.

Нет разницы, и могу это объяснить: около 3% респондентов уверены, что ИИ и нейросеть – тождественные понятия, и могут это объяснить. Они считают, что основные принципы работы ИИ и нейросетей одинаковы, и характеризуются, прежде всего, обработкой больших данных и машинным обучением, они универсальны и могут использоваться в любом контексте.

Затрудняюсь ответить: примерно 1% респондентов выбрали нейтральный вариант, уйдя от прямого ответа на этот вопрос. Это может свидетельствовать о недостаточной информированности или уверенности в своих знаниях по теме ИИ. Однако этот показатель является чуть ли не самым важным, поскольку максимально красноречиво и исчерпывающе говорит о популярности как самих ИИ технологий, так и общего информационного шума вокруг них.



Следующий вопрос исследования касался реальных и потенциальных угроз ИИ для профессиональной реализации. Важно отметить, что в формулировке отсутствует привязка именно к отрасли медиакоммуникаций, респондентам было предложено ответить, считают ли они, что риски, связанные с широкой интеграцией нейросетей в достаточной степени реальны и опасны в перспективе для общества в целом. Разумеется, через призму своего профессионального опыта.

Да, безусловно является: Незначительная часть респондентов (порядка 15%) считает, что ИИ уже является источником риска для многих профессий. Эти респонденты видят в ИИ потенциал для значительных кадровых изменений в различных сферах, включая экономику, здравоохранение, образование и повседневную жизнь, включая и ту, в которой реализованы они.

Возможно, в будущем, но не сейчас: около 50% респондентов считают, что ИИ может

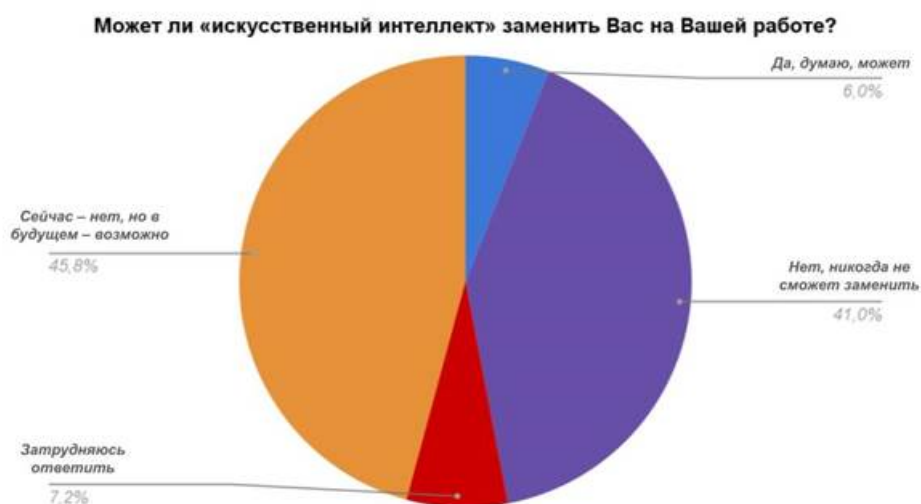
стать вполне реальной угрозой в будущем, но пока его роль не так значительна. Эта часть респондентов полагает, что технологии ИИ ещё не достигли своего максимального потенциала и требуют дальнейшего развития, прежде всего в преодолении проблем с пониманием контекста и необходимостью обработки большого объема данных для обучения.

Не является сейчас и не будет в будущем: примерно 30% респондентов считают, что полностью защищены от любой цифровой конкуренции. Для них ИИ не представляет реальной кадровой угрозы на сегодняшний день. Эти респонденты скептически настроены по отношению к возможностям ИИ и не ожидают значительных изменений, связанных с его развитием. Они воспринимают ИИ как инструмент с ограниченным применением, который не сможет заменить или в существенной степени повлиять на креативные аспекты человеческой деятельности. Есть основания полагать, что данное мнение распространяется и на любые другие механизированные и цифровые инновации, которые, по их мнению, лишь упростят рабочие процессы, но о какой-либо равноценной замене речи идти не может. В данном разрезе интересно проведение повторного исследования с компаративной составляющей по данной тематике через год или два.

Затрудняюсь ответить: примерно 15% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Эта цифра довольно большая для подобного вопроса, что может говорить о недостаточной осведомлённости или, скорее, о рефокусе внимания на другие, более важные и понятные угрозы и сложности.

Возможность замены человека ИИ

Третий вопрос исследования касался возможности замены человека ИИ в различных сферах деятельности.



Да, думаю может: 6% респондентов считают, что ИИ может полностью заменить их прямо сейчас. В данном случае, это, скорее, импульс для дальнейших исследований: представители каких именно сфер и областей медиакоммуникаций определяют данную опасность настолько реальной; есть ли фактические примеры подобной замены; является ли данное соотношение постоянным, независимо от скачков развития цифровых технологий и пр.

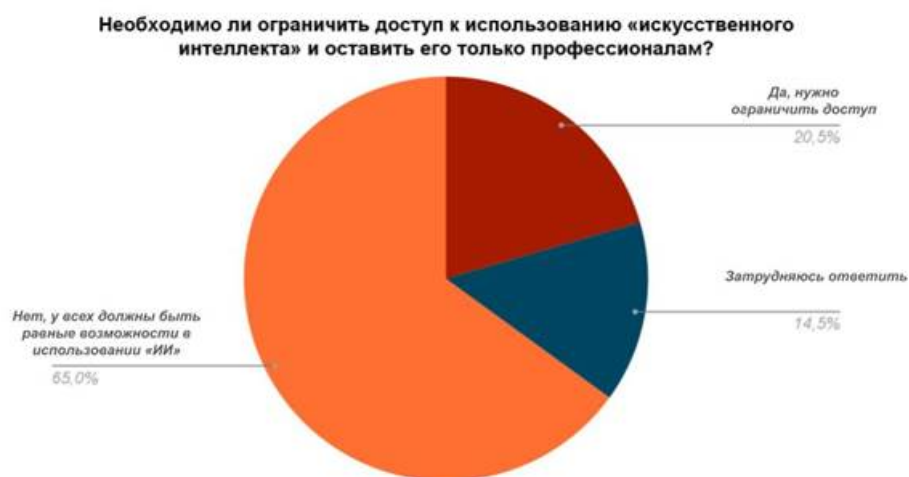
Сейчас – нет, но в будущем – возможно: 46% респондентов считают, что ИИ может заменить человека в будущем, но пока технологии для этого недостаточно развиты. Эти респонденты видят потенциал ИИ в автоматизации и оптимизации различных процессов,

но также признают, что на текущий момент ИИ не может полностью заменить человеческую интуицию, креативность и эмоциональный интеллект. Они ожидают, что с развитием технологий ИИ станет более способным к выполнению сложных задач, требующих этих качеств.

Нет, никогда не сможет заменить: около 40% респондентов уверены, что ИИ никогда не сможет полностью заменить человека. Эти респонденты указывают на уникальные человеческие качества, такие как эмпатия, креативность и способность к адаптации, которые не могут быть воспроизведены машинами. Они также выражают опасения по поводу этических и социальных последствий полного замещения человеческого труда ИИ.

Затрудняюсь ответить: примерно 7% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Это может свидетельствовать о недостатке уверенности в своих знаниях или непонимании текущего состояния и перспектив развития ИИ.

Необходимость ограничения доступа к ИИ



Следующий вопрос исследования касался необходимости ограничения доступа к ИИ и регулирования его использования.

Нет, у всех должны быть равные возможности в использовании ИИ: 65% респондентов считают, что доступ к ИИ должен быть равным для всех. Большинство опрошенных полагают, что ИИ может стать мощным инструментом для улучшения качества жизни и создания новых генеративных возможностей, ограничение доступа к нему может детерминировать появление определённого социального неравенства, что негативно скажется на некоторых жизненно важных социально-экономических отраслях. Они также отмечают, что равный доступ к ИИ может способствовать более справедливому распределению его преимуществ и снижению риска концентрации власти в руках меньшинства.

Да, нужно ограничить доступ: примерно 20% респондентов считают, что доступ к ИИ следует ограничить. Эти респонденты указывают на потенциальные риски и опасности, связанные с неограниченным использованием ИИ, такие как нарушение конфиденциальности, киберугрозы и возможность использования ИИ в вредоносных целях. Они полагают, что введение ограничений и регулирование доступа к ИИ поможет снизить эти риски и обеспечить более безопасное использование технологий.

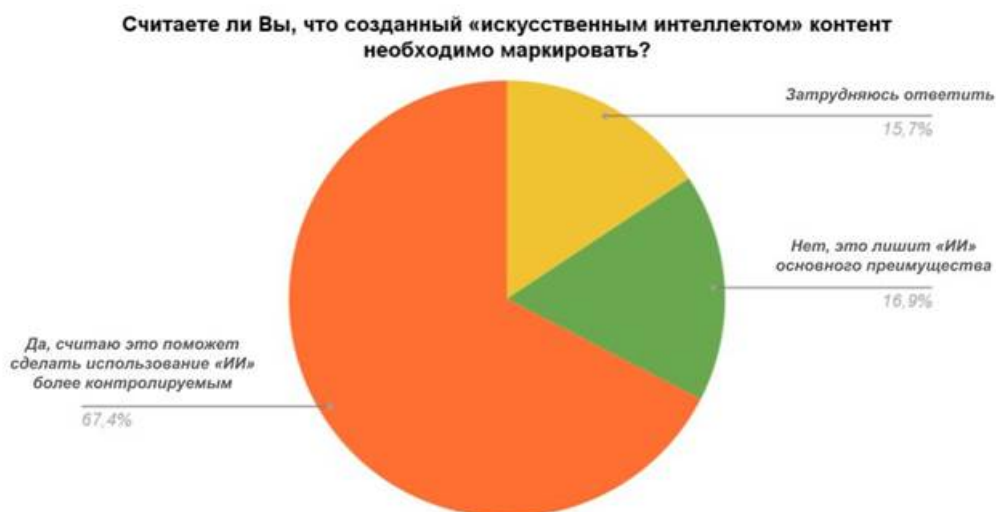
Затрудняюсь ответить: около 20% респондентов испытывают затруднения при ответе на этот вопрос. Это может указывать на недостаток информации о возможных рисках и

преимущества ограничения доступа к ИИ или неопределенность в отношении необходимости таких мер.

Контроль

использования

ИИ



Последний вопрос исследования касался необходимости контроля использования ИИ для обеспечения его безопасности и эффективности.

Да, считаю это поможет сделать использование ИИ более контролируемым: примерно 67% респондентов считают, что контроль над использованием ИИ необходим и поможет сделать его более безопасным и эффективным. Эти респонденты указывают на необходимость создания определённых регуляторных и этических рамок для использования ИИ, чтобы предотвратить возможные злоупотребления и минимизировать риски. Вполне вероятно, что маркировка контента, сгенерированного нейросетью поможет избежать неправомерных заимствований, но полностью обезопасить свою профессиональную перспективу таким образом невозможно. Особенно это касается представителей творческих профессий в области медиакоммуникаций.

Нет, это лишит ИИ основного преимущества: около 17% респондентов считают, что введение контроля над использованием ИИ лишит его основного преимущества. При этом, речь, скорее, идёт не о гибкости и перспективе быстрого развития новых технологий, а о минимизации возможностей скрыть выполненный нейросетью труд. Бесспорно, обязательная маркировка может замедлить инновации и ограничить потенциал ИИ, но в то же время дисциплинировать (структурировать) его безграничное использование, что положительным образом должно сказаться на тех, кто занимается творческой работой.

Затрудняюсь ответить: примерно 15% респондентов затрудняются ответить на этот вопрос. Это может свидетельствовать о неопределенности или недостатке информации о последствиях введения контроля над использованием ИИ и его влиянии на развитие технологий. Кроме того, замешательство может вызвать и отсутствие понимания как именно можно отследить использования нейросетей и каким образом можно обязать маркировать сгенерированный контент.

Заключение

Данное исследование подтвердило, что мнения о роли и будущем ИИ среди тех, кто трудится в сфере медиакоммуникаций и зарабатывает творческим трудом сильно

разнятся. Тем не менее, большинство респондентов признают важность ИИ и его потенциальные возможности, однако открыто транслируют опасения по поводу замены человека новыми компьютерно-сетевыми технологиями и говорят о необходимости контроля их использования.

1. Разделение мнений: Исследование продемонстрировало, что среди представителей творческих профессий нет единого мнения о роли и будущем искусственного интеллекта. Значительная часть респондентов признает его важность и потенциальные возможности в сфере медиакommunikаций, однако многие также выражают опасения по поводу угрозы замены человеческого труда ИИ, особенно в контексте креативных и художественных задач.

2. Проблема осведомленности: Анализ данных показал, что несмотря на растущий интерес к ИИ, не все респонденты обладают достаточными знаниями для полного понимания различий между ИИ и нейросетями, а также их потенциалом и рисками. Это подчеркивает необходимость дальнейшего просвещения и обучения профессионалов в этой области.

3. Риски и этические вызовы: Существенная часть респондентов выражает обеспокоенность по поводу возможных этических и социальных последствий внедрения ИИ, включая риски утраты рабочих мест и усиления неравенства. Эти опасения подчеркивают важность разработки регуляторных и этических рамок для использования ИИ, чтобы минимизировать негативные последствия.

4. Необходимость регулирования: Большинство респондентов считают, что контроль и регулирование доступа к ИИ необходимы для обеспечения его безопасного и ответственного использования. В то же время, существует группа респондентов, которые опасаются, что чрезмерное регулирование может замедлить инновации и ограничить потенциал ИИ.

5. Будущее ИИ в области медиакommunikаций: несмотря на существующие опасения, многие респонденты видят потенциал ИИ в расширении возможностей творческих процессов, однако подчеркивают, что на текущем этапе развития технологии ИИ не способны полностью заменить уникальные человеческие качества, такие как креативность, интуиция и эмоциональный интеллект.

В целом, исследование подчеркивает необходимость продолжения изучения влияния ИИ в системе медиакommunikаций и общества в целом, а также разработки стратегий, направленных на безопасную и эффективную интеграцию ИИ в различные сферы жизни.

Библиография

1. Антонов, В. П. Искусственный интеллект и большие данные: основы анализа и интерпретации / В. П. Антонов. – М.: Юрайт, 2021. – 384 с
2. Борисов, А. В. Искусственный интеллект в автоматизации производства / А. В. Борисов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2018. – 512 с.
3. Брюс, А., & Сандерс, Т. (2017). Искусственный интеллект: Принципы и подходы. Москва: Издательство «Альпина Паблишер», 356 с.
4. Григорьев, М. Н. Интеграция искусственного интеллекта в бизнес-процессы / М. Н. Григорьев. – М.: ДМК Пресс, 2021. – 296 с.
5. Илюшин, А. Г. Искусственный интеллект и его приложения / А. Г. Илюшин. – М.: КноРус, 2021. – 448 с.
6. Крылов, А. С. Нейросетевые технологии и их применение в современной науке / А. С.

Крылов. – СПб.: Питер, 2022. – 344 с.

7. McKinsey & Company. (2023). Генеративный искусственный интеллект и будущее сферы труда: влияние на занятость, производительность и заработную плату. Глобальный институт McKinsey. Доступно онлайн: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/generative-ai-and-the-future-of-work> (дата обращения: 20 марта 2024 года).

8. Морозов, Д. В. Применение искусственного интеллекта в управлении / Д. В. Морозов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2023. – 336 с.

9. Рассел, С., Норвиг, П. Искусственный интеллект: современный подход. 4-е изд. – Нью-Йорк: Pearson, 2020. – 1136 с.

10. Сидоров, Е. А. Искусственный интеллект и кибербезопасность / Е. А. Сидоров. – М.: Инфра-М, 2021. – 352 с.

11. Соколов, В. В. Искусственный интеллект и этика: философские аспекты / В. В. Соколов. – М.: Наука, 2023. – 288 с.

12. Тегмарк, М. Жизнь 3.0: быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. – Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 2017. – 364 с.

13. Фролов, Д. С. Искусственный интеллект в праве: возможности и вызовы / Д. С. Фролов. – М.: Эксмо, 2022. – 304 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Искусственный интеллект (ИИ) достаточно активно внедряется в разные сферы деятельности человека, не исключается при этом и формы явно ориентированные на креативные магистрали. Оценка положительных факторов участия ИИ и отрицательных дается в режиме широкого спектра исследовательских проектов, статей, даже монографий. Стоит отметить, что дискуссия продолжается, следовательно, появление новых работ вполне закономерно. Конкретизация вопроса намечена в заголовке – «Искусственный интеллект в творческих профессиях...». Думаю, что подобный извод возможен, причем спектральность – угрозы и возможности – конструктивна. Думаю, что работа в целом имеет наукообразный вид, содержательный блок информативен: например, «искусственный интеллект (ИИ) – одна из основных технологий, ведущих к цифровой трансформации и, к так называемой, четвертой промышленной революции. Симбиоз машины, человека и компьютера является ключевой особенностью таких явлений, как виртуальная реальность, видеоигры, приложения для смартфонов, умные часы, поиск информации с помощью распознавания голоса и т.д. Другими примерами являются домашние помощники, созданные Google, Amazon, Yandex. В научной литературе преобладает мнение, что цифровая трансформация радикально влияет на работу и занятость, а внедрение искусственного интеллекта и других цифровых технологий приводит к существенной потере рабочих мест» и т.д. Суждения по ходу работы объективны, выверены, точны; автор стремится к возможной целостности рассмотрения проблемы. Удачно, что при рассмотрении проблемы автор использует (применяет) и экспериментальные данные: «Для максимально глубокого понимания восприятия представителями творческих профессий ситуации вокруг довольно интенсивного процесса интеграции ИИ в повседневную и профессиональную жизнь мы провели пилотный опрос. Выборка исследования - квотная, включала 483 респондента (251 – мужчины 18-35 лет, 232 – женщины 18-35 лет) творческих профессий (журналисты, дизайнеры, блогеры, продюсеры, музыканты, художники, композиторы,

фотографы и видеографы). По критериям Стьюдента – выборка репрезентативна, позволяет получить достаточно надежные данные для анализа, полностью отражает генеральную совокупность. Вопросы анкеты были разработаны с целью охватить различные аспекты восприятия ИИ, включая его текущие и будущие применения, возможности замены человека, а также необходимость регулирования и контроля использования ИИ». Статистика необходима в научной статье как вариант аргументации, как форма доказательств. Помимо текстовой налички, автор включает и варианты визуализации – графики, сегментация и т.д. Считаю, что принципы / методы анализа «роли ИИ в формате творческих профессий» уместны, это не только эмпирика, но и систематизация, эксперимент, конструктивная оценка. Экспериментальные данные как «ДО», так и «ПОСЛЕ» объемно комментируются: например, «следующий вопрос исследования касался реальных и потенциальных угроз ИИ для профессиональной реализации. Важно отметить, что в формулировке отсутствует привязка именно к творческим профессиям, респондентам было предложено ответить, считают ли они, что риски, связанные с широкой интеграцией нейросетей в достаточной степени реальны и опасны в перспективе для общества в целом. Разумеется, через призму своего профессионального опыта. Да, безусловно является: Незначительная часть респондентов (порядка 15%) считает, что ИИ уже является источником риска для многих профессий. Эти респонденты видят в ИИ потенциал для значительных кадровых изменений в различных сферах, включая экономику, здравоохранение, образование и повседневную жизнь, включая и ту, в которой реализованы они» и т.д. Текст статьи дробится на смысловые блоки, это некая этапность разверстки вопроса / темы. Могу оценить подобный вариант только положительно. Стиль наррации соотносится с научным типом, термины / понятия вводятся в текст с учетом унифицированных значений: например, «...46% респондентов считают, что ИИ может заменить человека в будущем, но пока технологии для этого недостаточно развиты. Эти респонденты видят потенциал ИИ в автоматизации и оптимизации различных процессов, но также признают, что на текущий момент ИИ не может полностью заменить человеческую интуицию, креативность и эмоциональный интеллект. Они ожидают, что с развитием технологий ИИ станет более способным к выполнению сложных задач, требующих этих качеств» и т.д. Выводы по работе созвучны «эмпирическим данным», «польза / опасность внедрения ИИ в ряд творческих профессий» манифестирована. Автор отмечает, что «данное исследование подтвердило, что мнения о роли и будущем ИИ среди тех, кто зарабатывает творческим трудом сильно разнятся. Тем не менее, большинство респондентов признают важность ИИ и его потенциальные возможности, однако открыто транслируют опасения по поводу замены человека новыми компьютерно-сетевыми технологиями и говорят о необходимости контроля их использования...», «в целом, исследование подчеркивает необходимость продолжения изучения влияния ИИ на творческие профессии и общества в целом, а также разработки стратегий, направленных на безопасную и эффективную интеграцию ИИ в различные сферы жизни» и т.д. Материал имеет практическую направленность, его уместно (в качестве иллюстрации) использовать при освоении курсов связанных с таким понятием как «искусственный интеллект». Общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Искусственный интеллект в творческих профессиях: угрозы и возможности» к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Искусственный интеллект в медиакоммуникациях и творческих профессиях: угрозы и возможности», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике изучения расширения сферы применения искусственного интеллекта в информационном пространстве.

Кроме того, отметим, что изучение применения искусственного интеллекта в креативной сфере, в том числе порождении текстов и в целом в гуманитарном знании являются одной из перспективных отраслей в наши дни, малоисследованной и формирующейся на наших глазах.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Работа выполнена по научной специальности Медиакоммуникации и журналистика (социологические науки).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Кроме обще научных методов и методов лингвистики автор прибегает к статистическим методам, таким как интервьюирование и обработка результатов, которые визуально представлены в виде диаграмм.

Практическим материалом послужила выборка исследования - квотная, включала 483 респондента (251 – мужчины 18-35 лет, 232 – женщины 18-35 лет) творческих профессий (журналисты, дизайнеры, блогеры, продюсеры, музыканты, художники, композиторы, фотографы и видеографы).

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи 13 источников, среди которых исключительно работы на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных ученых на языке оригинала, несомненно, обогатили бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по данной и смежной тематике. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Искусственный интеллект в медиакоммуникациях и творческих профессиях: угрозы и возможности» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кириллов Д.В. Исследование ресентимента в медиакоммуникативном пространстве: возможности и ограничения // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.68957 EDN: FBTKLS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68957

Исследование ресентимента в медиакоммуникативном пространстве: возможности и ограничения

Кириллов Дмитрий Вячеславович

ORCID: 0009-0004-0458-3183

аспирант, кафедра менеджмента массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, оф. Санкт-Петербург

✉ st086170@student.spbu.ru



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.68957

EDN:

FBTKLS

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2023

Аннотация: Статья посвящена обзору исследований ресентимента в медиакоммуникативном пространстве. Предметом исследования данной статьи является концепт ресентимент в пространстве медиакоммуникации. Ресентимент – это феномен, который включает в себя в себя чувство гнева, обиды, зависти, возмущения, непосредственно выражающихся на коммуникативных площадках СМИ. Цель исследования – изучить роль ресентимента в формировании общественного мнения и усилении политической поляризации через сообщения СМИ. В тексте описывается историко-философская рефлексия понятия «ressentiment» в научных трудах немецких философов Ф. Ницше и М. Шелера. Автор выделил и проанализировал три направления исследований Ницшеанского концепта обиды в массовых коммуникациях. Во-первых, это исследование ресентимента в социальных сетях во-вторых – медиатизация политического ресентимента, в-третьих, репрезентация ресентимента в кинематографе. В статье использованы теоретические основы социологии, медиаисследований и культурологии для всестороннего анализа ресентимента в сфере медиакоммуникаций.

Научная новизна данного исследования заключается в рассмотрении ресентимента в контексте медиакоммуникации. Интегрируя три представленных аспекта, исследование расширяет наше понимание Ницшеанского концепта обиды в пространстве медиакоммуникаций. Данное исследование изучает роль «ressentiment» как части сдвига структурно-властных отношений, свидетельства кризиса межличностных отношений и неспособности индивидов полностью контролировать свои действия, предлагая понимание того, как сообщения СМИ могут формировать общественное мнение и подпитывать политическую поляризацию в современном коммуникационном ландшафте. В заключение следует отметить, что данная исследовательская статья вносит вклад в более широкое понимание «ressentiment», анализируя его проявления в пространстве медиакоммуникации. Рассматривая ресентимент в социальных сетях, его медиатизацию в политических контекстах и репрезентацию в кино, исследование проливает свет на возможности и ограничения для будущих исследований в этой области. Результаты данного исследования дают ценное представление о том, как медиакоммуникация формирует и закрепляет ресентимент, способствуя более глубокому пониманию его влияния на общество и публичный дискурс.

Ключевые слова:

ресентимент, Шелер, Ницше, массовые коммуникации, кинематограф, медиакоммуникации, коммуникации, кино, социология, социальные сети

Введение

В современном мире средства массовой коммуникации формируют общественный дискурс и политические установки граждан. Всё больше ученых исследуют массовые коммуникации ввиду повсеместного распространения социальных сетей и альтернативных источников новостей. Одним из важных аспектов этой динамики является роль ресентимента – феномена, способного обозначать одновременно обиду, страх, ненависть, негодование, зависть в средствах массовой коммуникации. Средства массовой коммуникации находятся в непрерывном процессе видоизменения. Так, по М. Кастельсу происходит конвергенция средств массовой информации и горизонтальных коммуникационных сетей, конечным результатом этой эволюции является исторический сдвиг публичной сферы от институционального содержания к новому коммуникационному пространству [\[1\]](#). В этом отношении исследование ресентимента как части поворота в структурно-властных отношениях, доказательства кризиса межличностных отношений, а также неспособности человека полностью контролировать свои действия может помочь нам получить представление о том, как сообщения СМИ могут формировать общественное мнение и подпитывать политическую поляризацию.

К теме ресентимента обращаются социологи, философы, культурологи, специалисты по медиакоммуникациям. В статье будет проведен анализ уже имеющихся исследований ресентимента в медиакоммуникативном пространстве. Из многочисленных форм научных исследований автор остановился на трех аспектах, которые максимально точно передают феноменологию ресентимента. Во-первых, это исследование ресентимента в социальных сетях (функциональные особенности ресентимента, выраженные кодированием тех или иных смыслов), во-вторых – медиатизация политического ресентимента, в-третьих, репрезентация ресентимента в кинематографе. В этом смысле кинематограф выбран не случайно, являясь одновременно частью средств массовой коммуникации и продуктом авторского замысла, кинематограф с помощью самых разнообразных механизмов

(монтаж, звук, актерская игра и т.д.) способен репрезентировать различные проблемы современного общества. В качестве выводов будут представлены основные возможности и ограничения в будущих научных изысканиях.

Понятие ресентимента в трудах Ф. Ницше и М. Шелера

Социальные исследователи всё чаще обращаются к концепции «ressentiment». Из-за общих формулировок и обобщенных интерпретаций, которые постоянно мелькают на глазах у любого ученого, видится наиболее перспективным начать описание с раскрытия этимологии слова.

Ресентимент берет свое начало из французского языка. В научном дискурсе принято считать, что автором концепции является представитель течения философии жизни - Фридрих Ницше. Однако существует полемика появления термина в научном обороте. В немецкий язык слово попало из Франции, благодаря писателю Ойгену Карлу Дюрингу, который в своей провокационной для того времени книги «Ценность жизни» пытался развить идею о том, что все концепции справедливости имеют под собой фундамент в виде чувства обиды, которое в свою очередь принадлежит к тому же семейству, что и месть [\[2\]](#).

Новый виток в осмыслении феномена связан с выходом книги «Генеалогия морали» немецкого философа Ф. Ницше. Он привязывает ресентимент к этическому конструкту оправдания добра и зла, раба и хозяина и говорит о том, что ресентимент свойственен рабам, так как вопрос существования хозяина уже лежит в основе ресентимента, Ницше пишет: «Восстание рабов в морали начинается с того, что ресентимент сам становится творческим и порождает ценности: ресентимент таких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью» [\[3, с.10\]](#). Ницше возводит ресентимент к генезису морали и повествует об аристократической системе ценностей, по которому к категории благородство приравниваются понятия: «знатный», «хороший», «добрый», которые в свою очередь противопоставлены системе ценностей плебейскому, а значит «плохому». По мнению специалиста, в области этики - философа Апресяна, разница в морали рабов и господ у Ницше состоит в воспроизводстве ценностей, так: «мораль господ исходит из самой себя, аристократ утверждает себя, изнутри себя творит ценности; — мораль рабов ориентируется на другого, плебей подчиняется и подлаживается, он самореализуется в отрицании. В этом смысле мораль господ инициативна; мораль рабов реактивна» [\[4, с.28\]](#). Ресентимент кроется в системе ценностей человека униженного, который выводит аргументы своего положения не из собственных умысла и духовного императива, а скорее из призмы существования другого, то есть ресентимент не может существовать без другого субъекта.

Ницшенский феномен характерен для разных стадий развития общества. Немецкий философ при этом, акцентирует внимание на христианской религии, как своего рода «цветке ресентимента». Ницше, обращаясь к священному писанию, а также к другим религиям, общей гуманитарной, философской мысли и к собственным эмпирическим наблюдениям, умозаключает конечность христианской веры как моральной доктрины: «Так именно и погибло христианство в качестве догмы - от собственной своей морали; так именно должно теперь погибнуть и христианство в качестве морали - мы стоим на пороге этого события».

Именно в вопросе имплицитного нахождения ресентимента в христианской вере можно наблюдать принципиальную разницу в воззрениях между Ф. Ницше и другим немецким

философом М. Шелером. Последний, будучи учеником Гуссерля и испытавший влияние феноменологии как принципиально новой гносеологической возможности в осмыслении взаимосвязи природы человека, его психических особенностей и божественного, выраженного в христианской вере, парировал аргумент автора «Генеалогии морали», выдвинув антитезис о том, что «семя христианской этики взросло отнюдь не на почве ressentimentа» [\[5, с.68\]](#).

Благодаря синтезу феноменологии с фундаментальной базой социальной психологии, философией антропологии, а также новых этических учений, М. Шелер вывел свое определение состояния обиды и злости, так «Ресентимент – это самоотравление души... представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой натуры, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [\[5, с. 13-14\]](#).

Философская рефлексия двух немецких мыслителей дала огромный толчок и самое главное фундаментальную базу для научных изысканий. Примечательно, что первоначально не концептуализированное определение ressentiment позволило социальным наукам не просто взять термин в оборот, а напротив, феномен дал толчок междисциплинарному исследованию социальных проблем на макро и микроуровнях.

Ресентимент и средства массовой коммуникации

Средства массовой информации играют ключевую роль в развитии и распространении ressentimentа [\[6\]](#). Нельзя не согласиться в том, что ressentiment, обладая столь обширной амплитудой возможностей, завязан на средствах массовых коммуникаций.

Е. В. Бакшутова в своей статье на примере комментариев пользователей социальных сетей выявляет «скрипты ressentimentности сетевой коммуникации как психологических феноменов проявления обострения конфликтности социальных отношений в современном обществе» [\[7, с. 21\]](#). Так, для эмпирического анализа авторских комментариев в социальной сети Facebook [\[1\]](#) была построена модель генерации ressentimentа, которая включала в себя несколько уровней, каждый из которых через «скрипты», симметрично выявлял проявления ressentimentа в конкретных коммуникативных ситуациях. Автор выделил такие скрипты как: «враг народа», «кара», «ostracism», «русophobia». Продолжая мысль статьи, можно с уверенностью утверждать, что чувство обиды связано ценностным фактором. При развитии ressentimentа происходит переоценка ценностей. Переоценка означает, что ранее принятые рамки ценностей разрушаются и заменяются новым ценностным горизонтом [\[8\]](#).

Исследовательница К. Ceilutka анализирует то, как платформы социальных сетей (social media platforms) влияют на конструирование социальной жизни и нормативное развитие личности в контексте социума. Так, автор приводит к выводу что именно ressentiment, а вместе с ним и коллективный narcissism становятся результатом признания за платформами социальных сетей право влиять на частную жизнь каждого человека: «Это происходит потому, что лежащие в основе процессы ressentimentа и коллективного narcissism основаны на отказе от устоявшихся рамок ценностей и, вместо этого, позиционировании своего ценностного горизонта...» [\[9\]](#).

Потенциал исследования концепта обнаруживается в исследовании уральских ученых К.

Д. Гомес и Т. А. Кругловой. Нельзя не отметить огромную работу, которую проделали авторы в области систематизации историко-философской рефлексии концепта обиды. Так, в полной мере передаются теоретические постулаты концепта в трудах Юра, который выделил три значения ресентимента, используемых в современном дискурсе: моральное негодование, социально-политическое негодование, онтологический ресентимент и т.д. [\[10, с. 111\]](#). Авторы, беря во внимание рассуждение Ницше об аскетическом идеале, применяют данный тезис на поле искусства: «Как следует из толкования ресентимента, все сферы культуры оказались затронуты им. Соответственно, и в искусстве можно обнаружить проявление ресентимента во всем его многообразии» [\[10, с. 115\]](#). В случае медиакommunikации и кинематографа, являющемся и искусством в том числе, можно считать характерно точным, потенциально важным, посыл об аскетическом идеале. Вопрос оскорбительности чувств различных социальных групп повсеместно наблюдается на просторах медиа, в интернете. Нельзя не соотнести эту своего рода интертекстуальность в вопросах формирования дискурса той или иной социальной группы с исследованием ресентимента в медиакommunikативном пространстве: «Именно концепт «оскорбления» частотно зафиксирован в риторике протестующих групп публики: заявлениях в медиасфере, исках в судебные инстанции и государственные органы, полемике в Интернете и т. д.» [\[10, с. 106\]](#).

Как уже было сказано выше, средства массовой коммуникации имеют тенденцию смещать ракурс фрейм взаимодействия людей в сторону взаимной неприязни и озлобления. В процессе формирования общественного мнения многое зависит от каналов получаемой информации, и в этом отношении, средства массовой коммуникации имеют львиную долю в контексте влияния на умы и сознание граждан. Чувство ресентимента опосредованно, но присутствует в этом глобальном модусе новых сетевых отношений. В одной из статей американских ученых Д. Матц и Б. Ривса было проведено эмпирическое исследование доверия к политическим лидерам через телевизионные передачи. Средства массовой информации, которые полагаются на сенсационные заголовки и эмоционально насыщенный контент, могут с большей вероятностью усилить чувства гнева, негодования и соответственно вызвать ресентимент. В свою очередь сдерживающим фактором негативных зрительских коннотаций может стать четкая структурированная подача материала, ориентированного на своего рода консенсус между полярными позициями [\[11\]](#). Многие средства массовой коммуникации не избегают явного манипулирования своей аудиторией. Происходит апелляция к чувствам обиды, скорби и сочувствия. Так, в новостном потоке выставляются такие вопросы, как иммиграция, здравоохранение и другие политические темы, таким образом, чтобы они резонировали с чувствами обиды и жертвы.

Причиной появления ресентимента, может быть отсутствие индивида или у социальной группы политической культуры, образования и элементарных навыков критического мышления. Поэтому, для того чтобы добиться эмоциональной зрелости и защитной реакции на самые разнообразные манипуляции, необходимо продвигать медиаграмотность [\[12\]](#).

Одним из главных элементов современного медиакommunikативного дискурса является визуальная форма. Из всех искусств наиболее четкую и полную картину в области визуальной передачи информации использует кинематограф. Всего за чуть более чем вековую историю, кинематограф проделал огромный путь, начиная с братьев Люмьер, запечатлевших прибытие поезда, до технологий захвата движений (motion capture) под водой, используемых в последнем «Аватаре» (реж. Джеймс Кэмерон). Экранные образы,

подкрепленные режиссерским замыслом и монтажом, могут передавать отпечаток времени: ностальгию по прошлому, вместе с тем рефлексирова по современным проблемам. Так, по мнению киноведа Разлогова, «Одним из наиболее очевидных примеров ресентимента в кинематографе стала картина «Довлатов» реж. Алексея Германа-младшего (2018, Россия). Интонация фильма задана горько-ироничной тональностью произведений Сергея Довлатова, которые не цитируются напрямую, но передаются общей атмосферой гнетущего абсурда, подкрепленного виртуозной работой художника-постановщика Елены Окопной с предметами, интерьерами и экстерьерами» [\[13, с. 311\]](#). На примере творчества корейского режиссера Кима Ки Дука, исследователь азиатского кинематографа Хье Сын Чун путем анализа кинематографических приемов, повествовательной структуры, сюжета в фильмах, четко интерпретируется ресентимент. В статье исследуется, как и почему «кино ресентимента» Кима ки Дука часто неправильно понимают, как нечто иное (от «сексуального терроризма» до дешевых острых ощущений) внутри и за пределами южнокорейских институциональных и культурных контекстов. По мнению автора, весь кинематограф корейского режиссера можно охарактеризовать как «обязательно жестокое кино, которое точно отражает и символически мстит за жестокость классового, конформистского общества» [\[14\]](#).

Итак, были рассмотрены основные исследования концепта ресентимент в медиапространстве. Можно сказать, что с одной стороны, исследователи не пренебрегают феноменом при изучении социальных процессов, с другой же стороны - Ницшеанский концепт действительно имеет свои ограничения, особенно при проведении эмпирического исследования. Изучение данной проблематики дает нам основания к тому, чтобы выделить в качестве ключевых несколько характеристик. А именно:

Возможности

- Ресентимент способен ретранслировать основные поведенческие характеристики той или иной социальной группы через коммуникации в пространстве социальных сетей. Рассматривая ресентимент в СМИ, исследователи могут лучше понять, каким образом средства массовой информации апеллируют к эмоциям и идентичности для формулирования политических тезисов.
- Ресентимент в медиакommunikации может практически использоваться для повышения медиаграмотности и регулирования СМИ, что в свою очередь сделает возможным осуществлять целенаправленные вмешательства, повышающие подотчетность и добросовестность СМИ.
- Через исследование ресентимента в пространстве кинематографа можно отчетливее понять социальную картину действительности, обнаружить паттерны поведения людей, сформировать ценностное представление об общественно-политическом строе, развитие НКО и гражданского общества.
- Исследование ресентимента в медиакommunikативном пространстве может пролить свет на то, как взаимодействуют медиа и социальные движения.

Ограничения

- Концептуализация феномена. Имея множество определений и коннотаций, существуя одновременно в границах и исследовательской методологии, и философского понятия, а также в форме семантически свободно употребляемого слова, обозначающего обиду, концепт *resseniment* не имеет четких контуров для самоидентификации в парадигме социальных наук и в связи с этим у многих исследователей могут возникнуть проблемы.

- В зависимости от контекста (социального, культурного, политического) Ницшеанский концепт обиды будет видоизменяться
- Сбалансированный исследовательский подход. Чувство обиды не аксиоматично характерна для каждого субъекта. Обида может испытываться отдельными людьми и группами по-разному в зависимости от пересекающихся социальных идентичностей, таких как пол, раса и класс. Поэтому исследователи должны подходить к изучению ресентимента в пространстве медиакommunikаций с учетом нюансов и чуткости, чтобы избежать увековечения стереотипов или предубеждений.
- Проблематична привязка концепта к исследованию кинематографа. Так, не существует четких контуров в проведении эмпирического исследования. Механизмы и стратегии репрезентации ресентимента могут быть выявлены в зависимости от гипотезы и логики исследования.

[\[1\]](#) Принадлежит компании Meta Platforms, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации

Библиография

1. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication, 2007. Vol 1. P. 238-266.
2. Aeschbach S. Ressentiment: An Anatomy. Doctoral thesis. University of Geneva. Archive Ouverte UNIGE.
3. Ницше Ф. К генеалогии морали / Полное собрание сочинений: В 13 томах Т 5 / Институт философии Российской академии наук; редакционный совет: П. П. Гайдаенко [и др.]. - Москва: Культурная революция. – 2012 – 480 с.
4. Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2001. С. 27–40.
5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. – 231 с.
6. Halsall, R. 'Sloterdijk's theory of cynicism, ressentiment and "horizontal communication"' // International Journal of Media and Cultural Politics. 2005. Vol 1(2). P. 163–179.
7. Бакшутова Е. В. Проблема ресентиментоемкости этоса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник СамГТУ. Сер. Психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (39). С. 19-35.
8. Salmela M. Capelos T. Ressentiment: A Complex Emotion or an Emotional Mechanism of Psychic Defences? // Politics and Governance. 2021. Vol. 9 (3). P. 191-203.
9. Ceilutka K. The discontents of competition for recognition on social media: Perfectionism, ressentiment, and collective narcissism // Philosophy and Social Criticism. 2023. Vol. 49 (4). P. 409-430. Гомес К.Д.
10. Круглова Т. А. Концепт «ресентимент» как перспективный теоретический ресурс анализа протестов против оскорбительного искусства // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 104–124.
11. Mutz D. Reeves B. The new videomalaise: Effects of televised incivility on political trust // American Political Science Review. 2005. Vol 99(1). P. 1-15.
12. Carpinì D. Michael X. After Broadcast NewsMedia Regimes, Democracy, and the New Information Environment. Kartoniert, Cambridge University Press. 2011. 376 p.
13. Разлогов К.Э., Кочеляева Н.А. Диалоги с советским: рефлексии на советское в современном российском и зарубежном кинематографе// Исторические 19 трансформации культуры: концепты, смыслы, практики. Материалы Международной научной конференции (XVI Колосницынские чтения) / Под ред. Н.Б. Кирилловой, И.Я.

Мурзиной. Екатеринбург: УрФУ, 19-20 ноября 2021. С. 319-326.

14. Chung H. Beyond 'Extreme': Rereading Kim Ki-Duk's Cinema of Ressentiment // Journal of Film and Video. 2010. Vol. 62 (1-2). P. 96-111.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи нетривиален, достаточно интересен, отчасти нов. Автор обращается к вопросу ресентимента в масс-медийном пространстве. В начале труда обозначено, что «к теме ресентимента обращаются социологи, философы, культурологи, специалисты по медиакommunikациям. В статье будет проведен анализ уже имеющихся исследований ресентимента в медиакommunikативном пространстве. Из многочисленных форм научных исследований автор остановился на трех аспектах, которые максимально точно передают феноменологию ресентимента. Во-первых, это исследование ресентимента в социальных сетях (функциональные особенности ресентимента, выраженные, кодированием тех или иных смыслов), во-вторых – медиатизация политического ресентимента, в-третьих, репрезентация ресентимента в кинематографе». Следовательно, исследование имеет конструктивный характер, концептуальная основа промаркирована. Должные информационные справки введены, читатель получает необходимый объем знаний: например, «социальные исследователи всё чаще обращаются к концепции «ressentiment». Из-за общих формулировок и обобщенных интерпретаций, которые постоянно мелькают на глазах у любого ученого, видится наиболее перспективным начать описание с раскрытия этимологии слова. Ресентимент берет свое начало из французского языка. В научном дискурсе принято считать, что автором концепции является представитель течения философии жизни - Фридрих Ницше. Однако существует полемичность появления термина в научном обороте. В немецкий язык слово попало из Франции, благодаря писателю Ойгену Карлу Дюрингу, который в своей провокационной для того времени книги «Ценность жизни» пытался развить идею о том, что все концепции справедливости имеют под собой фундамент в виде чувства обиды, которое в свою очередь принадлежит к тому же семейству, что и месть...» и т.д. Текст дробится на т.н. смысловые фрагменты, это позволяет логике научной наррации поддерживать в режиме должного баланса. Аналитический комментарий по ходу работы дается верно, точка зрения автора объективирована: «ницшенский феномен характерен для разных стадий развития общества. Немецкий философ при этом, акцентирует внимание на христианской религии, как своего рода «цветке ресентимента». Ницше, обращаясь к священному писанию, а также к другим религиям, общей гуманитарной, философской мысли и к собственным эмпирическим наблюдениям, умозаключает конечность христианской веры как моральной доктрины: «Так именно и погребло христианство в качестве догмы - от собственной своей морали; так именно должно теперь погребнуть и христианство в качестве морали - мы стоим на пороге этого события», или «средства массовой коммуникации имеют тенденцию смещать ракурс фрейм взаимодействия людей в сторону взаимной неприязни и озлобления. В процессе формирования общественного мнения многое зависит от каналов получаемой информации, и в этом отношении, средства массовой коммуникации имеют львиную долю в контексте влияния на умы и сознание граждан. Чувство ресентимента опосредованно, но присутствует в этом глобальном модусе новых сетевых отношений. В одной из статей американских ученых Д. Матц и Б. Ривса было проведено эмпирическое исследование доверия к политическим лидерам через телевизионные

передачи» и т.д. Основная тема по ходу работы раскрыта, цель исследования достигнута. Думаю, что материал может быть полезен при изучении курсов гуманитарного цикла. Выводы по работе созвучны основной части, противоречий нет: «итак, были рассмотрены основные исследования концепта ресентимент в медиапространстве. Можно сказать, что с одной стороны, исследователи не пренебрегают феноменом при изучении социальных процессов, с другой же стороны - Ницшеанский концепт действительно имеет свои ограничения, особенно при проведении эмпирического исследования. Изучение данной проблематики дает нам основания к тому, чтобы выделить в качестве ключевых несколько характеристик. А именно...» и т.д. Список источников актуален, формальные требования издания учтены. Работу «Исследование ресентимента в медиакоммуникативном пространстве: возможности и ограничения» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Купцова И.А., Владимирова Т.Н. Текст массовой коммуникации в современном медиакультурном пространстве // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.70742 EDN: GHTXTK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70742

Текст массовой коммуникации в современном медиакультурном пространстве

Купцова Ирина Александровна

ORCID: 0000-0002-3830-0776

доктор культурологии

профессор; кафедра медиаобразования; Московский педагогический государственный университет;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
Московский государственный лингвистический университет

115470, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18, каб. 209

✉ ki-06@list.ru



Владимирова Татьяна Николаевна

доктор педагогических наук

проректор по связям с общественностью; директор института журналистики, коммуникаций и медиаобразования; Московский педагогический государственный университет

109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18, оф. 10

✉ tn.vladimirova@mpgu.su



[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.70742

EDN:

GHTXTK

Дата направления статьи в редакцию:

14-05-2024

Аннотация: В статье представлен анализ различных теоретико-методологических подходов к определению сущности и содержания современной массовой культуры, медиакультуры, медиатекста и медиаобразования. Выявлена ключевая роль аксиологического подхода при создании медиатекстов, распространяемых средствами массовой коммуникации. Рассмотрена структура медиатекстов в контексте ценностно-

смыслового аспекта их создания и репрезентации. На примере фотоискусства проанализирован процесс создания современных медиатекстов и их роль в структуре массовой коммуникации. Отдельно затронут вопрос, связанный с развитием искусственного интеллекта как средства создания и тиражирования медиапродукции в условиях доминирования новых медиа. Медиаобразование представлено как система подготовки профессионалов в сфере медиа и обычных пользователей к взаимодействию в условиях цифровых медиакоммуникаций. Отмечена особая роль ценностного подхода при формировании профессионалов медиасферы. Методологию исследования определяет аксиологический подход в сочетании с системно-функциональным и семантическим анализом заявленной проблематики. Основными выводами статьи являются следующие положения: 1. массовая культура выступает условием развития средств массовой коммуникации и предопределяет характер и содержание репрезентируемых медиатекстов; 2. средства массовой коммуникации формируют глобальную сферу – медиaprостранство, для которого характерны трансформационные процессы, обусловленные развитием "новых" медиа; 3. тексты массовой коммуникации в современном медиaprостранстве создаются как профессионалами в сфере медиа, так и пользователями, не имеющими специальной подготовки. При этом доля контента, созданного без участия профессионалов, доминирует в медиaprостранстве; 4. нейросети выступают новым типом "авторов" медиаконтента, создавая как текстовые материалы, так и визуальный контент, качество которого стремительно улучшается, составляя конкуренцию профессиональным материалам; 5. медиаобразование играет ключевую роль в подготовке не только профессионалов в сфере медиа, но и любого пользователя. Оно должно основываться на ценностно-смысловом подходе, предопределяющем содержание создаваемых медиаматериалов и выбор способов их распространения.

Ключевые слова:

медиакультура, медиатекст, средства массовой коммуникации, медиакультурное пространство, массовая культура, медиаобразование, текст массовой коммуникации, искусственный интеллект, медиа, визуальный текст

Введение. Медиaprостранство, массовая культура, медиакоммуникация.

Современный этап развития общества, формирующего высокотехнологическую среду жизнедеятельности человека, неоднозначен и противоречив. Прежде всего, это находит отражение в трансформации социокультурного пространства, где определяющую роль играет массовая культура, выступая ключевым фактором, определяющим жизнедеятельность огромных масс населения и имеющим планетарные масштабы. Она порождена объективными процессами социально-экономической модернизации общества. «Массовая культура в условиях постиндустриального общества – инвариант обыденной культуры, который характеризуется нарастающей внутренней стратификацией в зависимости от представлений и установок её производителей, с одной стороны, и, предпочтений и запросов потребителей, с другой. Она является транслятором специфических, специализированных знаний, образцов, норм между различными культурами; в то же время это – структурированное, динамично развивающееся неоднозначное явление, которое усложняется, демассифицируется в соответствии с запросами потребителей и создает новые формы и направления в своей эволюции» [\[1, с. 40, 98\]](#).

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к проникновению процесса конвергенции в современные средства массовой информации. Это повлекло за собой изменения в организационно-содержательных аспектах СМИ, превратив их «в единое информационно-коммуникационное пространство, в которое включены как аналоговые и сетевые СМИ, так и социальные сети, мобильные мессенджеры (например, WhatsApp, Telegram) и другие формы веб-коммуникаций» [\[2, с. 323\]](#). В этой связи отметим произошедшую трансформацию СМИ, которые из средств трансляции информации, ее простой передачи от авторов потребителю превратились в полноценные средства массовой коммуникации, обладающие интерактивностью, преимущественно существующие и передающие информацию в режиме реального времени и создающие условия для получения мгновенной обратной связи от пользователей (от СМС-голосований до возможности проявить одобрение/неодобрение и прокомментировать материал).

Средства массовой коммуникации формируют особую глобальную сферу, определяемую как медиакультурное пространство. Для него характерны принципиально иные взаимоотношения между потребителем информационного контента и источником информации, профессиональным и информальным коммуникационным сообществом, автором и реципиентом. Благодаря стремительному развитию технологий, происходит системная трансформация медиакультурного пространства, формирование структуры «новых» медиа, основанных на непрофессиональном медиатворчестве, самостоятельном способе производства информационного, развлекательного, культурно-просветительского и иного контента. Это, в свою очередь влияет на состояние ряда профессиональных сфер, в том числе и журналистики. Во времена, когда любой пользователь интернет-технологий при желании может выступать источником информации, появляются «сетевые авторы», гражданские журналисты, что приводит к заметному размыванию журналистской профессии.

Медиатекст в структуре массовой коммуникации: от традиционных форм к продукции искусственного интеллекта. Медиакультурное пространство постоянно расширяется, вовлекая в свой оборот традиционные и порождая новые виды искусства. Так, фотография содержит в себе важное основание для формирования художественного вкуса и эстетического начала, ее выразительные средства способны влиять на формирование личности. Фотография особенно необходима с точки зрения документализма. Абсолютная доступность производства фотопродукции, открываемая цифровыми технологиями, привела к появлению многомиллионной армии фотодокументалистов, обычных непрофессиональных пользователей смартфонов, которые ежедневно производят миллиарды снимков, запечатлевающих как частную, так и общественную жизнь. Этот процесс сопровождается лавинообразным распространением фотоконтента: от пересылки фото в частных переписках, публикации их в социальных сетях, до использования фотографий, сделанных пользователями, в профессиональных СМИ. Ежедневно пополняются так называемые фотостоки – объемные виртуальные банки фотографий, созданных как профессионалами, так и фотолюбителями, которые находятся в свободном доступе и открыты для использования. Немаловажным является включение технологий искусственного интеллекта в процесс создания визуального контента, который нередко предстаёт в виде более или менее искусной имитации реальной фотографии. Развитие искусственного интеллекта приводит не только к необходимости анализа уже происходящего, но и к попыткам осмысления вариантов сценариев недалекого будущего, в которых сгенерированные изображения могут стать доминантой, «новой реальностью» и составить конкуренцию искусству

фотографии. Уже сейчас контент, созданный по запросам к искусственному интеллекту, стремительно нарастает в объемах и существенно улучшается в качестве. Предположим, что пройдет совсем немного времени и тексты, изображения и видео, сгенерированные компьютерными программами, будут практически неотличимы от того, что создано человеком. Пока из этого ряда можно исключить высокохудожественные произведения, возникающие в результате творческой спонтанной деятельности человека, которая не поддается алгоритмизации. Таким образом, контент, сгенерированный искусственным интеллектом, становится заметной частью и инструментом в деятельности средств массовой коммуникации, развивая тип коммуникации, который условно можно обозначить, как «человек – машина/ человек – искусственный интеллект». Это всевозможные боты, которые создаются для ведения чатов с пользователями, голосовые помощники, различные онлайн-сервисы по подбору и стратификации необходимой человеку информации. Пользователь на свои запросы получает ответы от компьютерной программы и, по сути, взаимодействует с ней.

Современное медиакультурное пространство на основе синтеза и гибридного использования включает в себя, без преувеличения, все виды и жанры искусства, и все его уровни – от элитарного и классического до образцов популярной культуры, включая китч. Нарастающая тенденция интерактивности средств массовой коммуникации, активно продвигаемая новыми медиа, привела к сокращению расстояния между медиапродуктами и целевой аудиторией.

Анализируя специфические особенности феномена массовой культуры, исследователь Е.Н. Литвинова считает, что существует три формы воздействия СМК на целевую аудиторию: «Трансляция эстетических ценностей миллионным аудиториям – одна из форм воздействия средств массовой коммуникации на современную культуру. Другая форма воздействия – не репродуктивные, творческие, продуктивные аспекты средств массовой коммуникации. И третьим, наиболее значимым моментом, определяющим влияние средств массовой коммуникации на формировании современной культуры, является то, что они благодаря своей технической природе не только обеспечили возможность массового охвата численно рассредоточенных аудиторий, документальную фиксацию и демонстрацию материала, но и способствовали целому ряду новых эстетических качеств, получивших осмысление в различных направлениях культурной деятельности, прочно войти в арсенал современной культуры» [\[3, с. 196\]](#).

Одной из главных характеристик современного медиакультурного пространства является доминирование визуального способа передачи информации и выстраивания коммуникации. Это подтверждается стремительным развитием социальных сетей, основанных на трансляции фотоконтента, видеоматериалов (от продолжительных видео, которые характерны для платформы RuTube, до трехминутных роликов в ТикТоке, которые являются абсолютными лидерами по просмотру). При этом потребитель медиапродукции преимущественно не читает, обдумывает и осознает информацию, а просматривает ее, нередко в непрерывном режиме, листая ленты социальных сетей, заходя на страницы СМИ и отдельных пользователей. Возникает медиатекст, который определяется российским ученым Г.Я. Солгаником, следующим образом: «медиатекст – это специфический вид текста, который принадлежит к массовой информации и отличается особым типом авторства (т.е. производитель речи и субъект речи являются одним и тем же лицом), а также характеризуется особой текстовой модальностью (открытая речь, множественное проявление авторского «Я») и предназначен для широкой аудитории» [\[4, с. 15\]](#). Другими словами, медиатекст – это форма коммуникации, которая используется в сфере массовых коммуникаций для общения и распространения

информации. Включает в себя такие типы контента, как статьи журналистского и публицистического жанра, рекламные тексты, телевизионные программы, веб-статьи, радиопередачи и особые репортажи. Медiateкст является одной из основных категорий в медиалингвистике, медиастилистике, медиакультуре и медиаобразовании, и его изучение помогает лучше понять роль и влияние массовых коммуникаций на современное общество и культуру. Таким образом, возникает вопрос о структуре, характере, содержании современного медиапространства и новых формах и особенностях текста массовой коммуникации.

Текст массовой коммуникации в условиях современной медиакультуры. С учетом текущей ситуации особое значение приобретает исследование проблемы функционирования массовой коммуникации в современной медиакультурной среде. Средства массовой коммуникации являются распространителями образцов как современной, так и классической культуры; они оказывают влияние на творческий процесс, наделяя его новыми свойствами, достигая аудитории путем предоставления материалов в различных медиаформатах; что придает им целый ряд новых этических и эстетических качеств. При этом, по мнению исследователя Ю.А. Луговой, «опорными духовно-практическими конструкциями семантико-семиотического пространства современной массовой коммуникации являются медийная культура (медиакультура) как общее и медийный текст (медiateкст) как частное» [\[5\]](#).

Медиакультура – это комплекс материальных и интеллектуальных ценностей, связанных с медиа, а также система их создания и функционирования в обществе в определенный исторический период. В контексте медиакультуры массовая коммуникация имеет различные проявления и влияет на аудиторию, выступая «системой уровней развития личности человека, способного воспринимать, анализировать, оценивать медiateкст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания в области СМИ» [\[6, с. 26\]](#).

Исследователь Л.Р. Фахртдинова считает, что «медиакультура представляет собой смесь коммуникационных и информационных средств, созданных людьми в процессе своего становления, медиакультура состоит из создания и передачи информации. Медиакультура используется для формирования личности и общественного мнения» [\[7\]](#). Ученые Московского педагогического государственного университета В.А. Славина и Я.В. Солдаткина утверждают, что «медиакультура – это феномен современного информационного общества, совокупность информационно-коммуникативных средств, объединяющих разные стороны общественной жизни: образование, политику, культуру, искусство и многое другое» [\[8, с. 291-292\]](#).

Текст массовой коммуникации обладает некоторыми универсальными характеристиками, что позволяет использовать понятийно-категориальные инструменты из различных областей социогуманитарного знания, таких как философия, культурология, медиалогия, социология, психолингвистика и герменевтика, для его осмысления. В этом контексте медiateкст можно рассматривать как составляющую медиакультуры, так как способ и формы передачи информации не просто отражают внутренний мир человека и его культуру, но и являются хранителями культуры, источниками знаний о национальном характере и менталитете народа. Медиакультура, формируемая через средства массовой коммуникации, представляет собой диалектическую сумму различных медiateкстов – носителей значений, ритуалов, навыков, приемов, способов общения и поведения людей. Это ведет к системной трансформации структуры медиа, к фундаментальным интеграционным последствиям. И.М. Дзялошинский указывает некоторые из них: «1) меняется аудитория; 2) меняется вся система авторства; 3) от обратной связи через

интерактивность к диалогу» [\[9, с. 74-76\]](#). А это ведет к тому, что в геометрической прогрессии растет интертекстуальность. Далее И.М. Дзялошинский отмечает, что и лингвистическая составляющая современных медиа меняется, происходит: «1) упрощение контента в расчете на его восприятие широкой целевой аудиторией; 2) структурно-композиционная простота текстов, вызванная тем, что реципиент после одного взгляда должен решить, нужна ему та или иная информация; 3) трансформация языка коммуникаций, снижающая использование ряда лингвистических норм» [\[9, с. 80\]](#). Таким образом, происходит трансформация как формы, так и содержания массовой коммуникации, отраженная в медиатекстах.

Данное обстоятельство в совокупности с колоссальным объемом информации, поступающей современному человеку из различных источников, привело к осознанию необходимости формирования новых надпрофессиональных компетенций в сфере медиа.

Медиаобразование в структуре массовых коммуникаций. Среди видов функциональной грамотности, необходимой каждому современному человеку особо выделяют информационную. Ряд исследователей, вслед за определением, данным ЮНЕСКО, подчеркивают значение медийно-информационной грамотности. Для решения задач формирования данной грамотности необходима подготовка прежде всего педагогов и журналистов.

Исследователь И.В. Жилавская, определяя суть медиаобразования и значительно расширяя традиционную трактовку понятия «медиа», отмечала: «Сегодня мы говорим о медиаобразовании применительно ко всякого рода медиатекстам. Под медиатекстом (media text, media construct) мы понимаем сообщение в любом виде медиа, в котором сливаются различные формы создания и восприятия информации для получения нового синергетического смысла. Медиатекст – это коммуникативный акт, в котором задействованы обе стороны коммуникации. Медиатекстом являются литературное произведение, статья в газете, телепередача, музыкальный клип, художественная инсталляция, рекламная листовка, фильм, SMS-сообщение и т.д.» [\[10, с. 7-8\]](#).

Процесс освоения человеком знаний о медиа и его месте в мире медиа называется медиаобразованием, оно также включает развитие широкого спектра медиакомпетенций и осознанного взаимодействия с медиа, позволяющих личности полноценно самореализовываться в информационном обществе на основе гуманистических и ценностных идеалов. Медиаобразование позволяет распознавать в медиатекстах явные и скрытые смыслы, оценивать их в соответствии с общественными нормами и устоявшимися ценностями. Включение понятия «ценности» является фундаментальным аспектом современного этапа развития. Аксиологическая природа медиаобразования обусловлена тем, что центральным элементом системы массовой коммуникации является человек со всеми его идеалами и ценностями, которые определяют его жизненную позицию. В процессе медиаобразования происходит формирование личности и ее этическое развитие в условиях информационного потока, который часто представляет различные точки зрения, преследующие свои экономические, политические и идеологические интересы. Взаимодействие с культурной средой, общение с другими людьми напрямую влияет на процессы социализации и инкультурации, всестороннего становления и развития личности. Это же относится и к миру медиа: многообразие сюжетов формирует ценностные категории, содержательные установки жизни, дает почву для саморазвития в современной социокультурной среде. Одной из задач современного медиаобразования, в части подготовки медиаспециалистов, является формирование профессиональных компетенций по созданию и распространению медиатекстов,

отражающих ценностно-смысловой комплекс отечественной культуры, который основан на историко-культурном наследии и традициях народов России.

Способность анализа содержания медиаконтента, не только точки зрения его гуманитарной экологичности и толерантности, но и с позиций сохранения и развития традиционных духовно-нравственных ценностей российской цивилизации, является неотъемлемой компетенцией как педагога, так и специалиста в области медиа. Формирование соответствующих знаний, умений и навыков происходит как в процессе медиаобразования, так и при вовлечении обучающихся в патриотические, просветительские, культурно-досуговые проекты, которые выступают средством воспитывающей среды образовательной организации.

Резюмируя, можно отметить, что текст по-прежнему остается ведущим средством массовой коммуникации. Трансформируются форматы передачи информации, расширяется понятие самого текста, но главным, по-прежнему, остается содержание и смыслы, которые передаются в медиaprостранстве и формируют медиакультуру современного общества, а конечном итоге – и будущие поколения. В настоящее время средства массовой коммуникации претерпевают кардинальные изменения, которые только предстоит осмыслить исследователям и практикам.

Библиография

1. Купцова И.А. Социокультурные механизмы адаптации личности в условиях современной массовой культуры: диссертация ... кандидата культурол. наук: 24.00.01. Орел, 2002. – 176 с.
2. Солдаткина Я.В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. № 3. С. 323-330.
3. Литвинова Е.Н. Массовая культура и массовая коммуникация в современном информационном пространстве: к проблеме взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 195-199.
4. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 15.
5. Луговая Ю.А. Семиотика медийного текста в культурфилософском измерении: дисс ... канд. филос. наук. М., 2013.
6. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. – М.: МОО «Информация для всех», 2014. С. 26.
7. Фахртдинова, Л. Р. Медиакультура, как объект исследования / Л. Р. Фахртдинова // Трибуна ученого. 2021. № 6. С. 118-122.
8. Славина В.А., Солдаткина Я.В. Медиакультура как феномен информационной эпохи // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. № 2. С. 286-293.
9. Дзялошинский И.М. Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2014. № 4 (40). С. 74-83.
10. Жилавская И. В. Медиаобразование молодежи / И. В. Жилавская. – 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Текст массовой коммуникации в современном медиакультурном пространстве», представленной для публикации в журнале «Litera», предметом исследования стал медиатекст, рассматриваемый как «форма коммуникации, которая используется в сфере массовых коммуникаций для общения и распространения информации». Автор выделяет типы контента медиатекста (статьи журналистского и публицистического жанра, рекламные тексты, телевизионные программы, веб-статьи, радиопередачи и особые репортажи), его отнесенность к медиалингвистике, медиастилистике, медиакультуре и медиаобразованию, утверждает, что изучение медиатекста «помогает лучше понять роль и влияние массовых коммуникаций на современное общество и культуру». Действительно, актуальность данной категории в условиях нынешнего мира бесспорна. Медиатекст приобретает совершенно новые черты и формы, которые требуют системного изучения. Поэтому предпринятое автором исследование, нацеленное на характеристику структурных и содержательных особенностей медиапространства, безусловно актуально, имеет научную ценность.

Стиль и содержание статьи отвечают требованиям научного текста. Работа подразделена на смысловые блоки, каждый из которых раскрыт достаточно хорошо и дает представление об области медиапространства на сегодняшнем этапе: «Введение. Медиапространство, массовая культура, медиакоммуникация», «Медиатекст в структуре массовой коммуникации: от традиционных форм к продукции искусственного интеллекта», «Текст массовой коммуникации в условиях современной медиакультуры», «Медиаобразование в структуре массовых коммуникаций». Наблюдается логичность суждений, автор развивает свои мысли последовательно. Библиография отражает работы, опираясь на которые автор смог вскрыть дискуссионность сферы массовой коммуникации в исследовательском плане, привел убедительные мнения и взгляды ученых на существующие противоречия. Вывод автора относительно необходимости осмысления средств массовой коммуникации в настоящее время кардинальных изменений требует поддержки.

Думается, что статья будет интересна читательской аудитории. Особую остроту и заинтересованность вызовет подраздел о медиаобразовании и насущных его проблемах, одной из задач которого в части подготовки медиаспециалистов является «формирование профессиональных компетенций по созданию и распространению медиатекстов, отражающих ценностно-смысловой комплекс отечественной культуры, который основан на историко-культурном наследии и традициях народов России». Постановка в таком ракурсе проблемы привлечет внимание специалистов и неспециалистов, заставив взглянуть на особенности современной коммуникации и на самого человека со стороны с точки зрения возможностей его полноценной самореализации в информационном обществе. Обновленные форматы медиатекстов не влияют на сущность выполняемой ими роли - формирования медиакультуры современного общества, а в конечном итоге и будущих поколений. Поэтому взаимодействие с медиа требует специального осознанного обращения, чему необходимо учить каждого в условиях новых социокультурных реалий.

Статья «Текст массовой коммуникации в современном медиакультурном пространстве» может быть рекомендована в печать при условии устранения пунктуационных ошибок.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дорский А.Ю., Ма С. Добродетели конфуцианской философии в современных связях с общественностью // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71674 EDN: GJEIDZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71674

Добродетели конфуцианской философии в современных связях с общественностью

Дорский Андрей Юрьевич

ORCID: 0000-0002-0991-2941

доктор философских наук

профессор; кафедра менеджмента массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ dorski@yandex.ru**Ма Синьи**

ORCID: 0009-0004-9027-9689

аспирант; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ fxsjxfh@126.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71674

EDN:

GJEIDZ

Дата направления статьи в редакцию:

10-09-2024

Аннотация: Предметом исследования является значение конфуцианской этики добродетелей для связей с общественностью. Авторы рассматривают историю исследования этики добродетелей как объясняющей этику PR теории. Констатируют, что изучение роли конфуцианского учения для современных рыночных отношений активно ведется на протяжении последних десятилетий как в Китае, так и в ряде других стран,

но соотношение конфуцианских добродетелей и принципов PR пока не становилось предметом специального исследования. Цель работы – предоставить теоретическую поддержку для разработки более эффективных коммуникационных стратегий, в т.ч. при формировании этики PR-специалистов в Китае. Проводится сравнительное исследование «пяти постоянств» (доброжелательность, праведность, благопристойность, мудрость и доверие) классической китайской конфуцианской философии и современных этических принципов, выраженных в конкретных PR-практиках. Методология этики добродетели предполагает сосредоточение на личных качествах человека, перечень которых конфуцианская традиция сформулировала во II в. до н.э. После реконструкции содержания каждой из пяти добродетелей следует рассмотрение её проявления в коммуникативных бизнес-практиках. Авторами продемонстрировано, что конфуцианские добродетели способствуют гармонизации общественных коммуникаций, улучшению имиджа и репутации компаний, в конечном счете – повышению их капитализации. В связи с тем, что настоящая статья представляет только первый шаг в изучении роли конфуцианства для связей с общественностью, подчеркивается необходимость дальнейшего углубления и расширения исследования. В заключении авторы указывают позитивное и негативное значение конфуцианской философии для развития связей с общественностью. В частности, отмечается, что радикальное противопоставление доброты пользе препятствует распространению рыночных отношений, а акцент на личных взаимоотношениях не способствует институциональной упорядоченности. Тем не менее, авторы полагают, что изучение этического учения конфуцианства способствует лучшему межкультурному взаимодействию с участием представителей восточно-азиатских культур, а следование этому учению в целом может способствовать гармонизации общественных коммуникаций и повышению морального статуса связей с общественностью в мировом масштабе.

Ключевые слова:

конфуцианство, этика PR, добродетели, коммуникационные стратегии, доброжелательность, праведность, благопристойность, мудрость, доверие, традиции и современность

Постановка проблемы

Этика связей с общественностью традиционно находится в фокусе внимания ученых, а нередко и практиков PR [\[1\]](#); [\[2\]](#); [\[3\]](#); [\[4\]](#); [\[5\]](#); [\[6\]](#). Ш. Боуэн объясняет такой интерес тем, что этические решения укрепляют доверие, а доверие повышает уверенность общественности в организации и её моральном авторитете [\[7, p. 3998\]](#). Т. о., этика помогает в решении базовых профессиональных задач PR.

Однако применение норм морали на практике связано с рядом проблем, одной из которых является различие в понимании и выстраивании коммуникаций в разных обществах. В частности, Ни Чен и Х. Кальбертсон отмечают, что в Китае связи с общественностью являются относительно новой областью, которая находится в процессе самоопределения и одновременно быстро изменяется [\[8\]](#). Опираясь на теорию Г. Хофстеде, они формулируют ряд фундаментальных препятствий для развития связей с общественностью, существующих в китайской культуре. Показательно название их главы в «Справочнике по глобальным связям с общественностью»: «Связи с общественностью в Китае: подросток с болезнями роста».

Соглашаясь со многими тезисами Ни Чена и Х. Кальбертсона, мы вместе с тем полагаем, что в национальной специфике целесообразно видеть не только трудности для развития PR, но и вклад, способный обогатить мировую культуру коммуникаций. Конфуцианская система ценностей не только оказала глубокое влияние на историю Китая, но и имеет важное практическое значение в современном обществе, особенно в области связей с общественностью. Интеграция традиционных систем ценностей с современными практиками связей с общественностью может помочь профессионалам более эффективно справляться со сложными моральными вызовами в межкультурной коммуникации.

История вопроса

Этике бизнеса в Китае ученые стали уделять внимание со времени полноценного включения китайской экономики в мировой рынок [9]; [10]; [11]. С 1998 по 2008 год только в «Journal of Business Ethics» было опубликовано 90 статей, посвященных этому вопросу [12, p. 1], а в 2009 году вышел специальный выпуск указанного издания. В дальнейшем исследовательский интерес к теме не ослабевает [13]. С сожалением приходится констатировать, что в российской науке, несмотря на наличие сильной школы китаеведения и экономические связи России и Китая, китайской этике бизнеса посвящено совершенно недостаточное количество работ [14]; [15].

Однако применимость конфуцианской этики в связях с общественностью практически не изучается не только в России. Среди немногих исключений можно назвать статью австралийской исследовательницы Чжу Юнься, которая отмечает отсутствие исследований по применению конфуцианской этики в маркетинговых коммуникациях и анализирует этику коммуникаций в рамках выставочной деятельности в Китае [16].

Исследователи по-разному квалифицируют конфуцианскую этику. Распространен взгляд на неё как на ролевую этику [17]; [18], мы в данной статье присоединяемся к тем ученым, которые рассматривают конфуцианскую этику как этику добродетели [19].

Этика добродетели приобрела популярность во второй половине XX века, когда в англоязычной философии происходит «антропологический поворот» [20]. Согласно этому подходу в центр размышлений ставится некоторое нравственное качество индивида, соответствие которому и определяет этичность поступка. «Добродетель — это установки, склонности или черты характера, позволяющие нам быть и вести дела таким образом, чтобы развивать этот потенциал [кем мы можем стать. — А.Д., М.С.]. Они позволяют нам следовать принятым нами идеалам. Честность, мужество, сострадание, великодушие, верность, неподкупность, справедливость, самоконтроль и благоразумие — все это примеры добродетелей» [21].

В связи с появлением значительного корпуса литературы, посвященной этике добродетели в бизнесе [22]; [23]; [24]; [25] профессиональная деятельность в сфере коммуникаций неизбежно должна была быть подвергнута анализу, базирующемуся на таком подходе. Так, в 1990 году О. Вильямс и П. Мерфи исследовали известный кейс Тайленола с опорой именно на эту концепцию [26]. Спустя более чем десять лет, в 2004 году, Дж. Харрисон, акцентируя значимость этики добродетели для PR, указывал, что полемика по этому поводу началась буквально только что — статьей М. Валле, вышедшей в 2003 [27]. Наконец, в 2015 году Н. Браунинг констатировал, что большинство исследований этики PR по-прежнему исходит из противопоставления утилитаризма и деонтологии, не рассматривая этику добродетели [28].

С точки зрения Н. Браунинга — типичной для апологетов этики добродетели, — последняя совмещает достоинства деонтологической и утилитаристской этик, но лишена их недостатков: «В противоположность деонтологической фиксации на ненаблюдаемом предварительном намерении и утилитарному прогнозированию неопределенных будущих последствий, этика добродетели фокусируется на определенном и наблюдаемом моральном факторе, действующем в настоящем ... Добродетели (например, мудрость, справедливость, мужество) действуют как руководящие правила для действий, подобно категорическому императиву Канта, который обеспечивает благотворное поведение. Однако, в отличие от деонтологии, этика добродетели исходит из личных интересов: цель субъекта состоит в достижении собственного благополучия, чего он может достичь, только действуя добродетельно» [28, p. 14-15]. В дальнейшем автор расширил обзор этических учений, но остался верен этике добродетели [29].

Традиционно и вполне объяснимо исследователи видят истоки этики добродетели в учении Аристотеля, иногда «дополняя» его теологией Фомы Аквинского [30]; [31]. Существуют единичные попытки рассмотреть этику PR в контексте христианского учения о добродетелях [32]. На стыке интереса к этике добродетели и восточной этике бизнеса рождаются компаративные исследования конфуцианской и аристотелевой этик [33].

Несмотря на это мы можем констатировать, что на настоящий момент возможность понимания этики связей с общественностью через призму конфуцианской этики добродетели не становилась предметом специального исследования.

Методы исследования

Разные исследователи конфуцианской этики бизнеса акцентируют её различные составляющие. Наибольшее внимание в литературе уделяется гуанси (关系, личные взаимоотношения) [34]. Методология этики добродетели побуждает нас сосредоточиться прежде всего на личных качествах человека, которые проявляются и совершенствуются в интеракциях, а не на характеристиках самих интеракций. Выделяя конфуцианские добродетели, мы исходим из теории, основанной на взглядах Конфуция, но в современном виде сложившейся несколько позже. Согласно Конфуцию, благородный человек должен обладать тремя основными качествами: Жень (仁, доброжелательность, гуманность), И (义; 義, праведность, справедливость), Ли (礼; 禮, благопристойность, ритуалы). Мэн-Цзы (в европейской традиции — Менций, 372–289 гг. до н.э.) добавил Чжи (智, мудрость, знание), а Дун Чжуншу (179–104 гг. до н.э.), великий конфуцианский ученый династии Хань, — Синь (信, искренность, верность). Он называл эти добродетели «пятью постоянствами», которые должны культивироваться людьми [35]. В этой части методология нашего исследования совпадает с подходом, примененным Э. Ле Дюком к этике журналистики [36].

Исследование построено как реконструкция каждого из пяти постоянств с последующим рассмотрением конкретных бизнес-практик. При отборе кейсов мы не ограничивались китайским бизнесом, чтобы выяснить возможную значимость конфуцианских добродетелей для зарубежных и международных связей с общественностью. Таким образом, мы можем проверить заявленный ранее тезис об обогащении мировой культуры коммуникаций за счет традиций разных — в данном случае китайской — культур.

Для реконструкции значений конфуцианских терминов мы использовали аналитический, синтетический и индуктивный методы обработки тематических исследований. Посредством сравнительного анализа классической конфуцианской философии и кейсов,

характеризующих современную бизнес-этику, углубляется понимание различий и сходств в обеих системах ценностей, а также возможной положительной и отрицательной роли конфуцианства для связей с общественностью.

Жень

В «Шовэнь цзецзы», первом иероглифическом словаре в Китае и даже в мире, объясняется, что Жень — это близость, иероглиф которого состоит из человека и двух [\[37\]](#). Как всем известно, состав иероглифов имеет свое особое значение, и иероглиф «Жень» 仁 состоит из двух частей, левая — «человек» 人, правая — «два» 二, что означает философскую категорию, которая выражает взаимные отношения между человеческими существами.

В понятии «Жень» ясно проявлена характеристика добродетели, свойственная и европейской мысли: достижение собственного блага лежит через заботу о благе других. В классическом конфуцианском тексте «Аналекты Конфуция (Лунь Юй)» говорится: «Желая установить себя, он устанавливает других; желая достичь себя, он помогает другим достичь» [\[38, с. 83\]](#). Это конкретное проявление доброжелательности. Забота о других и общественные интересы — основа конфуцианства.

Представитель конфуцианской школы Мэн-цзы утверждал: «гуманный человек любит людей» [\[39, с. 141\]](#), только люди с доброжелательностью и добродетелью в сердце могут сделать правильный выбор перед лицом добра и зла. Конфуций также упоминал, что «только те, кто обладает благожелательностью и добродетелью, могут любить и ненавидеть других» [\[38, с. 45\]](#). По мнению Се Сюаньцзюня, когда конфуцианство говорит о Жень, речь идет не только о любви к людям, но и о ненависти. Конечно, Конфуций не говорил, что мы должны любить или ненавидеть кого-либо, но любовь неизбежно связана с ненавистью, и эти два понятия существуют в оппозиции друг к другу. Но только когда человек достигает Жень, он может испытывать правильную любовь и ненависть [\[40\]](#).

Путь к дальнейшей реализации Жень лежит через «преданность» и «великодушие». Принципы «преданность» и «великодушие» — важная часть мысли Конфуция, которая пронизывает все аспекты его мышления. Это также основное требование Жень [\[38, с. 49\]](#).

Для современных специалистов по связям с общественностью конфуцианская идея «преданности» в основном означает необходимость соблюдения персоналом по связям с общественностью своих социальных обязанностей и утверждения идеи служения народу. Huawei, известная китайская компания, приняла «светлую добродетель, породнение с народом и остановку на совершенном добре» из книги «Великое учение» в качестве одной из концепций своей корпоративной культуры, подчеркивая, что компания должна быть такой, которая служит людям [\[41, с. 1540\]](#).

В современных общественных отношениях это фактически проявление мысли о том, что следует относиться к ближнему как к самому себе. PR-специалисты обеспечивают конкуренцию на рынке и в политике, но, следуя Жень, они должны настаивать на законных способах конкуренции, отказываться от неэтичного конкурентного поведения, и более того — конкуренция не исключает сотрудничества. Например, если говорить об операционных системах для смартфонов, то Android от Google и iOS от Apple являются основными конкурентами. Однако поисковая система Google, карты и другие сервисы предустановлены на устройствах Apple, что дает возможность двум сторонам

сотрудничать. Такое сотрудничество обеспечивает Google огромную базу пользователей, в то же время предоставляя пользователям Apple более богатые услуги.

Стоит отметить, что Жень — это в том числе и нравственный ограничитель для абсолютизации бескорыстия и самоотверженности, и тем более для практик «эмоциональных инвестиций» и «морального похищения». Под «эмоциональными инвестициями» понимается манипуляция эмоциональными привязанностями аудиторий, создание безосновательных чувства доверия или лояльности. «Моральное похищение» относится к ситуациям, когда компании используют моральные или этические аргументы для получения поддержки, которая на самом деле служит исключительно их корпоративным интересам, а не интересам общества.

И

Самое основное значение слова И — это «добродетель» или «восхищение», т. е. стандарты и критерии добра, которым люди должны следовать в своих мыслях и поведении. Отношения между «праведностью и выгодой (利: Ли нисходящий тон, далее: Ли 4)» всегда были старым и вечно новым конфликтом, а также важным вопросом в традиционной китайской морали. В словаре «Шовэнь цзецзы» слово Ли 4 объясняется так: «Прибыль, острота, происходит от ножа. Гармония и согласие приводят к прибыли, поэтому символ производит от гармонии и экономии. “И Цзин” говорит: “Польза и прибыль исходят из справедливого согласия и гармонии”» [\[37, с. 115\]](#).

«Благородный муж думает о морали, низкий человек думает о выгоде» — это одна из важных фраз учения Конфуция. Он считал, что Ли 4 должна подчиняться И, предпочтение должно отдаваться И в ущерб Ли 4. Безудержное стремление к личной выгоде может привести к нарушению и разрушению этого порядка. Поэтому люди, стремящиеся к личной выгоде, считаются низменными. С развитием конфуцианства в последующие поколения эта мысль превратилась в острую дихотомию И и Ли 4, представляющую собой взгляд на них как на взаимоисключающие понятия. Поэтому в конфуцианской доктрине стремление к праведности или жадность к выгоде явно используются в качестве границы, которая отличает благородного мужа от негодяя.

Во-вторых, конфуцианство не отказывается просто от Ли 4, но требует, чтобы люди сознательно извлекали прибыль «праведным путем». Конфуций отмечал: «Богатство и достоинства — это то, чего все хотят, но если не получить их правильным способом, то не насладишься ими; бедность и низость — это то, что все ненавидят, но если не избавиться от них правильным способом, то не избавишься» [\[38, с. 46\]](#). Поэтому «Богатства, полученные неправедным путем, для меня подобны плывущим облакам в небе» [\[38, с. 90\]](#). Менций также отметил: «Общее желание всех людей – занимать почетное положение» [\[39, с. 199\]](#). Но люди должны «не терять своих моральных норм, когда они бедны, и не отступать от своих человеческих принципов, когда они богаты» [\[39, с. 222\]](#). «Он ничего не даст другим и ничего не отнимет у других, если это не является морально правильным» [\[39, с. 161\]](#). Это означает, что человек должен думать о праведности и нравственности всякий раз, когда видит имущество и блага, и только так он может стать совершенным человеком.

Связи с общественностью требуют, чтобы все решения и действия организаций, хотя они и стремятся к своим собственным интересам, в первую очередь были «альтруистическими», а «корысть» — результатом «альтруистического» поведения организации. Связи с общественностью должны реализовывать собственные интересы

«альтруистическим» способом, не нарушая моральных принципов и законов, и достигать гармоничного единства между альтруизмом и собственными интересами. Согласно английскому автору подхода Сэму Блэку, «в этом подходе понятие PR понимается как искусство и наука достижения общественной гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности. В альтруистическом подходе главной задачей является служение обществу, а интересы своего предприятия отходят на второй план. Такой подход чаще всего используется в странах Европы» [\[42, с. 22\]](#). Основной принцип связей с общественностью — взаимная выгода, то есть сначала дать возможность другим получить выгоду, а затем в итоге получить выгоду самому.

25 февраля 2024 года скончался основатель компании Wahaha, известный китайский предприниматель Зонг Цин. После его смерти множество поклонников стали покупать продукцию Wahaha в знак памяти. Зонг начал свою карьеру с низких позиций и основал компанию в 42 года, доказав своё место в мире через бизнес. Он предоставлял сотрудникам доступное жильё, высокие стандарты социальной защиты и поддерживал их в трудные времена. Зонг также активно занимался благотворительностью и настаивал на использовании качественных материалов для производства, несмотря на возможное увеличение затрат. Его приверженность сочетанию экономической и социальной выгоды отражает принцип «И», подчеркивающий важность общественных интересов в бизнесе.

Ли

Китай известен как древняя цивилизация и страна этикета. В сфере межличностного общения древнее китайское общество всегда придерживалось традиции ценить персонал и этикет. В конфуцианстве Ли (礼: Ли нисходяще-восходящий тон, далее: Ли 3) — это комплексное понятие с богатым содержанием, обозначающее этикет и манеры, а также социальные нормы поведения, и функция этикета — регулировать. Он содержит рекомендации по отношению к зрению и слуху, речи и действиям, сдержанности и благопристойности, а также другим аспектам ухоженности.

Конфуцианство придает большое значение ритуалам. Что касается того, как достичь благожелательности, то есть любви к другим, как в социальном, так и в индивидуальном плане, Конфуций считал, что самый главный способ — это «обуздать себя и вернуться к Ли», то есть сдерживать свои мысли, действия и поступки, чтобы они не нарушали моральных принципов. Поэтому от человека требуется «не видеть того, что не соответствует Ли 3, не слушать того, что не соответствует Ли 3, не говорить того, что не соответствует Ли 3, и не делать того, что не соответствует Ли 3. Конфуций также подчеркивал: «Если Вы не знаете Ли 3, Вам не выстоять в обществе» [\[38, с. 252\]](#). Поэтому, когда Конфуций говорит, что он в тридцать лет встал на ноги (самостоятельный возраст), это означает, что он знал «Ли 3» того времени, и что его слова и поступки были уместны.

Этическая ценность Ли стала основой культуры традиционного китайского общения. Хорошие и успешные общественные отношения в современном обществе не могут быть достигнуты без гармонии между людьми. Традиционная китайская теория общения гласит: «Если благородный муж соблюдает Ли 3, то будет внутренняя и внешняя гармония и не будет обид», что совпадает с целью современных связей с общественностью, которые стремятся установить гармоничный порядок межличностных взаимодействий, и является профессиональным руководством, которому могут поучиться современные специалисты по связям с общественностью [\[43, с. 236\]](#).

Так, японские предприятия сферы услуг, особенно отели, рестораны и универмаги,

известны во всем мире своими высокими стандартами обслуживания клиентов. Часто ставя клиента на первое место, эти компании сферы услуг отличаются чрезвычайной вежливостью, вниманием к деталям и предотвращением ошибок в обслуживании, что воплощает уважение и соблюдение Ли 3 в конфуцианской культуре.

Одним словом, Ли 3, которому конфуцианство придает большое значение, такой как порядок старшинства и детства, различие между нижестоящими и вышестоящими, а также ухоженность и инструменты для различных случаев, включает в себя этикет, который требуется в деятельности по связям с общественностью.

Чжи

Чжи – мудрость. В традиционной китайской культуре сохранилось значительное влияние военной мудрости. Так, в период Весен и Осеней и Сражающихся царств класс воинов служил политическими стратегами и интеллектуальной элитой, используя свою смекалку и стратегии для перемещения между различными феодальными государствами. В труды множества мыслителей проникает мудрость стратегического мышления. Особенно в «Искусстве войны» Сунь-цзы, классическом произведении военной науки человечества, которое пронизано глубокими стратегическими идеями. Сложные и разнообразные стратегические действия также представлены в известном литературном произведении Ло Гуаньжуна «Троецарствие» (XIV в.).

«Время и обстановка» играют ключевую роль в стратегии. «Время» означает подходящий момент или шанс для действия, а «обстановка» — текущее положение вещей или тенденцию. Эти две вещи важны для определения исхода битвы. Древний Китай особо ценил «небесное время (подходящее время)» и считал его таким же важным для успеха, как «удобное расположение» и «сплочённость людей». Важно подчеркнуть, что речь идет не только о внешних факторах, а о сознательном создании шансов — «накоплении сил» и «создании обстановки». Это процесс, когда усилиями в различных аспектах, таких как соотношение сил, психологическое состояние, мораль и отвага войск, формируется доминирующее преимущество, которое в итоге приносит естественный успех.

Но сегодня разработанные для военного дела принципы находят своё воплощение в мирном ведении бизнеса. В значительной степени это связано именно с ориентацией Чжи на внутренний потенциал человека или организации. Например, в последние годы Huawei столкнулась с серьезными вызовами на международной арене, особенно из-за ограничений, введенных правительством США, угрожающих её глобальному бизнесу. Ответом компании стала более полная самореализация: Huawei усилила прозрачность своей деятельности, создала в ряде стран исследовательские центры и занялась развитием местного образования. Компания активно развивала внутреннее управление, инвестировала в развитие талантов и поддерживала открытый диалог с потребителями, партнёрами и правительствами. В результате имидж компании улучшился, а позиции на рынке укрепились.

Эти меры отражают понимание и применение принципов «небесного времени», «земного преимущества» и «гармонии людей». Благодаря комплексному и стратегическому подходу Huawei не только смягчила влияние международных проблем, но и укрепила своё лидерство в глобальных технологиях.

Синь

Синь является важной частью этической доктрины конфуцианства, подчеркивающей

единство знаний и действий, а также соответствие слов и поступков. Конфуций говорил: «Без доверия народ не устоит» [38, с. 149], «Человек без доверия не заслуживает уважения» [38, с. 7], «В общении с друзьями доверие превыше всего» [38, с. 166], «Слово должно совпадать с делом, а дело приводить к результату». В традиционной китайской культуре те, кто соблюдает обещания, считаются благородными мужами, а те, кто их нарушает — недостойными людьми. Пословицы и поговорки типа «Одно слово стоит тысячи золотых», «Слово благородного мужа трудно отменить даже быстрой лошастью» давно стали ярким выражением стремления нации к Синь. Как модель поведения можно рассматривать историю из «Троецарствия».

Мэн Хуо, вождь племени в Наньчжуне, первоначально был врагом государства Шу Хань. Во времена Троецарствия, Чжугэ Лян, премьер-министр Шу, предпринял походы на юг, в ходе которых семь раз захватывал Мэн Хуо, каждый раз милостиво отпуская его. Это проявление доброты и терпимости глубоко повлияло на Мэн Хуо, который в итоге полностью покорился Чжугэ Ляну и стал его верным сторонником. Чжугэ Лян доказал, что его цели базируются на высоких принципах и целях, веря в возможность превратить врага в друга через доверие и правильное отношение.

Современные публичные отношения также акцентируют важность формирования доверия. В условиях конкуренции на рынке, где продукты часто схожи, и цена уступает место бренду, репутация становится определяющим фактором. Компании стремятся получить звание «Надежная компания» и «Продукт, которому доверяют потребители», подчеркивая значение репутации и имиджа в оценке публикой.

Результаты исследования

Анализируя влияние традиционной китайской конфуцианской культуры на развитие современных связей с общественностью, важно видеть как положительные, так и отрицательные эффекты.

Прежде всего, конфуцианство утверждает принцип «человек превыше всего», считая, что улучшение личных отношений ведет к улучшению общественно-экономических связей. Важно стремиться к гармонизации интересов и служению народу, делая «человек превыше всего» основой развития общественных отношений.

Во-вторых, конфуцианская этика поддерживает эмоциональное взаимодействие, ведущее к уникальной особенности «ориентации на чувства».

Третьим аспектом является идея гармонии в группе, которая способствует формированию особенности «ориентации на коллектив» в общественных отношениях. Мысль о гармонии в группе является значимой частью конфуцианской культуры, и стремление к гармонии в группе выделяется как важная характеристика традиционной культуры конфуцианства в Китае.

Хотя традиционная китайская культура может иметь положительное влияние на развитие современных связей с общественностью, не стоит забывать, что между конфуцианством и этикой PR есть и существенные противоречия.

Во-первых, «золотая середина» и «идея уравниловки» ограничивают предприимчивость людей и лишают все общество чувства конкуренции, что снижает спрос на связи с общественностью. «Золотая середина» – это основная концепция конфуцианства, подразумевающая стремление к равновесию и гармонии и отказ от любых крайностей [38, с. 82]. Однако, в развитии современных связей с общественностью эта идея может

рассматриваться как ограничение, так как она может подавлять индивидуальный и коллективный драйв и чувство конкуренции.

Во-вторых, концепция «И превыше Ли 4» ослабляет управленческую функцию современных связей с общественностью. Противопоставление «доброты» «выгоде» приводит к ослаблению и исчезновению концепции товарных ценностей.

В-третьих, точка зрения, ориентированная на межличностные отношения, привела к усложнению социальной среды и способствовала распространению вульгарных отношений, что препятствует реализации принципов связей с общественностью. Такой иррациональный подход, как «приоритет человеческих чувств», неизбежно вызывает большое распространение как дурных привычек и обычаев, так и вульгарных отношений.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы

Данное исследование представляет собой сравнительный анализ этических мыслей китайской классической конфуцианской философии и современных критериев связей с общественностью. Тем не менее, остаются некоторые аспекты, требующие дальнейшего изучения.

Во-первых, будущие исследования могли бы сосредоточиться на анализах конкретных случаев, например, на том, как конфуцианские идеологические системы ценностей могут быть эффективно интегрированы в современные PR-стратегии и способствовать решению практических проблем в условиях глобализации.

Во-вторых, несмотря на то, что в настоящей статье затрагивается тема не только культурных различий и сходств, но их влияния на этические концепции PR, существует ещё необходимость в более детальных исследованиях того, как эти различия и сходства проявляются на практике. Это в основном касается взаимодействия восточных и западных этических моделей, при которых могут возникать конфликты и, наоборот, возможности для взаимовыгоды. Приходится глубоко изучать, как эти культурные различия и сходства влияют на результаты PR, а также как разработать общие подходы, учитывающие эти особенности.

В конечном итоге, в дальнейшем для PR-специалистов необходимо разработать профессиональные образовательные программы и подготовки для повышения квалификации, направленные на интеграцию конфуцианских этических норм в их профессиональные деятельности. Это столько же повысит этическую подготовленность PR-специалистов, сколько и создаст более мудрые и культурно чувствительные подходы при взаимодействии с общественностью в глобальном масштабе.

Выводы

Сравнительное исследование классической китайской конфуцианской философии и принципов современной этики связей с общественностью приводит к выводу, что конфуцианство и современные этические добродетели связей с общественностью в некоторой степени имеют сходство. Ключевые принципы конфуцианства, такие как доверие, благородство, справедливость и уважение к социальным нормам, находят свое отражение в практике общения современных организаций со своей аудиторией.

Анализ показывает, что и конфуцианская этика, и современные принципы связей с общественностью подчеркивают необходимость следования высоким этическим стандартам и ответственного поведения в обществе. В этом контексте конфуцианство может вдохновить современных специалистов по связям с общественностью на

разработку коммуникационных стратегий, способствующих устойчивым этическим отношениям между организациями и их аудиторией.

Библиография

1. Шилкина И. С. Этика и связи с общественностью: учебное пособие для студентов специальности «Психология». Москва: Московский гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ), 2010. 96 с.
2. Бостанджян Э. К., Пальчик С. С. Этика профессиональной деятельности: реклама и связи с общественностью. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2019. 104 с.
3. Fawkes J. Public Relations Ethics and Professionalism. London: Routledge, 2014. 258 p.
4. Parsons P. J. Ethic in public relations: a guide to best practice (3rd ed.). London, Philadelphia, New Deli: Kogan Page Pablishers, 2016. XVII+192 p.
5. Buday-Sántha A. Business and PR ethics – Current affairs of business ethics and communication – Professional ethics // Acta cultura et paedagogicae. Pécs: University of Pécs. 2021. Pp. 124-141.
6. Bowen S. A. A Theoretic Perspective on the Evolution of Ethics for PR Theory // Public Relations Theory III. New York: Routledge, 2023. Pp. 487-502.
7. Bowen S. A. Public Relations Ethics. The international encyclopedia of communication. Malden, MA; Blackwell Pub., 2008. Pp. 3997-4000.
8. Ni Chen, Culbertson. H. M. Public Relations in Mainland China: An Adolescent with Growing Pains // The global public relations handbook: theory, research, and practice. New York: Routledge, 2009. Pp. 23-45.
9. Harvey B. «Graceful Merchants»: A Contemporary View of Chinese Business Ethics // Journal of Business Ethics. 1999. № 20. Pp. 85-95.
10. Koehn D. What Can Eastern Philosophy Teach Us About Business Ethics? // Journal of Business Ethics. 1999. № 19. Pp. 71-79.
11. Hanafin J. Morality and the Market in China: some Contemporary Views // Business Ethics Quarterly. 2002. № 12(1). Pp. 1-18.
12. Chan A. K. K., Ip Po-Keung, Lam Kit-Chun J. Business Ethics in Greater China: An Introduction // Journal of Business Ethics. 2009. № 88 (1). Pp. 1-9.
13. Lusiana Y., Tjaturrini D., Supriadi N., Widodo H. Chopsticks philosophy: Confucianism on the work ethic of East Asian nations // International Journal of Chinese Culture and Management. 2024. Vol. 5, I. 4. Pp. 329-349.
14. Кочеткова А. А. Влияние китайской философии на формирование бизнес-этики // Вестник научных конференций. 2016. № 2-4(6). С. 62-64.
15. Хазан М. Ю., Чернова А. Ф. Сравнительный анализ базовых элементов бизнес-этики российской и китайской культур и возможности его практического применения в организации внешнеэкономической деятельности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 64-66.
16. Zhu Yunxia. Confucian Ethics Exhibited in the Discourse of Chinese Business and Marketing Communication // Journal of Business Ethics. 2009. V. 88. Pp. 517-528.
17. Ames R. T. Confucian Role Ethics: A Vocabulary. Honolulu: University of Hawaii Press, 2011. 352 p.
18. Mattice S. Confucian role ethics: Issues of naming, translation, and interpretation // The Bloomsbury Research Handbook of Early Chinese Ethics and Political Philosophy. New York: Bloomsbury Academic, 2019. Pp. 25-44.
19. Li Yuan, Chia R., Gosling J. Confucian Virtue Ethics and Ethical Leadership in Modern China // Journal of Business Ethics. 2023. V. 182. Pp. 119-133.
20. Платонов Р. С. Антропологический поворот этики добродетели: реактуализация этики

- Аристотеля во второй половине XX века // Человек. 2023. Т. 34. № 6. С. 28-47.
21. Velasquez M., Andre C., Shanks T. Ethics and Virtue // Markkula Centre for Applied Ethics, Santa Clara University. URL: <http://www.scu.edu/ethics/practicing/decision/ethicsandvirtue.html> (дата обращения: 05.08.2024).
 22. Swanton C. Virtue Ethics: A Pluralistic View. Oxford: Clarendon Press, 2003. Pp. XII+312.
 23. Working Virtue: Virtue Ethics and Contemporary Moral Problems. Ed. R. L. Walker, P. J. Ivanhoe. Oxford: Clarendon Press, 2007. 330 p.
 24. Business Ethics: A Virtue Ethics and Common Good Approach. Ed. A. J. G. Sison, I. Ferrero, G. Guitián. London: Routledge, 2018. 232 p.
 25. Robinson R. M. Business Ethics: Kant, Virtue, and the Nexus of Duty: Foundations and Case Studies. Cham: Springer, 2024. 366 p.
 26. Williams O. F., Murphy P. E. The ethics of virtue: A moral theory for marketing // Journal of Macromarketing, V. 10, I. 1. 1990. Pp. 19-29.
 27. Harrison J. Conflicts of duty and the virtues of Aristotle in public relations ethics: Continuing the conversation commenced by Monica Walle // PRism. 2004. Т. 2. №. 1. Pp. 1-7.
 28. Browning N. The Ethics of Two-Way Symmetry and the Dilemmas of Dialogic Kantianism // Journal of Media Ethics. 2015. № 30(1). Pp. 3-18.
 29. Browning N. Ethics in Public Relation. The SAGE Encyclopedia of Journalism (2nd ed.). Sage, 2022. Pp. 1353-1357.
 30. Foot Ph. Virtues and vices and other essays in moral philosophy. Berkeley: University of California Press, 1978. XIV+207 p.
 31. Hoof van S. Understanding Virtue Ethics. London: Routledge, 2006. 192 p.
 32. Осипова Е. А. Роль религиозных ценностей в укреплении статуса связей с общественностью // Российская школа связей с общественностью. 2024. Вып. 33. С. 67-84.
 33. Karimova G. S., Hoffmann N. C., Heidbrink L., Hoffmann, S. Virtue Ethics Between East and West in Consumer Research: Review, Synthesis and Directions for Future Research // Journal of Business Ethics. 2020. Т. 165. № 2. Pp. 255-275.
 34. Sison A. J. G., Ferrero I., Redín D. M. Some Virtue Ethics Implications from Aristotelian and Confucian Perspectives on Family and Business // Journal of Business Ethics. 2020. № 165. Pp. 241-254.
 35. Ван Цзюньлин. О современной ценности «пяти постоянных» // Институт исследований Конфуция. 21.02.2023. URL: <http://www.kongziyiy.org/plus/view.php?aid=4949> (дата обращения: 30.03.2024).
 36. Le Duc A. Confucian Communication Ethics in Media: A Short Introduction // SSRN. 28 Jun 2003. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4485017 4485017. (дата обращения: 30.03.2024).
 37. 说文解字/ 编著 陈亦儒. 北京:研究出版社, 2018. 435 с.
 38. 论语. 长沙:岳麓书社, 2018. 275 с.
 39. 孟子. 济南:齐鲁书社, 2009. 258 с.
 40. 谢选骏. 论语谢选骏翻新升级版:《翻新》和《论语》的对话, 2016. URL: <http://surl.li/sephz>. (дата обращения: 30.03.2024).
 41. 王春慧. 科布泽夫《大学》俄译本中文化负载词的翻译评析 // 现代语言学. 2023. № 11(4). С. 1539-1544.
 42. Чижова Г. О., Калиева О. М. Современные подходы к определению понятия PR (public relations) // Academy. 2016. №11 (14). С. 21-24.
 43. 礼记. 北京:金盾, 2010. 645 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи достаточно интересен, оригинален, нов. Работа в данном тематическом русле не так много, собственно, это и определяет новизну и актуальность исследования. Автор по ходу работы дает полновесную трактовку указанного понятия, погружается в историю вопроса, вводит должные информационные вставки. Считаю, что материал максимально объективен, тема же данного труда планомерно раскрывается. Например, «этика добродетели приобрела популярность во второй половине XX века, когда в англоязычной философии происходит «антропологический поворот». Согласно этому подходу в центр размышлений ставится некоторое нравственное качество индивида, соответствие которому и определяет этичность поступка», или «для современных специалистов по связям с общественностью конфуцианская идея «преданности» в основном означает необходимость соблюдения персоналом по связям с общественностью своих социальных обязанностей и утверждения идеи служения народу. Huawei, известная китайская компания, приняла «светлую добродетель, породнение с народом и остановку на совершенном добре» из книги «Великое учение» в качестве одной из концепций своей корпоративной культуры, подчеркивая, что компания должна быть такой, которая служит людям...» и т.д. Стиль работы соотносится с научным типом, привлекает, что автор старается аргументировать тот или иной выбор, определить точно точку зрения / взгляд. Новаторский ход в исследовании тоже мотивирован: «традиционно и вполне объяснимо исследователи видят истоки этики добродетели в учении Аристотеля, иногда «дополняя» его теологией Фомы Аквинского. Существуют единичные попытки рассмотреть этику PR в контексте христианского учения о добродетелях. На стыке интереса к этике добродетели и восточной этике бизнеса рождаются компаративные исследования конфуцианской и аристотелевой этик. Несмотря на это мы можем констатировать, что на настоящий момент возможность понимания этики связей с общественностью через призму конфуцианской этики добродетели не становилась предметом специального исследования». На мой взгляд, методологическая база оправдана, главное, что она полновесно подходит для раскрытия проблемы: «для реконструкции значений конфуцианских терминов мы использовали аналитический, синтетический и индуктивный методы обработки тематических исследований. Посредством сравнительного анализа классической конфуцианской философии и кейсов, характеризующих современную бизнес-этику, углубляется понимание различий и сходств в обеих системах ценностей, а также возможной положительной и отрицательной роли конфуцианства для связей с общественностью». Считаю, что аналитический ценз выдержан на протяжении всего сочинения, вариантов оценки верный: например, «Благородный муж думает о морали, низкий человек думает о выгоде» — это одна из важных фраз учения Конфуция. Он считал, что Ли 4 должна подчиняться И, предпочтение должно отдаваться И в ущерб Ли 4. Безудержное стремление к личной выгоде может привести к нарушению и разрушению этого порядка. Поэтому люди, стремящиеся к личной выгоде, считаются низменными. С развитием конфуцианства в последующие поколения эта мысль превратилась в острую дихотомию И и Ли 4, представляющую собой взгляд на них как на взаимоисключающие понятия. Поэтому в конфуцианской доктрине стремление к праведности или жадность к выгоде явно используются в качестве границы, которая отличает благородного мужа от негодяя». Общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке.

Выводы по работе созвучны с основной частью, цель как таковая достигнута; автор отмечает в финале, что «конфуцианство утверждает принцип «человек превыше всего», считая, что улучшение личных отношений ведет к улучшению общественно-экономических связей. Важно стремиться к гармонизации интересов и служению народу, делая «человек превыше всего» основой развития общественных отношений...». Думаю, что перспектива изучения вопроса, которая прописана «итогом» даст действенный импульс для новых изысканий: «конфуцианская этика, и современные принципы связей с общественностью подчеркивают необходимость следования высоким этическим стандартам и ответственного поведения в обществе. В этом контексте конфуцианство может вдохновить современных специалистов по связям с общественностью на разработку коммуникационных стратегий, способствующих устойчивым этическим отношениям между организациями и их аудиторией». Список источников достаточен, материал можно использовать в рамках преподавания дисциплин гуманитарного профиля, а также в режиме теории и практики регулирования бизнес технологий. Основные текстовые параметры выдержаны, информационный грейд высок. Рекомендую статью «Добродетели конфуцианской философии в современных связях с общественностью» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Л. Сравнительное исследование способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71647 EDN: HVHZTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71647

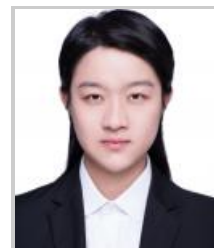
Сравнительное исследование способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках

Ян Линь

аспирант; кафедра "Общее и сравнительно-историческое языкознание"; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, Корпус Ж, 705 П

✉ yanglin9420@yandex.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71647

EDN:

HVHZTA

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2024

Аннотация: Данная статья посвящена анализу употребления и способов образования эвфемизмов в китайском и русском языках. Хотя китайский и русский языки принадлежат к разным языковым системам, в русском и китайском языках существует огромное количество эвфемизмов, которые широко используются во многих областях, в способах выражения эвфемизмов в русском и китайском языках есть сходство. Объектом исследования являются эвфемизмы в русском и китайском языках. Предметом исследования являются эвфемизмы из словарей эвфемизмов в русском и китайском языках – «Словарь эвфемизмов китайского языка» (Чжан Гунгуй, 1996), «Словарь эвфемизмов русского языка» (Сеничкина Е.П., 2008) и сравнительное исследование способов выражения этих эвфемизмов преимущественно с лингвистической и культурологической точек зрения. Методами исследования в данной статье являются описательный, метод классификации, дедуктивный, сравнительно-исторический и сопоставительный. Новизна статьи заключается в сопоставительном анализе эвфемизмов в русском и китайском языках. Сопоставительные исследования китайских и русских эвфемизмов представлены в трудах Чжан Чаня «Эвфемизация в русском и

китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты», В. А. Акбаш «Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках», а также в исследованиях эвфемизмов, связанных с коронавирусом, которые представлены в работе М. С. Беловой и Е.А. Киндлер «Структурно-семантические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (по материалам немецкоязычных статей, посвященных теме коронавируса) и Старшиновой П.П. «Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материалах англоязычных СМИ, посвященных коронавирусу)», при этом существуют перспективы сопоставления способов классификации по семантическим признакам и способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках. Было выявлено, что языковые способы образования эвфемизмов разделяются на фонетические, лексико-семантические, фразеологические.

Ключевые слова:

китайский язык, русский язык, эвфемизм, способы образования эвфемизмов, сравнительное исследование языков, фонетика, лексика, фразеологизм, семантика, язык и культура

Введение

Эвфемизм используется для замены табу и выражений, пугающих, неприятных объектов, непрестижных, неприятных, не этикетных именовании. **Актуальность** исследования обусловлена увеличением числа эвфемизмов эвфемизмов в русскоязычном и китаеязычном публицистическом и разговорном стиле на материале, в том числе, и на материалах, связанном с новой коронавирусной инфекцией. Сопоставительные исследования китайских и русских эвфемизмов представлены в трудах Чжан Чаня «Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты» [\[9\]](#), В. А. Акбаш «Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках» [\[1\]](#), а также а исследование эвфемизмов, связанных с коронавирусом, представлены в работе М. С. Беловой и Е.А. Киндлер «Структурно-семантические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (по материалам немецкоязычных статей, посвященных теме коронавируса)» [\[2\]](#) и Старшиновой П.П. «Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материалах англоязычных СМИ, посвященных коронавирусу)» [\[8\]](#), при этом существуют перспективы сопоставления способов классификации по семантическим признакам и способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках .

Цель исследования заключается в сравнении лексико-семантических классификаций, семантических особенностей и способов образования этих эвфемизмов. Для достижения цели необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) выявить и представить перевод эвфемизмов из словарей и текстов; 2) классифицировать и проанализировать способы образования этих эвфемизмов на основании семантических особенностей; 3)сравнить классификации способов этих эвфемизмов в русском и китайском языках.

Практической базой исследования стали следующие издания: Чжан Гунгуй «Словарь эвфемизмов китайского языка» (1996), Сеничкина Е.П. «Словарь эвфемизмов русского языка» (2008). **Методами** исследования являются описательный, дедуктивный,

сравнительно-исторический и сопоставительный. **Теоретическая и практическая значимость** исследования обусловлена увеличением числа эвфемизмов эвфемизмов в русскоязычном и китайском язычном материалах.

Языковые средства образования эвфемизмов предложены В. П. Москвиным: метонимическая номинация (в частности, металепсис), метафора (как правило, незамкнутая), антифразис, замена близкозвучным словом, прономинализация (замена местоимением), замена слова наименованием соответствующего родового понятия, антономазия, эллипсис, искусственная книжность, нарочито неточная речь, синекдоха (в частности, перенесение с целого на часть), мейозис, прямое обозначение предмета речи, книжные слова и выражения (в частности, термины), иноязычные слова [8]. А. М. Кацев выделяет следующие способы образования эвфемизмов: семасиологические сдвиги значений (сужение значения, метонимизация, метафоризация, семантический контраст), изменения формы слова (сокращения, словосложение, образования с послелогом, конверсия, аффиксация, контаминация, звуковое сходство) и заимствования [3]. В исследовании М. Л. Ковшовой перечислены такие способы оформления эвфемизмов, как подмена значения, создание значения неполноты признака или действия, сужение значения, расширение значения, использование заимствованной семантики и создание аббревиатуры [4, с. 48-52]. По мнению Л.П. Крысина способы образования эвфемизмов принимаются: заимствование, расширение значения слов, метонимический перенос, метафорический перенос, антифразис, использование отрицательных префиксов, аббревиатура, уподобление, длинные перифразы, намеренная двусмысленность, намеренное использование неточных названий [5, с. 28-49].

Ли Цзюньхуа на основе способов образования эвфемизмов выделяет следующие: фонетические, лексические, грамматические, стилистические [12, с. 52-83]. Шао Цзюньхан выделяет такие способы как фонетические, лексико-семантические, грамматические. При этом с позиции способов лексико-семантической классификации следует выделять следующие группы: концептуальная метафора, концептуальная метонимия, антонимы, синонимы, указательное местоимение, а с позиции грамматических способов выделяются синтаксические и морфологические способы [13, с.54-71].

1) слова с диффузной семантикой

Слова с диффузным значением заменяют табуированное слово фузионным словом. «Эвфемистическая зашифровка может быть оформлена путём замены оригинального слова словом с диффузным значением» [11, с.188]. По мнению Москвина, «эвфемистические слова можно осуществлять на основе нарочитой неясности (в этом случае эти слова полностью связаны с контекстом) [6, с.58-70]. Эти заменяющие слова в качестве эвфемизма характеризуются широкой денотацией.

Этот способ для оформления эвфемизмов можно подразделить на 3 подраздела:

(1) прономинализация, иначе говоря заменять неприятное слово местоимением.

В китайском языке 那个(это), 那谁 (вот кое-кто), 某人 (кое-кто), 那个人 (вот человек), 某某 (кое-кто), 那什么 (вот кое-что), 那玩意儿 (кое-что) и проч.

В русском языке существуют такие местоимения, как это, кое-что, кое-кто, кое-как, кое-куда и т.д.; они способны выполнять эвфемистическую зашифровку:

зайти кое-куда, ждать кое-кого, «Про это» (название поэмы В.В. Маяковского).

(2) антономазия (замена именем собственным)

Антономазия (прономинация) заключается в употреблении имени собственного в значении нарицательного в качестве средства выразительности или наоборот [\[6, с.171\]](#).

Некоторые исследователи относят антономазию (или прономинацию) к разновидностям метафоры [Москвин, 2010]. На деле антономазия — это способ с помощью соответствующих денотату особенностей и признака обозначает сам денотат.

В древности Китая нельзя прямо обозначать имя императора, следовательно слово 皇帝 (император) как эвфемизм заменяет имя императора.

В древности имя Бога «Иегова» запрещёно не только произносить, но и писать. Поэтому возникают собственные слова как Господь (от еврейского языка Адонай), Бог и проч. Иисус на самом деле является обычным именем, а Иисус Христос как имя собственное обозначает Бог христианства.

(3) эллипсис

Эллипсис в основном ещё можно выделять два вида: субстантивный эллипсис и адъективный эллипсис, но на деле в некоторых случаях можно даже пропустить всё предложение, это зависит от контекста.

大... (большой) значит 大便 — кала, 小...(маленький) значит 小便 — вм. прям. обозначения мочи, 大的... (главная) т.е. 大老婆 значит законная жена, 小的... (второстепенный) т.е. 小老婆 вм. прям. обозначения любовницы или наложницы [\[10, с.20\]](#).

Ты — вот, ты —ню, ты — молод, ты— муж... Тебя уже нет: ты был: и кунал в молод, в немую бездну лет, вы курьеру-то сунули? Как же, как же.

2) концептуальная метафора

Как известно, метафора — это троп, заставляемый в использовании слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п., т.е. метафора — это перенос названия с одного предмета на другой на основании какого-либо сходства их признаков. Сходство метафоры можно выделить на три вида:

(1) сходство в расположении двух предметов по отношению к чему-либо (хвост животного — хвост кометы, нос человека — нос корабля);

(2) сходство в оценке предметов (ясный день — ясный стиль);

(3) сходство в производимом впечатлении (черное покрывало — черные мысли).

В китайском языке 炒鱿鱼 (жарить кальмар — кальмар свернут жаром, как свернуть постель и уйти.); 写下生命的休止符 (вписать знак паузы в жизнь) означает умереть, 玉殒香消 (аромат исчез и яшма потускнела означает смерть красавицы), 偷吃禁果 (тайно вкушать запретный плод/ грехопадение)

В русском языке: Место успокоения, последнее пристанище, богова делянка, боженивка, божья нивка обозначают кладбище; елисейские поля, жилище теней — ад или загробный мир.

3) концептуальная метонимия

Метонимия — это перенос наименования с одного предмета на другой на основании их смежности.

Ещё в русском языкознании синекдоха воспринимается как и самостоятельный троп, и как разновидность метонимии [\[6, с.174\]](#).

绿帽子 (зелёная шапка означает жена обманывает мужа, теперь также употребляется в обратном случае.), 金井 (колодец золота), 一抔 или 一抔土 (пригоршня земли) вм. кладбище; 黄泉 (жёлтое озеро — одно из девяти озёр) вм. загробный мир.

Ящик, последняя квартира, деревянный макинтош, домовина означают гроб.

4) окольная манера изложения мнения

Окольная манера изложения мнения — это так называемое «говорить с выкрутасами», а не прямо обозначать денотат речи. Посредством обозначения слов наименованием соответствующего родового понятия денотата.

В древнем китайском языке фразеологизм 采薪之忧 в значении: тяготы при сборе хвороста, по-видимому кажется забота о сборе хворосте из-за нехватки деревьев, непогоды и проч., но на самом деле здесь значит забота о не умении сбора хвороста по болезни, одним словом этот фразеологизм обозначает больной; 弃朝 (отбросить императорский двор, иначе говоря правительство), 弃群臣 (отбросить министров), 弃天下 (отбросить поднебесье) здесь императорский двор, министр, поднебесье тесно связаны с императором, «отбросить» не значит император отрекается от престола, а — император скончался, подобны этому ещё 弃平居 (отбросить своё жильё), 捐宾客 (гости разошлись) обозначают смерть простого человека.

Жить у людей (вм. слуга; на самом деле, слуга не владеет своей собственной жильём, а жить у людей, у хозяина); надеть деревянный тулуп, надеть дубовый тулуп, надеть сосновый тулуп: тулуп является некой шубой, а деревянный тулуп, дубовый тулуп, сосновый тулуп в значении гроб, поэтому полное устойчивое выражение обозначает умереть; встречаться, дружить, путаться с (кем), гулять (с кем), быть с кем-ли.

5) почтительное выражение

Почтительное выражение — это способ образования эвфемизма, предназначенного для использования слов со значением уважительным, благородным или содержательных слов, для замены слов с нейтральным значением или с уничижительным значением. Это часто встречается в профессиональном названии.

Например: в древнем Китае «亲随», «随从» (сопровождающий вм. «仆人» (слуга)); «避俗» (избегающий суетного мира вм. 和尚 (монах)); иногда названия должности в сочетании с такими подобными словами как «师» (учёный), «家» (специалист) проявляется уважение к другим: 船师 (учитель по судну вм. 船工 «работник по судну»), 罟师 (учёный по рыболовной сети вм. 渔夫 (рыбалка)); в современном китайском языке: 白衣天使 (ангел в белом вм. 医护人员 (медперсонал), 阿姨 (тётя вне кровных узл вм. 保姆 (няня)).

Домашняя работница (домработница вм. прислуга), архангел (вм. полицейский), евнух (вм. скопец, оскотенный слуга при гареме. Иноязычное слово от греческого языка)

6) самоуничижительное выражение

В китайском языке широко употребляются слова с самоуничижительной окраской.

Самоуничижительное выражение проявляет вежливость, скромность, уважение и личности адресанта.

卑人 (простой человек — я), 陛下 (ступень под трон — император), 不才 (неумное — я), 不佞 (не талантливый — я), 臣 (подчиненный чиновник — я), 寡人 (одинок — самоназвание императора), 孤 (одинок), 老仆 (старая слуга — самоназвание старика), 末将 (солдат, занимающий последнее место — самоназвание геренала) и проч.

7) антонимы и антифразы

Иногда табуированное слово и соответствующие эвфемизмы взаимно являются парой антонима.

В китайском языке для благополучия иногда «долголетие» употребляется для обозначения предмета связанного с смертью и погибшим человеком: 寿材 (материал долголетнее), 寿堂 (зал долголетний), 寿衣 (долголетняя одежда); 白喜事 (белая свадьба) в значении похороны; 走水 (идёт вода) обозначает пожар, причина в том что «вода» и «огонь» взаимные антонимы, 水祥 (счастливая перспектива воды) обозначает наводнение, «счастливый — счастье» и «бедствие» как антонимы;

В современном китайском языке в больнице 太平间 (комната спокойствия) обозначает покойницкая; 卫生间 (санитарная комната) значит туалет; 享福去了 (уйти за счастьем) значит умереть.

Покойницкая («покой» и «троп», по-видимому, не совпадают, отдать душу Богу; богова делянка, боженивка, божья нивка означают кладбище, отправиться к счастью.

8) прямое обозначение табуированных слов

В некоторых случаях, эвфемистическим может служить прямое обозначение табуированных слов. Это в основном подразделяется на четыре подраздела:

(1) слова употребляются в книжном стиле, в частности термины;

в китайском языке 高危人群 (группы повышенного риска в значении: гомосексуалисты, проститутки, нищие (Люди, рискующие в первую очередь заболеть какой-либо болезнью.)).

в русском: педикулез, испражнения, человек с физическими органичностями.

(2) заимствованные иноязычные синонимы;

Замена неприятных слов синонимами, которые не вызывают неприятных ассоциаций. В этом заключается использование иноязычной лексики. Слово, которое может быть табуированным в одном языке, становится нетабуированным при заимствовании в другой язык, вместо того чтобы быть табуированным в языке оригинала. Заимствованные синонимы из иностранных языков характеризуются тем, что эти слова служат альтернативами различных понятий в разных культурных контекстах, что они не являются эвфемизмами в языке оригинала и что эти заимствованные слова были отобраны для включения в язык перевода уже в соответствии с политическими, экономическими, культурными, эстетическими и другими стандартами и нормами. Кроме того, заимствованные слова не происходят из языка перевода и не производят такого сильного впечатления на носителей языка перевода. 拜拜 (bye-bye) вм. прям. обозначения разводиться; 浪漫 (романтика), 罗曼司 (романс) вм. прям. обозначения заниматься сексом; WC (water closet) вм. туалет; ТВ (заимствован от английского языка

tuberculosis туберкулёз лёгких; Са или С (cancer) в.м. рак, эти слова заимствованы из английского языка. Ещё существует другие иноязычные слова из других иностранных языков, к примеру [\[10, с.22\]](#).

Конфликт (в.м. война, от английского conflict), аномальный (в.м. ненормальный, от греческого anomal), антисанитарный (в.м. грязный, нечистый, от английского unsanitary), агент (в.м. шпион, от латинского agent, agens — действующий).

(3) редукция степени значения слов;

Редукция степени значения слов означает изменение путём редукции степени значения слов, которые постоянно вызывают у людей неприятное чувства, это часто встречается в случае использования имён прилагательных и наречия. В этом случае прямое высказывание слов с отрицательной окраской можно образовать эвфемизмы, т.е. сам табуированные слова в какой-степени способны использоваться как эвфемизмы.

В китайском языке имя прилагательное или наречие прямо сочетаются с наречиями степени: 有点 (немножко), 稍微 (чуть-чуть)

А в русском и с помощью суффикса -оват-, -еньк- и проч и — наречия степени: не очень, немножко, чуть-чуть, еле-еле и т.д..

Плоховатый (не очень плохой, довольно плохой в.м. плохой), скучноватый, глуповатый, глупенький, слеповатый, слепенький.

(4) слова «детского языка»;

В китайском языке существует поговорка 童言无忌 означает «слова ребёнка беспорочны, не содержат зла». К детскому языку люди предпочитают относиться снисходительно. В какой-то степени этот способ включается в фонетическое средство.

咪咪 (Ми Ми) и 奶奶 (най най — молоко! молоко!) означает грудь мамы, т.е. грудь женщин, 臭臭 (дурное) означают кал.

Некоторые из этих подобных слов можно рассматриваться как звукоподражательные.

А-А – в.м. прям. обозначения мочиться (помочиться), испражняться (испражниться), кала., по большому идти пойти и т.д. — в.м. испражняться. Сикать, пи-пи – в.м. мочиться.

Заключение

Сравнив вышеупомянутые примеры в этой главе, мы можем утвердить, что с точки зрения семантики существуют нижеследующие средства: 1) слова с диффузной семантикой: (1) прономинализация, иначе говоря, замена неприятного слова местоимением, (2) антономазия (замена именем собственным), (3) эллипсис; 2) концептуальная метафора; 3) концептуальная метонимия; 4) окольная манера изложения мнения; 5) почтительное выражение; 6) самоуничижительное выражение; 7) антонимы и антифразы; 8) прямое обозначение табуированных слов: (1) слова употребляются в книжном стиле, в частности термины, (2) заимствованные иноязычные синонимы, (3) редукция степени значения слов, (4) слова «детского языка».

Библиография

1. Акбаш В. А. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках // Мир науки, культуры и образования, № 2, 2020. – С. 587-590.

2. Белова О.В. Киндлер. Е.А. Структурно-семантические особенности эвфемизмов и дисфемизмов (по материалам немецкоязычных статей, посвященных теме коронавируса) // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 118-126.
3. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Кацев. Л., 1977. – 190 с.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М.Л. Ковшова. М.: Енозис, 2007. – 320 с.
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика. – Берлин, 1994, № 1-2. – С. 28-49.
6. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В.П. Москвин // Вопр. языкозн. 2001. No 3. С. 58-70.
7. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. – 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. – 120 с.
8. Старшиновой П.П. Эвфемизмы в публицистическом дискурсе (на материалах англоязычных СМИ, посвященных коронавирусу) // День науки: сборник статей XXII студенческой научной конференции. Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021. – С. 233-236.
9. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. – 208 с.
10. 庞兆勋. 汉语委婉语构成方式研究. 新疆: 新疆师范大学, 2009. 20-34. (Пан Чжаосюнь Анализ средств образования эвфемизмов китайского языка: дис. ... канд. филол. наук / Пан Чжаосюнь. Синьцзянский педагогический университет. Синьцзян, 2009. – С. 20-34)
11. 陈望道. 修辞学发凡. 上海: 复旦大学出版社, 2012. 238页. (Чэнь Вандао Риторика Фафан. Шанхай: Фуданьский университет, 2012. – 238 с.)
12. 李军华. 汉语委婉语研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2010. 2, 4, 256页. (Ли Цзиньхуа Анализ эвфемизмов в китайском языке. Пекин: Китайская социальная наука, 2010. – 265 с.)
13. 邵军航. 委婉语研究. 上海. 2007. 140 页. (Шао Цзиньхан. Исследование эвфемизмов: дис... докт. филол. наук. Шанхай, 2007. – 140 с.)
14. 张拱贵. 汉语委婉语词典. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1996. 303 页. (Чжан Гунгуй. Словарь эвфемизмов китайского языка. Пекин: Пекинский университет языков и культуры, 1996. – 303 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сравнительное исследование способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка в нашей стране. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа эвфемизмов эвфемизмов в русскоязычном и китаеязычном публицистическом и разговорном стиле на материале, в том числе, и на материалах, связанном с новой коронавирусной инфекцией.

Так, лексика является самой быстро изменяемой частью любого живого языка, лексические изменения отражают те перемены, которые происходят в обществе, явления, предметы приходят в нашу жизнь и исчезают – все это фиксируется лексикографами в словарях. Цель исследования заключается в сравнении лексико-

семантических классификаций, семантических особенностей и способов образования этих эвфемизмов.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании и отсутствие полновесного словаря эвфемизмов китайского языка. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики.

Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами как из русскоязычных источников, так и на китайском языке с переводом на русский язык.

Практической базой исследования стали следующие издания: Чжан Гунгуй «Словарь эвфемизмов китайского языка» (1996), Сеничкина Е.П. «Словарь эвфемизмов русского языка» (2008).

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Методами исследования являются описательный, дедуктивный, сравнительно-исторический и сопоставительный.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и труды на китайском языке.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Технически в тексте допущен ряд опечаток, к пример, повтор слова:

«...обусловлена увеличением числа эвфемизмов эвфемизмов в русскоязычном и китаеязычном материалах...»

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лексикологии и лексикографии русского и китайского языков и по их сопоставлению, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сравнительное исследование способов образования эвфемизмов в русском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева М.Н., Федюрко А.А. Нейминг персонажей в компьютерно-игровом дискурсе как фактор развития транслингвальности и транскультурности в мире (на материале игры Genshin Impact) // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71758 EDN: HVUWXK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71758

Нейминг персонажей в компьютерно-игровом дискурсе как фактор развития транслингвальности и транскультурности в мире (на материале игры Genshin Impact)

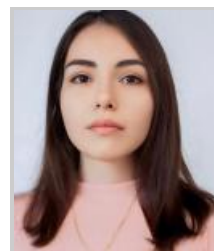
Тимофеева Марта Николаевна

ORCID: 0009-0002-6437-715X

аспирант; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2, каб. 643

✉ martimo2001@mail.ru

**Федюрко Алина Артемовна**

магистр; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2, оф. 643

✉ afedyurko@yandex.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71758

EDN:

HVUWXK

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2024

Аннотация: В данной статье исследуется влияние видеоигр на взаимопроникновение мировых языков и культур. Объектом исследования является видеоигровой дискурс. Предметом – нейминг персонажей видеоигры как элемент развития транслингвальности и транскультурности в мире. Материал исследования составляет онимика одной из популярнейших видеоигр – Genshin Impact. Автор рассматривает такие аспекты темы как

возникновение ключевых понятий исследования – транслингвальности и транскультурности, видеоигру как художественный текст, механизмы трансляции культурных ценностей и языковых особенностей глобальной аудитории через нейминг и последствия их воздействия на языковую картину мира геймеров. Целью исследования является анализ нейминга видеоигры Genshin Impact как одного из механизмов распространения транслингвальности и транскультурности, то обуславливает постановку следующих задач: 1) выявление принципов нейминга героев Genshin Impact и их классификация; 2) отбор имен персонажей Genshin Impact для иллюстрации выделенных стратегий нейминга; 3) рассмотрение влияния нейминга игры на языковые личности геймеров. В исследовании были использованы следующие методы: функциональный анализ механизмов «называния» героев видеоигры Genshin Impact, выборка имен персонажей, анализ влияния нейминга игры на языковые личности игроков. Актуальность исследования обусловлена изучением транслингвизма и транскультурности – важных, в силу изменений в структуре общества и динамики культурных процессов, явлений современности. Анализ имён персонажей в игре Genshin Impact, являющейся примером транскультурного продукта, позволит выявить, как языковые и культурные особенности нейминга влияют на восприятие игрового мира и формируют у игроков мультикультурную компетенцию. Исследование позволит раскрыть механизмы трансляции культурных ценностей и языковых особенностей через нейминг в контексте глобальной аудитории, что имеет значение для понимания процесса культурного обмена в современном мире. В ходе проведённого эксперимента нами были получены следующие результаты: 1) существует четыре стратегии номинации героев Genshin Impact: отражение внешнего вида персонажей, прецедентных феноменов, уникальных игровых механик, а также кальки; 2) имена героев отражают языковые и культурные реалии разных стран (Китая, Японии, Германии и т.д.); 3) нейминг видеоигры Genshin Impact способствует развитию транслингвальности и транскультурности игроков из разных стран.

Ключевые слова:

транслингвальность, транскультурность, и г р а , видеоигра, Genshin Impact, лингвокультура, китайский язык, игровой дискурс, прецедентное имя, прецедентный феномен

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

Введение

Термин *транскультурность* был введен в науку в 1940 году кубинским ученым Ф. Ортисом [9]. Его можно определить как «одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них» [6. С. 158]. Спустя несколько десятилетий появляется понятие *трансьязычие* или *транслингвальность* – использование всего коммуникативного репертуара говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга, где-то помогая, а где-то мешая [10].

Видеоигры могут способствовать развитию *транскультурности* и *транслингвальности*. Они часто предлагают игрокам возможность исследовать миры, вдохновленные различными культурами, что включает в себя знакомство с новыми языками, обычаями, историей,

религией и фольклором.

Научная новизна исследования заключается в отсутствии исследований о видеоиграх в контексте теории *транслингвизма*. Результаты исследования полезны как в практическом, так и в теоретическом отношении. В нем представлен вариант классификации стратегий номинации персонажей игры, применимый не только к Genshin Impact, но и к гача-играм вообще, подробно разобрана этимология некоторых имен и описан принцип их воздействия на языковую картину мира игроков.

Исследование нейминга персонажей в Genshin Impact вносит вклад в развитие теории *транслингвальности* и *транскультурности* в контексте компьютерных игр. Оно позволяет расширить понимание роли языковых и культурных элементов в формировании игрового мира и их влияния на восприятие игроками различных культур. Анализ нейминга персонажей позволит выявить механизмы трансляции культурных ценностей и языковых особенностей в глобальной аудитории, углубляя теоретические знания о взаимосвязи языка, культуры и игрового процесса.

Результаты исследования могут быть использованы в практических целях, направленных на разработку более эффективных и интересных транскультурных игр. Понимание закономерностей нейминга персонажей позволит разработчикам создавать более убедительные и привлекательные образы героев, способствуя погружению игрока в виртуальный мир и стимулированию его интереса к другим культурам. Исследование также может быть полезным для преподавателей иностранных языков и для создателей образовательных игр, позволяя им использовать нейминг в качестве инструмента для повышения мотивации к изучению языков и культур.

Обсуждение и результаты

Сфера видеоигр пользуется вниманием миллионов пользователей. Создание игровой реальности – сложный и многоступенчатый процесс, важное место в котором занимает разработка персонажей. Одной из главных задач при введении персонажа в игру является создание запоминающегося образа, состоящего из внешности персонажа, его истории, характеристик и имени.

Видеоигры в полной мере являются художественными текстами [2. С. 116], что дает нам возможность рассматривать игру Genshin Impact с лингвистической точки зрения. Видеоигра включает в себя несколько уровней: игровую механику, текстовый и аудиовизуальный контент. [4. С. 120]. Разработка персонажа – крайне сложный и затратный по времени процесс, в который входит зарисовка, создание модели, одежды, внешности, характера, движений персонажа. Эти технические задачи следуют за концептом, который определяет историю появления персонажа, его основные черты, что, вместе с сюжетом и временными рамками игры, влияет на выбор имени.

Под компьютерно-игровым дискурсом, вслед за Е.Э. Яренчук, мы понимаем совокупность текстов, с помощью которых происходит взаимодействие разработчика игры и игрока или игроков [8. С. 79]. В данном дискурсе мы рассмотрим имена собственные и их ключевую специфику в контексте видеоигр, главная функция которых состоит в межъязыковом, межкультурном взаимодействии, так как видеоигра предполагает коммуникацию между представителями различных стран, образующих команды внутри игры.

Игра давно рассматривается как способ познания [\[1, 3, 7\]](#). Видеоигра, являясь частью игры обычной, создает поле для коммуникации представителей различных культур, что само по себе способствует развитию *транскультурности* у геймеров. Нейминг персонажей

тесно связан с языком компании-производителя, благодаря чему геймеры из разных стран могут в той или иной степени изучать иностранные языки (развитие *транслингвизма*).

Genshin Impact (кит. 原神 yuán shén) – это приключенческая компьютерная игра, созданная китайской компанией «miHoYo Limited», разработка которой началась в 2017 году. В настоящее время Genshin Impact представляет собой один из самых успешных продуктов компании. Ключевыми факторами такой популярности являются визуальная составляющая и сюжет (главный герой/героиня в процессе поиска брата/сестры преодолевают различные трудности и узнают о событиях страшного бедствия, случившегося более 500 лет назад). На данный момент в игровом мире Genshin Impact насчитывается девять уникальных локаций (включая такие локации, как Разлом, Энканомия, подземный уровень карты Сумеру, подводная часть карты Фотейна), а также 79 оригинальных персонажей с тщательно продуманными внешним видом и именами.

В ходе исследования нами были проанализированы имена всех персонажей: 39 четырехзвездочных персонажа, 40 пятизвездочных персонажей. На основе данного анализа были выявлены следующие стратегии именования персонажей игры Genshin Impact:

1. Именования, отражающие внешний вид персонажей:
 - 1.1. Именования, связанные с основными цветами костюма персонажа;
 - 1.2. Именования, связанные с элементом стихии, к которой принадлежит персонаж;
2. Именования, содержащие прецедентные феномены;
3. Именования, отражающие уникальные игровые механики персонажа;
4. Именования-кальки, адаптированные имена.

Каждая стратегия, используемая разработчиками при наименовании персонажей, направлена на создание самобытного запоминающегося образа. Рассмотрим методы номинации на примерах.

1. Именования, отражающие внешний вид персонажей – один из самых распространенных способов номинации. Такая стратегия не только помогает закрепить образ персонажа в сознании игроков и сделать его более продаваемым, но и существенно облегчает восприятие игроками героя игры.

1.1 Примером персонажа, имя которого связано с основными цветами его костюма, может служить *Янь Фэй* (кит. 烟绯 yān fēi) – четырехзвездочный персонаж, представительница региона Ли Юэ. По сюжету игры Янь Фэй отводится роль юридического консультанта, она не раз появляется в заданиях легенд, является частым участником специальных событий в игре. Дословно имя переводится как “красная дымка” (перевод авторов). В наряде героини действительно преобладает красный цвет, оттенки розового, бордовый (рис. 1.1). Подобный прием, использованный разработчиками при именованиях персонажа, позволил выделить Янь Фэй среди других четырехзвездочных героев и сделать ее одним из самых узнаваемых персонажей игры.

1.2 Номинаций, связанных с одной из семи стихий (пиро, гидро, крио, электро, гео, дендро, аэмо), к которому принадлежит персонаж, в игре насчитывается меньше, чем именований, связанных с цветом костюма. Предполагается, это связано с тем, что принадлежность героя к конкретной стихии ярко проявляется в элементах наряда.

Наглядным примером героя, чье имя напрямую связано со стихией, является Синь Янь (кит. 辛焱 xīn yàn) – представительница региона Ли Юэ, рок-музыкант (рис. 1.2). Имя персонажа переводится как «острая искра» (перевод авторов). Перевод отсылает игроков к пламени – пиро-элементу, к которому принадлежит Синь Янь.



рис.1.1



рис.1.2

Источник: Социальный интернет-сервис, Источник: Социальный интернет-сервис
 фотохостинг «Pinterest». URL: фотохостинг «Pinterest».
<https://ru.pinterest.com/pin/835910380869795927/> <https://ru.pinterest.com/pin/88066490212>
 (дата обращения: 05.09.2024) (дата обращения: 05.09.2024)

Source: An image sharing and social media service 'Pinterest'. Source: An image sharing and social media service 'Pinterest'.

URL: URL:
<https://ru.pinterest.com/pin/835910380869795927/> <https://ru.pinterest.com/pin/88066490212>
 (accessed: 05.09.2024) (accessed: 05.09.2024)

Подобная стратегия, используемая разработчиками при номинации героя, является не самой выгодной. Как упоминалось выше, существует другой, более наглядный способ обозначения элемента, к которому принадлежит герой.

2. Имена, отражающие феномены разных культур, чаще всего имеют персонажи, чья роль в сюжете игры может считаться ключевой. Прототипами регионов Тейвата (вымышленного мира, в котором происходит действие игры Genshin Impact) служат страны и части света реального мира. Так, например, прототипом Монштадта послужила Германия, прототипом Инадзумы — Япония. Имена героев варьируются в зависимости от места, в котором они проживают. Например, имена жителей Инадзумы напоминают имена японцев (Яэ Мико, Камисато Аяка), а имена жителей Монштадта напоминают европейские имена (Джинн, Барбра). Прецедентные феномены, содержащие элементы культур разных стран, отмечаются в архитектуре, костюмах, названиях блюд, а также в именовании героев.

К прецедентным феноменам мы относим явления, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие обращения, к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5. С. 216]. Одной из функций прецедентных

феноменов становится разделение аудитории на «своих» и «чужих», где «своими» являются те, кто распознает отсылки и смыслы. Отдельной категорией прецедентных феноменов являются прецедентные имена [6].

Больше всего культурных отсылок содержат имена тех героев, которые проживают в регионе Ли Юэ. Это связано с тем, что прототипом данного региона послужил Китай (напомним, что компания «miHoYo Limited» также китайская).

В качестве примера героя, чье имя имеет отсылки к китайской культуре, мы приводим Нин Гуан (кит. 凝光 níng guāng) – одну из основных фигур сюжета Ли Юэ (рис. 2.1). Нин Гуан является представителем управляющей регионом группировки Цисин, успешным предпринимателем и самым богатым человеком Ли Юэ.

Ее имя переводится как «застывший свет» (перевод авторов). Героиня имеет сходство с китайской богиней Гунь Ин, которая, согласно легендам, слышит все страдания в мире. По сюжету игроки узнают, что Нин Гуан «слышит» и «видит» всё, что происходит в мире благодаря трем помощникам. Также Гуань Ин встречается в китайском романе У Чэньэня (кит. 吴承恩 wú chéng'ēn) «Путешествие на Запад» (кит. 《西游记》xī yóu jì), где помогает отчаявшимся героям найти выход из сложившейся ситуации. По сюжету игры Нин Гуан также помогает главному герою одержать победу над чудовищем в решающей битве, жертвуя Нефритовым Дворцом – самым ценным и дорогим, что у нее есть.

Прецедентным феноменом, отсылающим игроков к японской культуре, является имя персонажа Сёгун Райдэн (кит. 雷电将军 léi diàn jiāng jūn, яп. 雷電將軍 Raiden Shogun). Сёгун Райдэн (одно из имен) – электро-архонт, божество вечности (рис. 2.2). Является верховным правителем Инадзумы. Как божество, управляющее электро-элементом, Сёгун Райдэн повелевает молниями и громом. В японской мифологии мы находим бога Райджин (яп. 雷神 Raijin), который, согласно буддийской и синтоистской религии, повелевает громом.



рис.2.1



рис.2.2

Источник: Социальный интернет-сервис, фотохостинг Источник: Социальный ин
«Pinterest». URL: фотохостинг «Pinterest».
<https://ru.pinterest.com/pin/619385755032449321/> (дата обращения: 06.09.2024) <https://ru.pinterest.com/pin/729723/> (дата обращения: 06.09.2024)

Source: An image sharing and social media service Source: An image sharing and social media service
'Pinterest'. URL: 'Pinterest'.
<https://ru.pinterest.com/pin/619385755032449321/> (accessed: 06.09.2024) <https://ru.pinterest.com/pin/729723/> (accessed: 06.09.2024)

Имя Сёгун Райдэн переводится как “генерал грома” (перевод авторов). Оно прямо указывает на то, что персонаж управляет молнией, как и бог Райдзин. Кроме того, имена персонажа и бога похожи по звучанию, что дает нам право сделать вывод: электро-архонт Инадзумы является прямой отсылкой к богу Райдзин.

3. Именования, отражающие уникальные игровые механики персонажа. Для каждого персонажа игры Genshin Impact разработчики создают уникальные механики (способности), связанные с элементами игры: бой, приготовление еды, рубка деревьев, плавание под водой и т.д. В ходе анализа именований персонажей мы выяснили, что ряд имен прямо указывает именно на эти способности. Такие номинации оказались редкостью, вероятнее всего, в силу сложности подбора иероглифов, которые бы отражали навыки героя.

Имя одного из самых узнаваемых и популярных персонажей игры Genshin Impact является ярким примером того, как в номинации сочетается благозвучие и отсылка к уникальной сверхспособности. Гань Юй (кит. 甘雨 gān yǔ) – жительница Ли Юэ, секретарь павильона Лунного Моря (рис. 3.1). Героиня не раз оказывалась участницей особых событий игры Genshin Impact, часто появлялась в основном сюжете игры. Согласно статистике, которая ведется компанией «miHoYo Limited», Гань Юй является одним из самых популярных персонажей.

Имя героини можно перевести как “сладкий дождь” (перевод авторов). Во время применения своей сверхспособности Гань Юй призывает дождь, который ледяными каплями обрушивается на врагов и наносит им урон. Можно заметить, что в имени есть прямая отсылка к сверхспособности персонажа.

Подобная стратегия выбора имени для персонажа также была использована разработчиками при именовании анемо-героя Каэдэхара Кадзухи (кит. 枫原万叶 fēng yuán wàn yè, яп. 楓原万葉 Kaedehara Kazuha). Данный герой является выходцем Инадзумы, путешествующим по миру на корабле (рис. 3.2). Кадзуха не только искусный воин, но и талантливый поэт.



рис.3.1



рис.3.2

Источник: Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest». https://ru.pinterest.com/pin/54184001761012537/ (дата обращения: 07.09.2024)	Источник: Социальный интернет-сервис, «Pinterest». https://ru.pinterest.com/pin/116671446590 (дата обращения: 07.09.2024) Source: An image sharing and social media
--	---

Source: An image sharing and social media URL:
service 'Pinterest'. URL:
<https://ru.pinterest.com/pin/54184001761012537/> <https://ru.pinterest.com/pin/11667144659012537/>
(accessed: 07.09.2024) (accessed: 07.09.2024)

Фамилию героя (Каэдэхара, кит. 楓原 fēng yuán, яп. 楓原 Kaedehara) можно перевести как “долина клёна”, а имя (Кадзуха, кит. 万叶 wàn yè, яп. 万葉 Kazuha) ‘десять тысяч листьев’ (перевод авторов). При активации сверхспособности Каэдэхара Кадзуха создает вокруг поля боя ветряной поток, поглощающий силу одного из элементов. В вихре кружатся листья клёна.

Другой перевод имени героя – “мириада листьев” (перевод авторов) – отсылает к японскому поэтическому сборнику «Собрание мириады листьев» (составитель Отомо-но Якамоти) и акцентирует внимание на том, что Каэдэхара Кадзүха – поэт.

4. Именования-кальки, адаптированные имена. Мы уже упоминали, что прототипами регионов игры Genshin Impact служат страны реального мира. Для того, чтобы передать атмосферу и культуру страны, разработчики игры уделяют внимание не только названию локаций, блюд и внешнему виду героев, но и их именам.

Калькирование как способ адаптации иностранных слов является одним из самых распространенных путей обогащения лексического состава китайского языка. Разработчики компании «miHoYo Limited» также нередко прибегают именно к такой стратегии при номинации персонажей, относящихся к регионам, чьими прототипами стали такие страны, как Франция, Германия, Индия и др.

Имя персонажа Альbedo (кит. 阿贝多 ā bèi duō) служит примером использования способа калькирования при именовании героя. Альbedo – искусственно созданный человек, главный химик Мондштадта. Второе имя Альbedo – Принц мела (рис. 4.1)

Это имя является калькой латинского слова Albedo, что буквально означает "белый свет" (перевод авторов). Стадия «альбедо» является одной из частей «Великого алхимического делания» (создание философского камня). Как мы видим, латинское слово отсылает игроков сразу к нескольким аспектам, связанным с персонажем Альбедо: 1) в наряде Альбедо превалирует белый цвет; 2) будучи искусственно созданным, Альбедо не имеет истории жизни, что вызывает ассоциацию с «чистым листом»; 3) Альбедо является химиком и занят поиском эликсира, способного создать искусственную жизнь. Впоследствии герою удастся создать новую жизнь из цветка-сахарка – растения, которое распространено повсеместно на просторах Тейвата. Свое творение Альбедо назвал Сахарозой (англ. Sucrose).

Еще одним примером героя с именем-калькой может считаться Кли (кит. 可莉 kě lì) — пиро-персонаж из Мошнтадта, эльф (рис. 4.2). Ее имя является адаптацией немецкого слова Klee, что означает “клевер”.

Клевер является частью образа героини. На ее наряде можно увидеть элементы клевера, на иконке сверхспособности также изображен клевер. Созвездие (уникальная механика усиления персонажа) Кли называется "Четырехлистный клевер".

Клевер как символ удачи также имеет отношение к Кли. Она является дочерью одной из самых влиятельных ведьм Тейвата, каждый день героиня наполнен весельем и детскими забавами. Одно из увлечений Кли – взрывчатка – оказывает разрушительное влияние на все вокруг, но ни разу сама героиня не пострадала от своего увлечения.



рис.4.1



рис.4.2

Источник: Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest».

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/182677328630651792/>
(дата обращения: 07.09.2024)

Source: An image sharing and social media service 'Pinterest'.

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/182677328630651792/>
(accessed: 07.09.2024)

Источник: Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest».

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/27992693308/>
(дата обращения: 08.09.2024)

Source: An image sharing and social media service 'Pinterest'.

URL: <https://ru.pinterest.com/pin/27992693308/>
(accessed: 08.09.2024)

По последним данным ежедневная посещаемость видеоигры Genshin Impact составляет 10 миллионов игроков, месячный показатель составляет 65 миллионов игроков [11]. В пятерку стран-лидеров по количеству игроков входят Китай, Япония, США, Бразилия и Россия. Миллионы игроков разной этнической принадлежности объединены одним фантастическим миром, созданным из кусочков их культур. В сознании игроков разные национальные особенности, в частности имена, собираются в единое полотно. Такое взаимопроникновение и есть начало *транскультурности*.

Похожая ситуация и с развитием транслингвизма. Имена персонажей, являясь элементами разных языков, имеют определенное звуко-буквенное оформление и семантическую нагрузку. Первое сразу считывается и запоминается. Это расширяет привычный онимический круг игроков, органично вписывая в их языковую картину новые имена. Второе игрок может узнать из статей, видеообзоров и других дополнительных материалов по игре Genshin Impact. И хотя переводы имен будут повторяться игроками гораздо меньше, чем сами имена, они запомнятся, т.к. будут ассоциироваться с яркими образами персонажей (помним, что самая распространенная стратегия номинации персонажей – по внешнему виду). Безусловно, простое запоминание имен и их значений не может развить *транслингвизм* человека в полной мере, но оно может стать началом этого развития.

Заключение

В ходе анализа нейминга видеоигры Genshin Impact были выявлены четыре стратегии номинации героев Genshin Impact: отражение внешнего вида персонажей, прецедентных феноменов, уникальных игровых механик, а также кальки. Первая стратегия – наиболее распространенная.

Подобранные к каждой стратегии примеры показали, как имена персонажей передают языковые и культурные реалии разных стран: Китая (Янь Фэй, Нин Гуан, Гань Юй и т.д.), Японии (Райдзин, Каэдэхара Кадзуха), Германии (Кли), Древнего Рима и Средневековой Европы (Альбедо).

Ежедневно заходя в игру, принимая участие в процессе и обсуждая ее с единомышленниками, игроки хорошо запоминают имена персонажей. Особо понравившихся изучают тщательнее: механику, историю, значение имени. Таким образом происходит незаметное обогащение языковой картины мира игроков элементами иностранных языков, что способствует развитию *транслингвальности*. А если учитывать большое количество отсылок к культурной истории разных стран (прецедентные феномены), то и *транскультурности*.

Библиография

1. Витгенштейн Л. И. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ: Астрель, 2011.
2. Водоватова Т. Е., Кинчаров В. А. Видеоигра: текстовая природа, особенности семиотики // Вестник Международного института рынка. 2019. №. 2. С. 113-117.
3. Гадамер Г.-Г. Игра искусства / пер. с нем. А.В. Явецкого // Вопросы философии. 2006. № 8.
4. Кальнов Д. Д. Приемы и особенности перевода имен собственных в видеоиграх //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-2 (85). С. 120-122.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
6. Ли Я. Прецедентное имя и его коннотации // Litera. 2020. № 4. С. 30-36. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.4.32815 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_32815.html
7. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170.
8. Хейзинга Й. Человек играющий / сост., пер. и предисл. Д. Сильвестрова; комм. Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
9. Яренчук Е.Э. Понятие компьютерно-игрового дискурса // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2019. № 6. С. 74-80.
10. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / перевод Harriet de Onis, Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA, 1995.
11. Pennycook A. Global Englishes and transcultural flows London and New York: Routledge, 2007.
12. Rojas O. Genshin Impact player count – is Genshin Impact still popular? 15 jan. 2024. URL: <https://www.esports.net/news/genshin-impact-player-count/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию нейминга персонажей в компьютерно-игровом дискурсе как фактора развития транслингвальности и транскультурности в мире. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена особым интересом ученых к компьютерно-игровому дискурсу, в т.ч. благодаря тому, что «видеоигры могут способствовать развитию транскультурности и транслингвальности. Они часто

предлагают игрокам возможность исследовать миры, вдохновленные различными культурами, что включает в себя знакомство с новыми языками, обычаями, историей, религией и фольклором».

Теоретической базой данного научного исследования послужили труды российских и зарубежных учёных, таких как Ф. Ортис, Г.-Г. Гадамер, Ю. Н. Караулов, З. Г. Прошина, Й. Хёйзинг, Е.Э. Яренчук, Д. Д. Кальнов и др. Практическая часть исследования выполнена на материале компьютерной игры Genshin Impact: «проанализированы имена всех 79 оригинальных персонажей с тщательно продуманными внешним видом и именами». Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить, что «в компьютерно-игровом дискурсе главная функция имен собственных и их ключевая специфика в контексте видеоигр состоит в межкультурном, межкультурном взаимодействии, так как видеоигра предполагает коммуникацию между представителями различных стран, образующих команды внутри игры».

Методология исследования традиционна и выбрана с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный и историко-культурологический методы, метод системного анализа, интерпретативный анализ отобранного материала, благодаря которым предложен «вариант классификации стратегий номинации персонажей игры, применимый не только к Genshin Impact, но и к гача-играм вообще, подробно разобрана этимология некоторых имен и описан принцип их воздействия на языковую картину мира игроков».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру: Введение, Обсуждение и результаты, Заключение. Анализ персонажей подкрепляется их цветным изображением, что способствует более полноценному восприятию материала.

Стиль изложения соответствует требованиям научного описания: «Под компьютерно-игровым дискурсом, вслед за Е.Э. Яренчук, мы понимаем...», «К прецедентным феноменам мы относим явления...», «В данном дискурсе мы рассмотрим имена собственные и их ключевую специфику в контексте видеоигр».

Библиография статьи включает 12 источников, среди которых научные труды на русском и на английском языках. Всего три источника изданы в последние 3 года, что может поставить под сомнение актуальность выбранной темы исследования. Данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в дальнейшем автору(ам) следует использовать более актуальные источники по изучаемой проблематике.

Теоретическая значимость работы обусловлена её вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением особенностей компьютерно-игрового дискурса, а также в развитие теории транслингвальности и транскультурности в контексте компьютерных игр. Рецензируемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использовать ее результаты в вузовских курсах по лингвокультурологии, стилистике, теории дискурса, лингвистике текста, по лингвопрагматике и когнитивной лингвистике. Материал будет полезен создателям компьютерных игр: «понимание закономерностей нейминга персонажей позволит разработчикам создавать более убедительные и привлекательные образы героев, способствуя погружению игрока в виртуальный мир и стимулированию его интереса к другим культурам».

Статья имеет законченный вид, она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Коробейникова Ю.С. Художественное пространство в фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71507 EDN: HJWGIX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71507

Художественное пространство в фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны»

Коробейникова Юлия Сергеевна

ORCID: 0000-0002-3276-406X

ассистент; кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка; Оренбургский
государственный университет

460050, Россия, г. Оренбург, ул. Терешковой, 134/1

✉ yulyakorobeynikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71507

EDN:

HJW GIX

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является пространственная организация фантастической повести О.И. Сенковского "Большой выход у сатаны". Объектом исследования выступает художественное пространство в фантастической литературе. Автор подробно рассматривает особенности фантастической литературы, которые непосредственно влияют на пространственную организацию фантастического произведения. Далее были выявлены особенности художественного пространства в фантастической литературе. Особое внимание уделяется типам художественной условности (по классификации Е.Н. Ковтун), которые задают специфику художественного пространства и определяют жанр и жанровую разновидность литературного произведения. Е.Н. Ковтун рассматривает фэнтези (fantasy) как один из самостоятельных типов художественной условности наряду с рациональной (научной) фантастикой, сказочной, мифологической, сатирической и философской условностями, формирующими соответствующие жанровые формы и структуры. В процессе исследования художественного пространства были использованы описательный,

сопоставительный и аналитический методы. Подходя к вопросу о специфике пространственной организации фантастической повести О.И. Сенковского "Большой выход у сатаны", мы обратились к структурно-описательному и сопоставительному методам, которые позволили нам выявить неоднородность и неоднозначность жанра данного произведения. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается организация художественного пространства в повести О.И. Сенковского "Большой выход у сатаны". Действия повести разворачиваются в вымышленном пространстве, которое задает фантастический элемент, определяющий жанр фантастического произведения. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что наличие фантастического компонента определяет жанр и жанровую разновидность произведения; особенности фантастического жанра находят свое воплощение в повести О.И. Сенковского, оказывая влияние на сюжет и повествование произведения; структура художественного пространства в целом соотносится со структурой фантастического пространства. В организации художественного пространства большую роль играют функции художественного пространства, приемы, формирующие пространство, пространственные оппозиции, сформированные такими традиционными пространственными образами, как дом, антидом, путь, дорога и граница.

Ключевые слова:

художественное пространство, фантастика, фантастическая литература, Сенковский, фантастическая проза, русская литература, пространственный образ, функции художественного пространства, фантастический элемент, разновидности фэнтези

Повесть «Большой выход у сатаны» (1833) – одно из самых малоизученных произведений О.И. Сенковского. Как отмечают исследователи, до сих пор остается непроясненной литературная репутация писателя. О.Е. Тозыякова пишет, что О.И. Сенковского «объявили представителем торгового направления в литературе, "второстепенной" фигурой в историко-литературном процессе первой трети XIX века» [\[1\]](#). Однако в настоящее время отечественное литературоведение все чаще обращается к переосмыслению литературного наследия предыдущих эпох. Исследование творчества писателей «второго и третьего ряда» позволяет глубже проникнуть в структуру литературного процесса и определить его особенности. Это касается и отечественной фантастики как специфического способа художественного отражения действительности, при которой обыденная действительность сочетается с нереальным, сверхъестественным, но вполне возможным в перспективе. Многие вопросы, касающиеся фантастической литературы, нельзя считать окончательно решенными и бесспорными. Например, специфика художественного пространства в фантастических произведениях остается малоизученной. Этим обуславливается актуальность нашего исследования.

О.И. Сенковский – одна из центральных фигур литературного процесса в России первой половины XIX века. В свое время его произведения имели немалый успех и пользовались популярностью. Нужно отметить, что для современных исследователей особый интерес представляет категория смеха и театральность в творчестве О.И. Сенковского. Так, С.А. Дубровская пишет, что исследование творчества О.И. Сенковского позволяет проследить путь трансформации смехового слова в литературном сознании XIX века [\[2\]](#). Е.А. Тозыякова отмечает, что О.И. Сенковский создает в своих произведениях «изнаночный» мир антикультуры и антиценностей, пытаясь разрушить

признанную в 1830-е годы романтическую систему ^[1]. Среди зарубежных исследователей отметим калифорнийского ученого Л. Педротти, который в работе «Йозеф-Юлиан Сенковский: Генезис литературного чужестранца» рассматривает ранний период творчества О.И. Сенковского ^[3]. Во всех вышеназванных трудах прослеживается мысль о том, что в художественном мире писателя странным образом переплетаются разные эстетические позиции, сталкиваются противоположные литературные методы, присутствуют смеховая, сатирическая, пародийно-полемическая стихии. Например, повесть «Большой выход у сатаны» является пародией на раннюю повесть О. де Бальзака «Бал у сатаны», написанную в традициях «неистового романтизма». Отметим, что при исследовании творчества О.И. Сенковского на первый план выходят игра, парадокс, «смеховое слово», стирание грани между реальным и вымыслом. Однако пространственная организация прозы О.И. Сенковского до сих пор не исследовалась как отечественными, так и зарубежными литературоведами.

Итак, основной целью нашего исследования стало рассмотрение специфики пространственной организации фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны». Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи: рассмотрены особенности фантастической литературы; выявлена специфика организации художественного пространства в фантастической литературе и пространственной организации повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны».

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается пространственная организация фантастического в повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны».

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при изучении творчества О.И. Сенковского, рассмотрении жанровых разновидностей фантастической прозы XIX века и вопросов, связанных с пространственной организацией фантастических произведений.

О фантастике и ее особенностях

Стоит отметить, что до сих пор нет общепринятого теоретико-литературного определения фантастики. Само слово «фантастика» имеет греческое происхождение. Мы называем «фантастическим» то, что создано воображением. Следовательно, вся художественная литература «фантастична», так как в ее основе лежит воображение, художественный вымысел. Однако в более узком смысле под «фантастикой» понимают не всю художественную литературу, а лишь те произведения, в которых встречаются необычные явления, ситуации, образы и т.д.

В современной литературоведении принято различать фантастику как жанр и как прием. Фантастический жанр определяет целое литературное произведение, а прием используется в различных литературных жанрах. Разграничение жанра и приема в фантастике совпадает с чередованием фантастического элемента по степени его важности для того или иного литературного произведения. Так выделяют, во-первых, формальную (условную) фантастику (например, в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834) фантастический элемент находится на заднем плане); во-вторых, содержательную (безусловную) фантастику (например, в повести А.И. Куприна «Звезда Соломона» фантастическая идея подчиняет себе все произведение). В повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» фантастическое также определяет содержательную сторону всего произведения.

Наличие фантастического элемента в литературном произведении наделяет сюжет тремя качествами: исключительностью, наглядностью и значительностью вывода. Исключительность может быть связана, например, с фантастическим образом. Второе достижение этого образа – наглядность, так как фантастический элемент помогает построить сюжет и выявить главную идею произведения. Третье – стремление к глобальным выводам [4].

В повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» фантастическое задает:

во-первых, исключительность сюжета произведения: своеобразное описание ада в виде большой залы в недрах земли, изображение сатаны и его поручителей в комическом и сатирическом свете;

во-вторых, наглядность: изображается влияние темных сил на земную жизнь человечества;

в-третьих, значительность вывода: автор пытается донести мысль читателю о том, что причиной внес несчастий на земле становится человеческая склонность ко греху, так как *«их <...> так легко поймать на приманку сладкого греха»* [5].

Итак, повесть «Большой выход у сатаны» относится к содержательной фантастике, так как фантастическое подчиняет себе всю идею произведения. Помимо этого, фантастичность событий, образов определяет пространственную организацию повести О.И. Сенковского.

Художественное пространство в фантастической литературе

Художественное пространство представляет собой место действия литературных героев. По мнению Д.С. Лихачева, пространственная организация художественного произведения имеет определенные «географические» свойства: оно может быть реальным или воображаемым [6]. Так, события сказки происходят в нереальном мире, который отличается от обыденной действительности наличием волшебных предметов, существ, явлений и т.д. В фантастических произведениях в свою очередь действия могут разворачиваться как в нереальном, фантастическом (непохожем на обыденную действительность) пространстве, так и в реальном (привычном для читателя) пространстве. Фантастическое пространство задает наличие фантастического элемента, который неизменно присутствует в любом жанре фантастической литературы.

В формировании художественного пространства участвуют такие приемы, как предметно-вещный мир, перемещение героя, пейзаж и др. [7]. Те или иные приемы имеют главную или второстепенную роль в пространственной организации, так как отдельные авторы преследуют разные цели воздействия на читателя. Например, для приключенческой литературы характерно будет подробное описание перемещения героя, от которого напрямую зависят границы художественного пространства. В фантастических произведениях мы обнаруживаем, что использование приемов связано с конкретным жанром фантастической литературы. Так, для формирования пространственной организации произведений жанра научной фантастики авторы используют и перемещение героя (например, в повести «Ученое путешествие на Медвежий остров» (1833) О.И. Сенковского), и подробное описание предметно-вещного мира для создания достоверности (например, в научно-фантастической повести «Жидкое солнце» (1912) А.И. Куприна) и т.д. В исследуемой повести «Большой выход у сатаны» в свою очередь важную роль в пространственной организации играет перемещение адовых чертей из

ада на землю, тем самым образуется пространственная оппозиция, где в качестве своего, освоенного пространства выступает пространство ада, а в роли чужого, неосвоенного – пространство поднебесья, поверхности земли.

Среди функций художественного пространства можно выделить психологическую, раскрывающую чувства и мысли героев; характерологическую, задающую тип художественного пространства за отдельным героем; сюжетообразующую, обозначающую пространственные границы; жанрообразующую, которая определяет жанр и жанровую разновидность произведения [7].

В организации художественного пространства важную роль играют такие традиционные пространственные образы, как дом, антидом, путь, дорога, граница, которые образуют пространственные оппозиции: свое – чужое; здесь – там; освоенное – неосвоенное (опасное); прошлое – будущее; правый – левый; хорошее – дурное; и др.

Ю.М. Лотман разграничивает понятия «дороги» и «пути»: дорога определяется как тип художественного пространства, а путь как движение героя в этом пространстве [8]. Стоит отметить, что дорога становится в фантастической литературе универсальной формой пространственной организации, так как с этим образом соотносится идея пути как ориентир жизни как отдельного человека, так и всего человечества в целом.

Организация фантастического пространства соотносится с организацией художественного пространства в целом. Фантастические события происходят в вымышленном пространстве, которое напрямую не «вырастает» из обыденной реальности, а обладает специфическим внутренним строением. Специфика пространственной организации фантастической литературы определяется наличием определенной художественной условности. Е.Н. Ковтун предлагает следующее определение: условный – «не существующий на самом деле, воображаемый, допускаемый мысленно; дающий художественное изображение приемами, принятыми в данном виде искусства...» [9]. Вслед за исследователем мы под художественной условностью будем понимать *фантастический элемент в художественном произведении*. Подробнее рассмотрим классификацию типов художественной условности (вымысла) Е.Н. Ковтун, которая в дальнейшем поможет нам определить тип фантастического элемента, участвовавшего в организации художественного пространства в повести «Большой выход у сатаны».

Е.Н. Ковтун выделяет шесть типов вымысла: 1) рациональную (или научную) условность: необычайное создается силами науки и техники или неизвестными ранее законами природы; 2) *fantasy*: обличает обыденную повседневность, используя представления о потусторонних и сверхъестественных явлениях и существ; 3) мифологическую условность: предполагает наличие широкого, «космического» масштаба действия и проблематики; 4) сказочную условность: лежит в основе литературной сказки, заимствуя у фольклорной сказки образность, особую пространственно-временную организацию; 5) философскую условность: явный вымысел играет здесь второстепенную роль – присутствует искусственное создание ситуации; 6) сатирическую условность: вымысел связан с приемами и способами комического изображения реальности (гипербола, гротеск и т.п.) [10].

Итак, специфика художественного пространства в фантастической литературе определяется наличием фантастического элемента, функциями художественного пространства и формирующими его приемами, а также традиционными пространственными образами дома, антидома, пути, дороги, границы, образующими

оппозиции ряда «свое – чужое», «реальное – фантастическое» и др.

Специфика пространственной организации повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны»

О.И. Сенковский создает художественную модель ада – гротескное подобие современного писателю общества, где главенствует сатана. Именно правителя подземного мира писатель наделяет возможностью разоблачать пороки общества посредством общения со своими подчиненными, бесами и чертями. По званиям представителей свиты сатаны читатель определяет сферу деятельности адских подданных: обед-председатель мятежей и революций (предательства, убийства), первый лорд-дьявол журналистики (обман, воровство), главноуправляющий супружескими делами (измена, ложь). Парадокс повести заключается в том, что свита сатаны причиняет вред не только человечеству, но и своему подземному правителю. Повесть «Большой выход у сатаны», по словам Ю.М. Медведева, является примером литературного гротеска [5], имеет театрализованный характер. Уже в названии произведения дается установка на театральную форму: выход на сцену, площадку.

Действия повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» изображаются в пространстве подземного мира – ада, представленного в виде большой залы, по середине которой находится трон из летучих мышей. На этом троне восседает сатана, принимая чертей, каждый из которых ответственен за конкретную область человеческих пороков: например, Астарот отвечает за мятежи, революции, Бубантус ответственен за журналистику, Точкостав – за словесность, Фифи-Коко – за супружеские измены. Старательных и добросовестных помощников сатана хвалит и награждает новыми титулами, а нерадивых – наказывает. Итак, наличие фантастических ситуаций, явлений, само изображение ада указывает на то, что повествование разворачивается в фантастическом пространстве.

Основной тип вымысла (по классификации Е.Н. Ковтун) в «Большом выходе у сатаны» связан с допущением существования потустороннего мира, оказывающего непосредственное влияние на судьбы людей. Повесть О.И. Сенковского преподносит иной, сверхъестественный мир как вечно существующий, как данность, которая вторгается в обыденность. Однако важно отметить, что реальное и фантастическое в «Большом выходе у сатаны» образуют единство, выражающее многогранность мироздания. Придерживаясь романтических традиций, художественный мир повести О.И. Сенковского воплощается в пространстве воображаемого, вымышленного мира, тесно связанного с реальностью. Помимо этого, в повести мы обнаруживаем сатирическую условность, которая создает комичность всего происходящего, и философскую условность, которая позволяет автору сделать глобальный вывод о том, что человек добровольно протягивает свою руку злу. Итак, в «Большом выходе у сатаны» имеется несколько типов художественной условности, участвующих в организации фантастического пространства повести: *fantasy*, сатирическая и философская условности.

В повести О.И. Сенковского выход (действие) сатаны не ограничивается пространством ада. Универсальные пространственные образы дома, антидома, пути-дороги и границы также создают художественное пространство:

- дом как освоенное, «свое» пространство – подземное царство, ад;
- антидом как «чужое», опасное пространство, наполненное светом: «что-то такое

беспокоило его зрение: он чувствовал в глазах неприятную резь. Вдруг, посмотрев вверх, он увидел в потолке расщелину, чрез которую пробивались последние лучи заходящего на земле солнца. Он тотчас угадал причину боли глаз...» [\[5\]](#);

– потолок адского зала как граница между «чужим» и «своим», между светом и тьмой, между адом и небом, между фантастическим и реальным пространствами;

– изображается пространственный образ «путь-дорога» («дорога» равна «пути»): складывающаяся из отрезков («путь» как поручение посланника сатаны) большая путь-дорога организует всё пространство повести.

Посланники, возвращающиеся из поднебесных стран, проделывают «путь» от ада до земли и обратно, докладывая сатане о новых мятежах, последних революциях, драках, бунтах, способах «увеличить греховность» («теперь они грешат ещё по журналам и газетам: по ним лгут, крадут, убивают, плутуют, святотатствуют, по ним живут и гибнут в бесчестии» [\[5\]](#)), супружеских изменах, ссорах и проч., произошедших на всей поверхности земли. Путь-дорога повести складывается из следующих отрезков: проделанный на земле «путь» черта супружеских дел, «путь» черта мятежей и революций, «путь» первого лорд-дьявола журналистики, «путь» великого черта словесности. Таким образом, универсальный образ дороги в фантастической повести О.И. Сенковского приближен к фольклорной трактовке: во-первых, путь-дорога объединяет значение «дороги» как некоторого типа пространства и «пути» как движения героя в этом пространстве; во-вторых, дорога образует кольцевую композицию повести (посланники, произведя суматоху на огромном участке земного шара: в Париже, Германии, Италии, Англии, Ост-Индии, Америке, возвращаются с докладом в ад).

Художественное пространство в повести «Большой выход у сатаны» выполняет психологическую функцию: герои устанавливают баланс между реальным пространством и фантастическим пространством; сюжетообразующую функцию: действия героев стирают границу между реальным и фантастическим пространствами; жанрообразующую функцию: *fantasy* допускает существование потустороннего мира, тесно связанного с реальным миром.

Пространственная организация повести О.И. Сенковского не имеет характерологическую функцию, так как романтическая эстетика задает неоднозначный образ сатаны, наделяя его добрым и злым началами. Исследуя художественное пространство в повести «Большой выход у сатаны», мы обнаружили, что стихия театральной игры пронизывает все произведение. Театрализация прозы представляет собой процесс перенесения приемов и принципов драматургии в недраматический текст, интеграции сценических и несценических форм внутри прозаического пространства. Результатом данного процесса служит эффект театральности прозаического произведения. Е.А. Полякова дает следующее определение театральности: «Под театральностью в литературе понимается специфический театральный, сценический способ развертывания сюжета и изображения характеров персонажей, включающий как пространственность и визуальность, с одной стороны, так и особый ракурс восприятия действительности – с другой» [\[11\]](#).

Происходящее в подземном пространстве О.И. Сенковский описывает в подчеркнуто сниженном гротесковом варианте. Писатель так сгущает краски, что мир зла, описываемый романтиками, предстает не как таинственный и мрачный, а, скорее, как смешной. Огромный зал, где проходит демонический прием, носит открыто бутафорский характер (престол из костей, множество книг и т.д.). Сатана же вместе со свитой больше напоминают артистов, поочередно выходящих на сцену большого зала. Таким образом,

наличие игровых моментов (способов отражения мира через действие, гротеск, пародию и проч.), влияющих на восприятие повести как своеобразного представления, позволяет обозначить модель театрализованного пространства, в котором образуется тождество «мир – театр/площадка».

Подводя итоги нашему исследованию, отметим: повесть О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» относится к содержательной фантастике, где фантастический элемент подчиняет себе всю идею произведения. Фантастические события, ситуации, образы задают пространственную организацию повести О.И. Сенковского. Специфика художественного пространства в фантастической повести «Большой выход у сатаны» связана с тем, что в организации пространства участвует несколько типов художественного вымысла (*fantasy*, сатирическая и философская условности). Основным приемом формирования пространственной организации выступает перемещение героев, которое образует оппозиции ряда: «свое – чужое», «подземное – земное», «освоенное – неосвоенное». В организации художественного пространства также участвуют универсальные пространственные образы дома, антидома, пути, дороги, границы. В пространственной организации повести «Большой выход у сатаны» исключена характерологическая функция, определяющая тип пространства за определенным героем.

Помимо этого, стратегия театральной игры в творчестве О.И. Сенковского позволяет выйти на глубокий философско-мировоззренческий уровень и увидеть многогранность художественного мира писателя. В «Большом выходе у сатаны» поднимается вечная проблема добра и зла, которая своеобразно реализуется в пространственной организации повести О.И. Сенковского. Главный фантастический персонаж, как потенциальный носитель злого начала, не совершает ничего ужасного, а выступает лишь обличителем и судьей человеческих пороков.

Библиография

1. Тозыякова Е. А. О. И. Сенковский – барон Брамбеус: принципы художественного миромоделирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Томск, 2007. – 18 с.
2. Дубровская С.А. Переакцентуация смехового слова в прозе О. И. Сенковского 1830-х годов // Филология: научные исследования. 2018. № 2. С. 120-129. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.2.26205 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_26205.html
3. Pedrotti L. Jozef Julian Senkovski: The Genesis of a Literary Alien / San Francisco, 1965. – 287 с.
4. Гуревич Г. И. Беседы о научной фантастике: Кн. для учащихся / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1991. – 158 с.
5. Русская фантастическая проза XIX – начала XX века / Сост., послесл. и прим. Ю. М. Медведев; Ил. И. Н. Мельникова. М.: Правда, 1989. – 480 с.
6. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / СПб: Алетейя, 1997. – 550 с.
7. Букаты Е. М. Поэтика художественного пространства: учебное пособие / Новосибирск: Новосибирский гос. технический ун-т, 2008. – 101 с.
8. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
9. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учебное пособие. М.: Высш. шк., 2008. – 407 с.
10. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины

XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

11. Полякова Е. А. Театральность в литературе // Новый филол. вестник. 2008. № 2 (7). – С. 37-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Художественное пространство в фантастической повести с предпосылками фэнтези О.И. Сенковского "Большой выход у сатаны"» посвящена творчеству О.И. Сенковского, которое не часто становится предметом исследования литературоведов, хотя заслуживает более пристального изучения хотя бы в силу того, что произведения писателя были крайне популярны у современников, оказали влияние на литературный процесс. Между тем деятельность О.И. Сенковского как писателя, журналиста, ученого требует более глубокого и всестороннего анализа. Именно это обстоятельство обусловило актуальность данной статьи. Как и второе обстоятельство – обращение к проблеме фантастического в повести. Автор статьи глубоко погружается в теорию вопроса, последовательно представляя подходы к пониманию специфики художественного пространства, поэтики фантастического в литературе. Настолько подробно, что создается ощущение реферативности, когда теория вопроса излагается ради самой теории, а литературный материал используется лишь как приложение, иллюстрация, а не самоценный объект исследования. Собственно это утверждает и сам автор, формулируя свою задачу следующим образом: «...М.М. Бахтин главную роль отводит жанрообразующей функции, рассмотрение которой позволяет определить жанр конкретного литературного произведения. Мы в свою очередь попытаемся доказать правомерность сделанных исследователем выводов на примере анализа пространственной организации повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны»». Думается, что данное положение уже не раз доказано в том числе и самим Бахтиным, и бахтинологами. Более того, идеи Бахтина уходят как-то на второй план, так как статья представляет собой своего рода комментарий к идеям Е.Н. Ковтун, ее концепции фантастического. Стоит отметить, что в статье есть и композиционный просчет: ее теоретическая и аналитическая части почти не коррелируют друг с другом, а получились достаточно автономными. Есть много материала, который никак сказывается в последующем анализе. Неясно, зачем так подробно расписываются пространственные образы океан-море, темный лес, например. В результате статья воспринимается как проработка теории вопроса, а не творчества О. Сенковского, при этом не создающая полную картину исследовательских подходов.

В процессе чтения работы возникает и такой вопрос: почему автора статьи не устраивает традиционное жанровое определение произведения О. Сенковского – фантастическая повесть? Зачем надо расширять значение термина «фэнтези»? И какое содержание автор вкладывает в это понятие, как его понимает (хотя в статье есть комментарий, что «В ходе дальнейшего исследования мы будем использовать понятие *fantasy* (по Е.Н. Ковтун) в значении вымысла, а фэнтези – в значении жанра фантастической литературы», в ходе анализа это разграничение никак не работает)?

Есть в статье и орфографические и пунктуационные погрешности, опiski. Так, в предложении «левая часть оппозиции, чаще всего, считается» не нужно выделение запятыми, так как «чаще всего» член предложения, а не вводное слово или уточнение. В предложении «В литературе первой трети XIX века главенствующая роль отводится фэнтези, точнее, романтической предшественницы современного фэнтези», кроме

грамматической погрешности, содержится еще и спорное утверждение. Конечно же, в предложении «Художественное пространство, по мнению Ю.М. Лотман...» надо указать фамилию в родительном падеже (Ю.М. Лотман – мужчина). И так далее. Таким образом, если автор избавится от эклектичности, концептуальнее изложит теорию вопроса, вычитает статью, сосредоточится на произведении, ее можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Художественное пространство в фантастической повести с предпосылками фэнтези О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей представления художественного пространства в повести- памфлете 19 века. Отметим, что в наше время все больше исследователей обращаются к переосмыслению литературного наследия предыдущей эпохи, поэтому рецензируемая работа вносит определенный научный вклад в развитие данного направления.

Знакомясь с текстом статьи, появляется ощущение научной «недоработанности» текста автором, отсутствием авторского вклада в исследуемую проблематику.

Отметим, что структурно статья является описательной и не может рассматриваться как вносящая некую новизну в научное знание.

Автор приводит ссылки на работы других исследователей, цитирует филологов, собственно, представляя теоретические «выжимки» по данной проблематики, теряя собственное научное «Я» в данной работе.

Методология исследования может быть обозначена как описательная. Во-первых, вводная часть не содержит обращения к работам предшественников, что не позволяет определить какую научную проблему решил автор и какова новизна исследования. Также из текста неясна цель, задачи, что не позволяет сопоставить их с заключением, которое представляет автор по итогам исследования. Собственно, основная часть работы не содержит исследования. Рекомендуем обратиться к работам предшественников по данной тематике и выделить научную лакуну, которую будет восполнять данная статья. Также заключение требует усиления. Во-вторых, текст статьи слабо связан, напоминает некое «лоскутное одеяло» мыслей, цитат, авторских субъективных измышлений, не всегда подтвержденных языковыми фактами из исследуемого художественного текста. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены исключительно русскоязычные труды. Считаем, что обращение к источникам на иностранных языках, несомненно, обогатило бы работу. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Художественное

пространство в фантастической повести с предпосылками фэнтези О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после уточнения научной проблематики, структурированию и стилистическому редактированию текста, усилению заключения, которое бы отражало результаты работы, поставленные в цели и задачах вводной части.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основной целью рецензируемой статьи является «рассмотрение специфики пространственной организации фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны». Автор отмечает, что «для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: рассмотреть особенности фантастической литературы; выявить специфику организации художественного пространства в фантастической литературе и пространственной организации повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны». Таким образом, предмет исследования конкретизирован, он соотносится с одной из рубрик издания, определенная логика разверстки вопроса вполне объективна. Научная новизна данного сочинения в том, что автор «впервые рассматривает пространственную организацию фантастического в повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны», критических источников в данном русле практически нет, следовательно, работа может заинтересовать читателей. Текст дифференцирован на смысловые части, дробность вполне оправдана и правомерна. Методологическая база труда современна, актуальна, вариант генерации данных позволяет автору сформировать хороший базис для полновесно оценки «поэтики фантастического в повести О.И. Сенковского». Считаю, что цитации / отсылки к серьезным филологическим трудам даны верно: например, «художественное пространство представляет собой место действия литературных героев. По мнению Д.С. Лихачева, пространственная организация художественного произведения имеет определенные «географические» свойства: оно может быть реальным или воображаемым [6]. Так, события сказки происходят в нереальном мире, который отличается от обыденной действительности наличием волшебных предметов, существ, явлений и т.д. В фантастических произведениях в свою очередь действия могут разворачиваться как в нереальном, фантастическом (непохожем на обыденную действительность) пространстве, так и в реальном (привычном для читателя) пространстве. Фантастическое пространство задает наличие фантастического элемента, который неизменно присутствует в любом жанре фантастической литературе» и т.д. Не исключает автор статьи и выход в т.н. литературный контекст, ибо он дает возможность высветить компаративный срез: например, «так, для формирования пространственной организации произведений жанра научной фантастики авторы используют и перемещение героя (например, в повести «Ученое путешествие на Медвежий остров» (1833) О.И. Сенковского), и подробное описание предметно-вещного мира для создания достоверности (например, в научно-фантастической повести «Жидкое солнце» (1912) А.И. Куприна) и т.д.». Суждения по ходу работы наукообразны, объективны, автор старается использовать и т.н. формат промежуточных выводов, это делается для скрепы текста: «специфика художественного пространства в фантастической литературе определяется наличием фантастического элемента, функциями художественного пространства и формирующими его приемами, а также традиционными пространственными образами дома, антидома, пути, дороги, границы, образующими оппозиции ряда «свое – чужое», «реальное – фантастическое» и др.». Хочу отметить,

что в целом работы грамотна написана, но ее все же необходимо вычитать, чтобы убрать явные неточности, ошибки: например, «в современной литературоведении принято различать фантастику как жанр и как прием» и т.д. Стиль соотносится с научным типом, привлекает умелое использование терминов и понятий: «пространственная организация повести О.И. Сенковского не имеет характерологическую функцию, так как романтическая эстетика задает неоднозначный образ сатаны, наделяя его добрым и злым началами. Исследуя художественное пространство в повести «Большой выход у сатаны», мы обнаружили, что стихия театральной игры пронизывает все произведение. Театрализация прозы представляет собой процесс перенесения приемов и принципов драматургии в недраматический текст, интеграции сценических и несценических форм внутри прозаического пространства». Считаю, что выводы подводят закономерный итог исследованию. Автор отмечает, что «повесть О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» относится к содержательной фантастике, где фантастический элемент подчиняет себе всю идею произведения. Фантастические события, ситуации, образы задают пространственную организацию повести О.И. Сенковского. Специфика художественного пространства в фантастической повести «Большой выход у сатаны» связана с тем, что в организации пространства участвует несколько типов художественного вымысла (fantasy, сатирическая и философская условности)». Материал может быть практически применим при изучении литературного процесса, фрагментарно – теории литературы. Серьезных фактических нарушений не выявлено, общие требования по оформлению учтены. Рекомендую статью «Художественное пространство в фантастической повести О.И. Сенковского «Большой выход у сатаны» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Meľ'dianova A.V., Bogdanovskii G.V. Linguistic peculiarities of English civil aviation texts // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71599 EDN: GLFACX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71599

Linguistic peculiarities of English civil aviation texts / Лингвистические особенности англоязычных текстов по гражданской авиации

Мельдианова Анна Валерьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Лингвистики и переводоведения, Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)

125993, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Волоколамское Шоссе, 4

✉ meldianova_av@mail.ru**Богдановский Григорий Владимирович**магистр; институт иностранных языков; Московский авиационный институт (Национальный
исследовательский университет)

125993, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

✉ ggreee_1@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.71599

EDN:

GLFACX

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2024

Аннотация: Статья посвящена выявлению языковых особенностей текстов по гражданской авиации на английском языке. Предметом исследования являются стилистические особенности англоязычных авиационных текстов, которые достигаются посредством определенных языковых средств. Исследование проводится на материале научного и технического стилей. С точки зрения лингвистики рассматриваются стилистика, грамматика и лексика применительно к научно-технической литературе. В работе дается общая характеристика научно-технических текстов, а также научно-

технических текстов по гражданской авиации, проводится подробный анализ их грамматических особенностей, особенностей словообразования, терминологии, стилистики, возможности быстрой и эффективной передачи информации. Материалом исследования являются выдержки из доклада Национального агентства по авиационной и исследованию космического пространства "Transportation Research Board Special Report 16". В статье используются следующие методы исследования: описательный метод, применяемый для определения, интерпретации и классификации языковых средств, характерных для изучаемых авиационных текстов, метод контекстуального анализа, используемый для выявления особенностей функционирования средств различных уровней языка в текстах научной прозы. Научная новизна настоящего исследования заключается в проведенном впервые комплексном изучении стилистических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей, присущих англоязычным текстам по гражданской авиации. Нет монографических работ, посвященных данной тематике. В ходе исследования было выявлено, что для изучаемых текстов характерно наличие ярко выраженных причинно-следственных связей, а также точность, ясность, объективное отношение автора к фактам, информационная насыщенность материала. Все эти стилистические особенности достигаются посредством определенных языковых средств. Данные средства могут не иметь прямых соответствий в языке перевода, вызывать трудности при переводе специализированных текстов, и требуют специальных профессиональных навыков переводчиков. Знание и владение в совершенстве этими средствами позволит чувствовать себя конкурентоспособными на международном рынке.

Ключевые слова:

научно-технический текст, гражданская авиация, языковые средства, лексические средства, морфологические особенности, синтаксические конструкции, общетехническая лексика, термины, неличные формы, атрибутивные сочетания

Introduction

The relevance of the current scientific research is conditioned by the growing interest in the aviation industry worldwide, and, accordingly, an increase in the number and importance of scientific and technical literature in this area. Scientific and technical texts have been subject to analysis and research for a long time. Their semantic and structural characteristics have been subject to research in the works of many Russian and foreign linguists, such as N. M. Razinkina [\[1\]](#), Y. I. Retsker [\[2\]](#), G. M. Strelkovskiy [\[3\]](#), S. A. Khomenko [\[4\]](#), J. Byrne [\[5\]](#) and many others. But their use in English aviation texts is not studied to a full extent.

Grammar and vocabulary peculiarities in scientific and technical texts on aviation have not been studied enough, which further increases the importance of research in this sphere.

The aim of this scientific research is to reveal the linguistic characteristics of scientific and technical texts, namely texts related to civil aviation.

The current article provides a general description of scientific and technical texts on civil aviation, presents a detailed analysis of their linguistic features, vocabulary, terminology, stylistics, and the possibility of fast and effective information communication.

The excerpts from the report "Transportation Research Board Special Report 16" are taken as the basis for linguistic analysis.

Lexico-grammatical features of scientific style texts

The scientific style as a whole is characterized by a consistent and cohesive presentation of the material, by clear causative-consecutive connections as well as accuracy, clarity, objectiveness of the author to the facts, information richness. All these stylistic features of the scientific style are achieved by certain linguistic means (lexical and grammatical).

Lexical peculiarities of scientific prose include high frequency of general technical vocabulary, as well as terms.

Among the grammatical syntactic features inherent to a scientific and technical text it is necessary to note the complexity and diversity of syntactic structures. These structures are complicated, though rather concise.

The aspiration to convey information more fully leads to the creation of long and structurally complex sentences with several subordinate clauses and various means of connection inside. The needs of communication and interaction lead to the emergence of complex syntactic structures in the language that combine several sentences, while the structure of such complex sentences is not a simple sum of their constituent elements [\[6, p. 172\]](#).

When translating such sentences, the interpreter should be able to analyze the structure, identify compositional and subordinate relationships, and understand the role of connective words (in particular, prepositions and conjunctions) that link words or parts of a complex sentence or sentences [\[7, p. 160\]](#).

Among the characteristic morphological peculiarities of scientific and technical contexts we should mention the frequent use of phrases with non-finite verbal forms – infinitive, gerundial and participial constructions. The brevity of the presentation is achieved, for example, by using the infinitive in the certain function, which is most often translated in Russian by a definitive subordinate clause with a hint of future time.

Another grammatical morphological feature of a scientific and technical text is the widespread use of impersonal structures. Personal pronouns are relatively rare in the function of the subject in the sentence. Such texts are depersonalized and are aimed at creating an effect of objectivity by pushing the author's personality into the background. The widespread use of passive constructions also serves to this aim. Since the scientific and technical text mainly contains a description of processes or facts, the author focuses attention not on the agent, but on these processes and facts. Mainly present simple verbal tense forms are predominant in scientific prose, which helps to present the reported information as absolutely objective and timeless.

The brevity of the presentation is also achieved by a large number of attributive constructions, as they help to ensure the compactness of the information presentation. The difficulty in finding the equivalent of such phrases in the translating language is explained by the complex nature of subordinative relationships within the attributive group [\[7, c. 162\]](#).

Stylistic peculiarities of civil aviation texts

The mentioned above stylistic peculiarities of scientific prose (expressed by certain lexico-grammatical means) will be further presented more in detail on the example of civil aviation

texts.

Logical coherence

To achieve consistency and logical presentation of the material in civil aviation texts both simple sentences with introductory words and phrases (such as, *however, on the one hand, according to*); infinitive, participial and gerundial phrases; extended attributive groups and complex sentences are employed. Conjunctions indicating a subordinative connection between sentences (such as, *because, although, therefore, while, despite the fact that*) are quite common in texts on civil aviation:

*"Although minimum standards are optional, the FAA highly recommends their use and implementation as a means **to minimize** the potential for violations of federal obligations at **federally obligated airports**" [8].*

Introductory words and phrases as well as conjunctions help to link parts of the text, making it easier for the reader to perceive.

A scientific text is usually logically constructed, that is, it has a good structure with signs of transition from one part to another, being based on the principle of consistent presentation of arguments. Each sentence is logically related to the preceding one and the following one.

Logical coherence of civil aviation texts is expressed by various lexical and grammatical means both within the whole text and in a separate sentence, such as:

- pronominal substitutes, which replace other words or parts of the text:

*"While no commercial service airports were recommended as candidates by state agencies for the industry survey, eight of the non-hub primary airports included in the survey had fewer than 20,000 annual enplanements, **which** is at the small end of non-hub primary airports, because the lower limit for a primary airport is 10,000 enplanements" [8].*

"Which" in the above-mentioned sentence refers to the entire previous statement, describing the number of flights from commercial airports.

- ellipsis, which is understood as the omission of a word or phrase that can be easily restored from the context, for example:

"Contains policy and procedures for compliance with the National Environmental Policy Act (NEPA) by the FAA and implementing regulations issued by the Council on Environmental Quality (CEQ)" [8].

The subject in the sentence above is missing. It is omitted in the sentence, but can be easily understood from the context.

- substitution of a word or an entire phrase with another word, similar in meaning, as in the given below example:

"The Airport Cooperative Research Program (ACRP) serves as one of the principal means by which the airport industry can develop innovative near-term solutions to meet demands placed on it" [8].

In this case, "one" replaces the word "program" and helps to avoid unnecessary repetitions. In addition to "one", other substitution words can be used: "ones", "do", "so", "not", etc.

- connectors, including conjunctions and conjunctive words, which serve not only to connect the subordinate clause with the main one, but also indicate the type of connection (causal, determinative, conditional, etc.).

- lexical synonymy, when the same idea is conveyed in different words using synonyms that are close in meaning, as in the example below:

"During the 30-day survey period, 114 small airport managers responded to the survey for a 35 percent response rate. The respondent sample group exhibited the general demographic features and geographical characteristics of the surveyed sample group, described further in the following section" [8].

In this case, nouns *features/characteristics* are used as means of lexical synonymy.

Nominativity

This stylistic peculiarity of civil aviation texts finds its realization mainly on the lexical level. This peculiarity lies in the fact that in modern scientific-style writing a tendency has developed towards greater use of nouns and relatively less use of verbs.

The scientific aviation texts are abundant in abstract nouns. This can be explained by the fact that when considering the problem, the author first studies the general concept and only then proceeds to concretization.

Accuracy as one of the components of scientific style is manifested in the widespread use of special vocabulary and terminology, especially found in many languages and considered international (such as *airport, section, sponsor, expert, manager, function, operation, transfer, etc*). Besides, when referring to statistics, accurate figures and facts are often used:

*"Conditional, unconditional, or mixed approval of an **airport sponsor's** request under 49 USC, **section** 47125, to use or **transfer** Federally-owned land to carry out an action under 49 USC Chapter 471, Subchapter I, at a public-use airport or to support the airport's **operations**" [8].*

Impersonal manner of narration

Scientific style texts, as well as texts on civil aviation, are not characterized by subjective judgments, which are used mainly to express the author's personal point of view, such as *in my opinion, to my mind*, etc. On the contrary, this style is characterized by an impersonal manner of narration, due to the fact that the main focus is made not on the personality of the author and his opinion, but on facts, information and arguments. In this regard, impersonal sentences such as *It is known that ... It should be mentioned that ...* are often found.

In addition, it is customary to avoid using personal pronouns of the 1st and 2nd person singular. At the same time, it is possible to use personal pronouns of the 1st person in the plural.

Passive constructions are prevalent to form impersonal sentences, where the subject of the action is not important.

Nevertheless, the author sometimes needs to express his attitude to what is narrated in the text, at least in a hidden form. For example, one of these means is hedging, that is,

softening the response, avoiding a direct answer. Hedging allows the author to express his feelings, his personal attitude to what is happening, to give his assessment of the situation, to make predictions for the future, although not very openly.

According to I. Vasilyeva, in Modern English the number of such limiters indicating the degree of detachment of the author is much greater than in other languages [\[9, p. 88\]](#). D. Bieber adheres to the point of view that a person's opinion can be expressed either with the help of certain grammatical and lexical means, for example, due to structures and words rendering value judgments; or by using non-linguistic means of speech communication, such as pauses, facial expressions and gestures [\[10, p. 966-969\]](#).

Objectivity and formality in aviation texts is achieved by missing one of the following elements:

- informal words and expressions,
- contracted forms such as: *can't, mustn't, info, no*, etc.
- phrasal verbs,
- idioms,
- direct questions to the reader.

At the same time, the civil aviation texts under consideration are characterized by the use of:

- formal and, in some texts, neutral vocabulary (for example: *to analyze, to study, to research, advantages and disadvantages, pros and cons, etc.*),
- formal grammar, for example impersonal and introductory structures,
- hedging,
- modal verbs such as *can, might, must*,
- adverbs (*apparently, evidently, seemingly, etc.*),
- verbs (*seem to/ appear, etc.*).

Conciseness and Informative value

A scientific text, as a rule, has great informative value, because it is usually formed in the situations when there is time to think about and comprehend the material.

With all the information richness, the text related to the scientific and technical style, including civil aviation text, is characterized by the conciseness of the presentation of the material or compression, which is achieved due to certain syntactic constructions:

- noun phrases,
- attributive combinations,
- substitutions of subordinate clauses with participial or infinitive constructions,
- sentences with prepositions,
- appositions.

Conclusion

Summing up, it should be noted, that over time specific lexico-grammatical forms have appeared in the English language aimed at compiling with the basic principles of scientific discourse.

The detailed analysis of the stylistic features of the civil aviation texts revealed that these texts are characterized by consistent and cohesive presentation of the material with the presence of strong consecutive relations, as well as accuracy, clarity, objective attitude of the author to facts, information richness, which is expressed by various lexical, morphological and syntactical means. These means may not have direct analogues in the translating language thus causing difficulties in translating specialized texts and due to this requiring special professional skills from translators. In this regard, representatives of other countries should be especially attentive to the ways of expressing scientific style in English in order to feel quite competitive at the international market.

Библиография

1. Разинкина Н.М. Стилистика английского научного текста. М.: Едиториал УРСС, 2005.
2. Рецкер Я.И. Методика технического перевода. М.: Дрофа, 2009.
3. Стрелковский Г.М., Латышев Л.К. Научно-технический перевод: Пособие для учителей нем.яз. М.: Просвещение, 1980.
4. Хоменко С.А. Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский. Минск: BNTU, 2013.
5. Byrne J. Technical Translation Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht: Springer, 2006.
6. Bowker L. Lexicography, Terminology, and Translation: Text-based studies in honour of Ingrid Meyer. Ottawa: University of Ottawa Press, 2006.
7. Власко Н.К. Особенности научно-технического текста на грамматическом уровне в курсе преподавания английского языка в неязыковом вузе // Международный журнал экспериментального образования. 2016. №. 3-2. М.: Академия Естествознания. С. 159-161.
8. ACRP RESEARCH REPORT 16: Guidebook for Managing Small Airports. Washington, DC: The National Academic Press, 2019.
9. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // English for specific Purposes. 2001. № 20. Pp. 83-102.
10. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. Harlow: Longman Pearson Education, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию лингвистических особенностей англоязычных текстов по гражданской авиации. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена растущим интересом к авиационной отрасли во всем мире. Научно-техническая литература в этой области нередко становится предметом научного изучения. Однако, как отмечается в статье, семантические и структурные характеристики научно-технических текстов по авиации, их грамматические и лексические особенности изучены недостаточно. Отсюда вытекает цель представленного

научного исследования, а именно: «to reveal the linguistic characteristics of scientific and technical texts, namely texts related to civil aviation (выявить лингвистические особенности научно-технических текстов по гражданской авиации)».

Теоретической базой научной работы послужили труды известных российских и зарубежных лингвистов, таких как Ю. И. Рецкер, Н. М. Разинкина, С. А. Хоменко, Г. М. Стрелковский, Д. Бибер (D. Biber), Дж. Бирн (J. Byrne) и др. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить, что тексты гражданской авиации характеризуются общими признаками научного дискурса. Были выявлены лингвистические особенности таких текстов: последовательное и связное изложение материала, объективность и формальность, точность и краткость изложения, объективное отношение автора к фактам, информационная насыщенность, широкое использование безличных конструкций и др. Сделан вывод о том, что эти средства могут не иметь прямых аналогов в языке перевода, поэтому от переводчиков требуются умения анализировать структуру, выявлять композиционные и подчинительные отношения и пр.

Принципы и методы исследования традиционны и выбраны с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: метод системного анализа, абстрактно-логический метод, описательный метод с его основными компонентами (наблюдение, описание, обобщение).

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания: «The relevance of the current scientific research is conditioned by... (Актуальность текущего научного исследования обусловлена)», «The mentioned above stylistic peculiarities of scientific prose (expressed by certain lexicogrammatical means) will be further presented more in detail on the example of civil aviation texts (Указанные выше стилистические особенности научных текстов (выраженные определенными лексико-грамматическими средствами) далее будут более подробно представлены на примере текстов гражданской авиации)», «D. Bieber adheres to the point of view that ... (Д. Бибер придерживается точки зрения, что...)».

Библиография статьи включает всего 10 источников, среди которых научные труды на русском (5 научных работ) и на английском (5 источников) языках. Однако нет ни одной работы, изданной в последние 3 года, что может поставить под сомнение актуальность выбранной темы исследования. Конечно, данное замечание не является существенным и не умаляет значимости проделанной работы, но в дальнейшем автору(ам) следует опираться на более актуальные источники по изучаемой проблематике.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением особенностей современных англоязычных текстов по гражданской авиации. Рецензируемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по теории и практике перевода, по сопоставительной стилистике русского и английского языков, лексикологии английского языка, а также в переводческой практике.

Статья будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Серебрякова З.А., Чимитова И.З. Отражение характера межнациональных отношений в литературе Бурятии //

Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.68930 EDN: GNQTQV URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68930

Отражение характера межнациональных отношений в литературе Бурятии

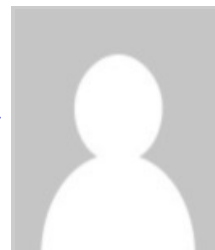
Серебрякова Зоя Александровна

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы и языкознания, Восточно-Сибирский государственный институт культуры

670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

✉ serebryakovaza@mail.ru



Чимитова Ирина Зоригтоевна

кандидат социологических наук

доцент, кафедра Кадастры и право, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

670024, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

✉ rindaol@mail.ru



[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.68930

EDN:

GNQTQV

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2023

Аннотация: Предмет исследования статьи – отражение межнациональных отношений в произведениях бурятских писателей, повествующих о разных периодах истории Бурятии (романы «Степь проснулась» Ж. Тумунова, «Поющие стрелы» А. Бальбунова, «Похищенное счастье» Д-Р. Батожабая, «Степные дороги» и «Год огненной змеи» Ц-Ж. Жимбиева, «Аларь-гол» П. Малакшинова, «Путь праведный» Б. Санжина, дилогия Ч. Цыдендамбаева о Д. Банзарове, повести «Моя Малютка-Марикан», «Тропа Самагира» и

«За ущельем Семи волков» М. Жигжитова). Цель статьи - исследование особенностей межнациональных отношений в бурятской прозе. Методология работы основана на применении комплексного, социально-исторического и сравнительно-сопоставительного подходов к анализу отображения в бурятской литературе межнациональных отношений. Результаты работы подтверждены как объемом исследуемого литературного материала, так и литературоведческим анализом, основанным на значимых трудах региональной филологии. В статье доказано, что тема межэтнического взаимодействия наиболее обстоятельно раскрывается авторами при изображении рубежа XIX–XX вв. и советского периода. Между тем, в произведениях, повествующих об эпохе Петра Первого, о событиях первой половины XIX в. также убедительно показан характер межнациональных отношений. Результаты исследования способствуют более полному пониманию истории и динамики развития межэтнических отношений в таком полиэтничном регионе, как Бурятия, и Восточная Сибирь, в целом. Результаты исследования могут быть использованы в учебных занятиях по истории бурятской и других литератур Сибири в вузах и ссузах, также при подготовке просветительских и воспитательных мероприятий. В бурятской прозе убедительно показаны типичные проявления и сущность межнациональных отношений народов Бурятии. Они характеризуются как дружеские, добрососедские, обусловленные сходством базовых ценностей и ориентировочно представителей разных национальностей, сблизившихся за долгое время бытия на общей земле.

Ключевые слова:

межэтнические отношения, буряты, русские, бурятская литература, бурятский роман, писатель, персонаж, история, Бурятия, Россия

К особенностям крупных эпических форм относятся широта охвата реальности, основательность обрисовки персонажей в разных обстоятельствах, полнота и многообразие отображения их взаимоотношений, включая характер отношений между представителями разных народов. Бурятия издавна развивается как территория интенсивного межэтнического взаимодействия, и вполне закономерно, что в бурятской повести и романе воспроизводится как сущность межэтнических отношений, так и их типичные проявления на разных этапах развития истории региона.

Ярким примером разработки этой темы являются три повести М. Жигжитова, «Моя Малютка-Марикан» (1967), «Тропа Самагира» (1969) и «За ущельем Семи волков» (1970), время действия которых охватывает в основном первые десятилетия советского периода.

Писатель создал яркие и выразительные образы отважных и выносливых таежников: первого директора Баргузинского заповедника чеха Зенона Сватоша, посвятившего жизнь делу сохранения природных богатств Подлеморья, чья целеустремленность, энтузиазм и человечность стали примером для его соратников, стражников заповедника бурята Бимбы, русских Виктора и Василия, эвенка Бойчена и других. Масштаб личности Сватоша, сила его характера, самоотверженность так повлияли на матерого браконьера Петрована Молчанова по прозвищу Хабель, что тот стал верным помощником Сватоша.

Одним из главных героев всех этих произведений является эвенк Остяк, много размышляющий об истории и судьбе своего народа. Открытый и отзывчивый, он находит общий язык с таежниками разных национальностей, у него есть друзья по всей

Баргузинской долине. Общение с ними помогает ему, выросшему в одиночестве, найти свое место в новой реальности.

Образы представителей разных народов, населяющих север Бурятии, благодаря которым его богатства приносят пользу обществу, отличаются психологической глубиной, достоверностью и художественной убедительностью. Как правильно отмечал Э. А. Бальбуров, М. Жигжитов «не над героями, а среди них, а лучше, внутри них» [\[1, с. 85\]](#).

Тема межэтнического взаимодействия интересовала классиков бурятской литературы, авторов широко известных и популярных исторических романов. Уже в первом национальном романе «Степь проснулась» (1949), посвященным событиям начала XX в. в Забайкалье, Ж. Тумунов показывает взаимное влияние народов, тесное переплетение судеб персонажей, называющих друг друга бурятским словом «тала» (друг). Русский охотник Петров спас замерзающую в степи мать с новорожденным Дылгером, главным героем романа. Мальчики Пунсок и Иван, пасшие чужой скот, подружились, а затем снова встретились в партизанском отряде. Пунсок говорит: «Мы давно живем с русским народом дружно, друг другу помогая» [\[2, с. 319\]](#).

Глубоко и всесторонне раскрываются добрососедские отношения бурят и русских в романе Ч. Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара» (1952) на примере дружбы главного героя, маленького Доржи, с Сашей, сыном русского кузнеца Степана Тимофеевича, поселившегося в родном улусе Доржи Ичетуе. Отношения между мальчиками завязываются естественно, в совместных играх, процессе обучения грамоте, благодаря взаимному интересу к образу жизни другого народа, и каждый день приносит им что-нибудь новое. Дети наблюдают взаимопомощь, дружелюбие и доверие ичетуйцев и семьи Степана Тимофеевича, и это воспринимается ими как должное.

Бедняк Эрдэмтэ, которого выручил Степан, думает: «Как отблагодарить Степана Тимофеевича? Пусть его сыновья и внуки в своей долгой жизни не будут знать ни в чем нужды. Пусть всегда у соседа Степана в очаге будут огонь, в мешке мука, в доме счастье» [\[3, с. 253\]](#). Когда Степана попыталась выжить из улуса местная верхушка, ичетуйцы не оставили его в беде: «Каждая юрта открылась для семьи Степана Тимофеевича. Соседи помогли перебраться, поставили ему юрту...» [\[3, с. 303\]](#).

Жители Ичетуя высоко ценят поступок кяхтинского фельдшера Марии Николаевны Орловой, удочерившей больную сироту Сэсэгхэн и поддерживающей связей с земляками приемной дочери.

Следующий важный этап становления главного героя связан с учебой в войсковой школе в Кяхте, где он снова встречается с Марией Николаевной и подросшей Сэсэгхэн. Его лучшим другом становится товарищ по учебе Алеша Аносов, который привел его в библиотеку, познакомил с автором знаменитой песни о Байкале Дмитрием Давыдовым и его друзьями. Особенно большое влияние оказал на Доржи и его соучеников молодой прогрессивный учитель Владимир Яковлевич Светлов. От него будущий ученый впервые услышал о Казанском университете.

Одной из новаторских черт второго романа о Банзарове, «Вдали от родных степей», вышедшего отдельной книгой в 1962 г., является его пространство. Практически все события произведения происходят очень далеко от родных мест главного героя, в Казани I половины XIX в. и некоторых ее окрестностях. В роли основных персонажей, не говоря уже о второстепенных, выступают жители этого крупного, развитого для описываемого времени региона страны, представители самых разных слоев российского

общества и разных народов, с которыми учеба, научная работа и жизненные обстоятельства связывают молодого востоковеда, соискателя ученой степени Казанского университета Доржи Банзарова.

Для открытого, коммуникабельного, любознательного, дружившего с детства с русскими мальчиками, проучившегося несколько лет в казанской гимназии юноши, упорно работающего над диссертацией, общение с товарищами – и радость, и отдых, и помощь в научных поисках. Он активно участвует в университетской жизни, интересуется новыми веяниями в студенческой среде, изучает жизнь Казани. В круг его знакомых входит молодой Лев Толстой.

Однако наиболее значимым является его общение с крупными учеными, повлиявшими на его профессиональное становление, прежде всего с ректором Казанского университета великим математиком Н. И. Лобачевским. Этот образ получился наиболее емким и убедительным из всего разнообразного окружения центрального героя. Беседы с Лобачевским, его речь на защите диссертаций, посвященная миссии ученого и проблемам науки, отличаются глубиной и содержательностью.

Лобачевский показан как вдумчивый ученый, гражданин, проницательный, интеллигентный, демократичный человек, воспринимающий людей без какого-либо высокомерия, заботливый старший товарищ научной молодежи, который находит время для чтения работ диссертантов, личного знакомства с ними. Благодаря стараниям ректора состоялась поездка в Забайкалье известного востоковеда, нынешнего научного руководителя Доржи О. М. Ковалевского, следствием которой стала публикация в «Казанских ведомостях» его статей «Поездка из Иркутска в Ургу», «О забайкальских бурятах» и других.

Романист передает теплоту отношения ректора к Доржи: Лобачевский как-то особенно надеется на него. При помощи Николая Ивановича была выбрана оптимальная в тогдашней ситуации тема диссертации Банзарова. Восприятие главного героя точно передает сущность характера выдающегося ученого: ощущая на себе его ласковый и требовательный взгляд, Доржи чувствует «будто Николай Иванович заглянул внутрь, сразу все там увидел и понял» [\[4, с. 91\]](#).

Следует согласиться с мнением В. Б. Махатова, который оценил посвященные образу Лобачевского страницы как лучшие в романе [\[5, с. 34\]](#).

Очевидно, что тема взаимодействия представителей разных народов в многопланово и обстоятельно раскрывается в романах Ч. Цыдендамбаева о Д. Банзарове. Как писал В. Ц. Найдаков, «они занимают достойное место среди историко-биографических произведений о лучших представителях народов нашей, некогда единой, великой, многонациональной страны» [\[6, с. 125\]](#).

Благодаря заложенным классиками бурятской литературы основаниям ее неотъемлемым качеством, одной из важнейших традиций стало «изображение бурят не в имманентном, национально замкнутом кругу, а в постоянном и дружеском общении с представителями других народов, чаще всего с русскими людьми» [\[7, с. 8\]](#).

Поскольку содержание романа Б. Санжина «Путь праведный» (1963) о походе хори-бурят к Петру Первому связано с важнейшим историческим моментом: выбором путей развития бурятского народа, большое место в нем занимают проблемы отношений бурят с Россией и сопредельными землями. Они художественно исследуются как на уровне вопросов

государственного значения и большой политики, так и при описании повседневного бытия.

Главные положительные герои, Туракай, Бадан и их сторонники, проводят политику укрепления союза с Россией, принимают касающиеся судеб соплеменников решения, осуществляют их. Закономерно активное включение в повествование образов реальных исторических деятелей. Например, Рагузинский извещает русскую императрицу о верной службе представителей бурятского народа на границах империи, об их храбрости и усердии. Головин и Билибин предстают как мудрые и справедливые вельможи, пользующимися высоким авторитетом среди коренных сибиряков.

Наряду с этим общение с представителями русского народа выступает важной частью повседневной жизни персонажей-бурят. Так, на протяжении длительного времени прослеживаются зарождение и укрепление отношений между Баданом и русским казаком Василием Булавиным, ставшими близкими и надежными друзьями, не раз выручавшими друг друга в трудных обстоятельствах. Василия, Михайлу, Семена и других русских связывают доброжелательные отношения с соседями-бурятами. Конечно, и среди русских, и среди бурят есть разные люди, и суть персонажей проявляются в их общении с представителями иных национальностей, но основная идея романа состоит в утверждении необходимости мирных отношений и взаимного уважения народов и людей, которая отвечает интересам подавляющего большинства любого народа.

Идеи, воплощенные Б. Санжиным в его романе, близки к оценке В. Митыпова, выраженной в его литературно-историческом эссе «Петр Первый и Бурятия» (2007), об обоюдной заинтересованности руководства Российской империи и представителей хоринцев в принятии бурятами подданства России [\[8, с. 100–101\]](#).

Ряд романских коллизий связан с описанием пребывания русского человека или русской семьи в бурятском поселении. Пример первой из них – в романе А. Бальбунова «Поющие стрелы» (1963), в котором воссоздается жизнь бурятского улуса Хасанга, куда приезжает на поселение русский врач Савелий Кузнецов. На основе опыта непосредственного общения с хасангинцами, благодаря знакомству с историей и образом жизни бурят он высказывает суждение о том, что они – «отменно скромные люди, необычно восприимчивые, легко и прочно усваивают очень сложные вещи, но никогда ничему не поверят на слово» [\[9, с. 153\]](#). Он выражает также восхищение силой духа этого маленького народа [\[9, с. 181\]](#). Эпизодический персонаж, словоохотливая русская торговка, характеризует бурят как хороший, мирный народ.

Ситуация, когда русская семья живет в бурятском улусе начала Великой Отечественной войны, отражается в романе Ц-Ж. Жимбиева «Год огненной змеи» (1972). Повествование ведется от лица пятнадцатилетнего Батожаба, ставшего с началом войны ночным табунщиком. Жители улуса всегда по-доброму относятся к единственной русской семье Тюриковых. Сын Тюриковых Алексей хороршо говорит по-бурятски, вместе с неразлучными друзьями Сандаком и Гунгой он лихо объезжает коней, легко и ловко работает, отплясывает ехор. Вместе они уходят на фронт.

Состав персонажей большинства романов о современности чаще всего полиэтничен. Ближайшей подругой одной главных героинь романа Ц-Ж. Жимбиева «Степные дороги» (1967) чабанки Оюны является шофер передвижной технической мастерской Роза Кузнецова. Ее отец Сергей Петрович был пионером механизации агинских степей. Семью Кузнецовых полюбили за простоту, трудолюбие, отзывчивость. Роза дружит с комсоргом с Булатом, чабаном-механизатором Дугаржабом. Близко к сердцу принимает дела

колхоза практикант-зоотехник калмык Санджи Бумбеев. Приезжая учительница Лидия Демидова, вышедшая замуж за местного и ставшая парторгом колхоза, – одна из самых авторитетных и популярных личностей. Не случайно люди запросто приходят в ее дом со своими заботами. Среди тех, кто приезжает на чабанскую стоянку, больше всех ждут Лидию Васильевну: «С ней, как с матерью. О чем только не спрашивают ее чабаны!» [\[10, с. 306\]](#).

Автор показывает, что персонажи-представители разных национальностей объединены общим делом, сходными жизненными принципами и основополагающими ценностями, они хорошо понимают друг друга.

В трилогии Д.-Р. Батожабая «Похищенное счастье» (1965) развернута широкая панорама бытия нескольких стран Азии и Европы в условиях конца XIX-начала XX вв., выведены колоритные образы представителей населяющих их народов. При этом писателю в основном удалось вплести судьбы героев, забайкальских бурят, в контекст событий мирового масштаба, передать драматизм эпохи.

Среди огромного множества предметов авторского интереса – отношения между персонажами, носителями разных культурных традиций. Показано, что в любой бурятской и монгольской юрте путник всегда был желанным гостем. Главный герой Аламжи, следуя этому обычаю и верный своей искренней и честной натуре, спас замерзающего в степи человека, радушно принял его, убедился в общности их интересов, а позже получал от него весточки, предложения помощи. То, что спасенный оказался бежавшим с каторги противником режима, осложнило жизнь Аламжи и его семьи, но не изменило их поведения.

Нарушив планы своего отца женить Аламжи на дочери богача, юноша и его любимая Жалма вынуждены были покинуть родной улус. Они нашли приют в тунгусском стойбище, легко сдружились с его простодушными и бескорыстными обитателями.

В долгих скитаниях по просторам Монголии и Китая Аламжи встречается с разными людьми, и многие из них, в том числе конюх-монгол, сотрудники русского консульства в Монголии и другие, помогают ему, и сам он не остается равнодушным к окружающим. Так, ему удалось дважды спасти отважного Ван Тумэра.

Сыну Аламжи, Буладу, заменила мать и семью русская революционерка Татьяна Искова. Булад испытывает глубокую благодарность к ней, называет ее мамой, а Татьяна Львовна не мыслит жизни без Булада.

Один из ярких образов эпопеи – Галсан, покалеченный нойоном, преследуемый недругами, но спасенный женой политкаторжанина и лесником Клименко. Тяжелые испытания закалили юношу, он стал выразителем интересов людей труда, соратником Клименко и его друзей.

Органичной составляющей картины мира в романе «Аларь-гол» (1979) П. Малаксинова являются межэтнические отношения в одном из улусов запада Бурятии. Достоверностью отличается образ пожилой Барбаари, матери троих сыновей, находящихся на тыловых работах, для которой привычно появление путников в ее расположенном на окраине жилище. Принимая их, она вспоминает о своих детях. Помогает Барбаари и учителю Большакову.

Точной характеристикой поведения этой героини и ее соседей по улусу является высказывание представителя русского народа: «Буряты вообще народ великодушный,

они всегда приветят тех, кто придет к ним с открытой душой...» [\[11, с. 578\]](#).

Таким образом, литература Бурятии всесторонне и глубоко воспроизводит характер многовекового взаимодействия народов республики, прежде всего русского и бурятского. В повестях и романах отражены разные этапы их истории Бурятии, убедительно показано, что в их отношениях доминировали добрососедство, взаимопомощь, сотрудничество, дружба. Это обусловлено взаимной толерантностью народов и их конкретных представителей, близостью черт образа жизни, общностью общечеловеческих по сути ценностей, смыслов и ориентиров, ощущением общей для всех родной земли.

Библиография

1. Бальбуров Э. А. Новаторство времени // Байкал. 1971. № 4. С. 80–88.
2. Тумунов Ж. Т. Степь проснулась / авториз. пер. с бурят. А. Митрофанова и С. Родова. Улан-Удэ: Бурят кн. изд-во, 1972. 366 с.
3. Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара / авториз. пер. с бурят. Мих. Степанова. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1969. 421 с.
4. Цыдендамбаев Ч. Вдали от родных степей / пер. с бурят. М. Н. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 394 с.
5. Махатов В. Б. Проблемы социалистического реализма в бурятской литературе. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 103 с.
6. Найдаков В. Ц. Образ Доржи Банзарова в диалогии Ч. Цыдендамбаева // Банзаровские чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. С. 118–125.
7. История бурятской литературы. Т. III. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.
8. Имixelова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 216 с.
9. Бальбуров А. А. Поющие стрелы. М.: Сов. Россия, 1962. 336 с.
10. Жимбиев Ц-Ж. Степные дороги / пер. А. Китайника // Жимбиев Ц-Ж. Год огненной змеи. Романы. М.: Известия, 1980. С. 189–439.
11. Малаксинов П. Аларь-гол // Антология бурятского романа: В 10-ти т. Т.7. Улан-Удэ: Изд-во Респ. типогр., 2008. С. 453–664.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Отражение характера межнациональных отношений в литературе Бурятии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей нации в национальной литературе одного из народов, населяющий Российскую Федерацию.

Практическим материалом для проведения исследования явились три повести М. Жигжитова, «Моя Малютка-Марикан» (1967), «Тропа Самагира» (1969) и «За ущельем Семи волков» (1970), время действия которых охватывает в основном первые десятилетия советского периода.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология

исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам по смежной тематике, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Отражение характера межнациональных отношений в литературе Бурятии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фан Ц. Китайская современная научно-фантастическая литература: перевод и принятие в России // Litera. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.68749 EDN: HFQBJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68749

Китайская современная научно-фантастическая литература: перевод и принятие в России

Фан Цзялинь

кандидат культурологии

аспирант, кафедра русской литературы, Хэйлунцзянский университет

150006, Китай, г. Цилинь, ул. Туаньцзе, Парк Лицзин

✉ fangjialinsofia@163.com

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.9.68749

EDN:

HFQBJW

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2023

Аннотация: Предмет исследования охватывает процесс перевода и распространения китайской научно-фантастической литературы на российском книжном рынке. Основное внимание сосредоточено на особенностях культурного и литературного взаимодействия между Россией и Китаем. Исследование анализирует методы и стратегии, используемые в процессе перевода, исследует их эффективность и выявляет потенциальные проблемы. Также рассматриваются культурные нюансы, которые играют ключевую роль в восприятии и адаптации китайской фантастики российскими читателями. Через количественный анализ переводов и рецензий статья стремится понять, как менялось отношение к китайской научно-фантастической литературе в России с начала XX века и до наших дней. Основными выводами проведенного исследования являются выявление устойчивого роста популярности китайской научно-фантастической литературы в России, а также акцентирование особенностей и сложностей, связанных с процессом перевода и продвижения данных произведений с учетом культурных нюансов. Особым вкладом автора в исследование темы является глубокий анализ и систематизация методик перевода, применяемых для сохранения культурно-специфических особенностей

исходного текста, а также оценка их влияния на восприятие российской аудиторией. Новизна исследования заключается в многогранном анализе взаимодействия китайских и российских литературных традиций, рассмотрении эволюции восприятия китайской фантастики с начала XX века до настоящего времени, и выявлении ключевых факторов, определяющих успешное продвижение китайской научно-фантастической литературы на российском рынке.

Ключевые слова:

научно-фантастическая литература, Китай, Россия, перевод, принятие, мировая культура, дистрибуция, литературные исследования, межкультурные коммуникации, стратегии перевода

1. Введение

В 1904 году в журнале «Роман Сюсян» (《绣像小说》) началась публикация первого полноценного китайского научно-фантастического романа «Лунная колония» (《月球殖民地小说》), написанного автором под псевдонимом «Хуанцзяндяосоу» (荒江钓叟). Несмотря на более чем вековую историю китайской научной фантастики, лишь немногие её произведения стали известны за пределами Китая. Как отмечал писатель Фэй Дэн: «Китайская научная фантастика – это одинокий воин, скрывающийся в непроходимой пустыне, куда редко кто заглядывает.»^[15, с.5] Для многих западных читателей китайская научная фантастика – это словно «невидимая планета».

За последние 7-8 лет произошли кардинальные изменения. Книга «Задача трёх тел», написанная Лю Цзысинем и переведенная Лю Юйкунем, штурмует мировые рейтинги, выдвигая китайскую научную фантастику на передовые рубежи мировой литературы. «Задача трёх тел» вмиг стала бестселлером в США. Даже "The Wall Street Journal" назвал её «нашествием китайской научной фантастики». С 2015 года произведения Лю Цзысина, а также других китайских писателей, завоевали любовь российской аудитории.

Исходя из этого, актуально провести глубокий анализ процесса проникновения современной китайской научной фантастики на российский рынок: изучить хронику переводов, оценить современное положение дел в сфере перевода и детально проанализировать стратегии, трудности и пути их решения при продвижении китайской литературы на мировой литературной сцене. Уверены, что анализ станет ценным источником для будущих исследований в этом направлении.

Таблица 1. Обзор публикаций современной китайской научно-фантастической литературы на русском языке.

Произведение	Автор	Переводчик	Год	Формат	Издательство
Забота о Боге (《赡养上帝》)	Лю Цысинь	Илья Суханов	2015	Журнал	
Посланник (《信使》)	Лю Цысинь	Неизвестно	2015	Сборник	
Пожиратель (《吞噬者》)	Лю	madman	2015	Сборник	

	Цысинь	sonate10			
Улица призраков (《百鬼夜行街》)	Ся Цзя	Илья Суханов	2016	Сборник	
Задача трёх тел (《三体》)	Лю Цысинь	Ольга Глушкова	2017	Роман	Эксмо
Тёмный лес (《三体2: 黑暗森林》)	Лю Цысинь	Дмитрий Накамура	2018	Роман	Эксмо
Вечная жизнь смерти (《三体3: 死神永生》)	Лю Цысинь	Ольга Глушкова Дмитрий Накамура	2018	Роман	Эксмо
Воспоминания о прошлом Земли (《地球往事三部曲》)	Лю Цысинь	Ольга Глушкова Дмитрий Накамура	2019	Роман	Эксмо
Шаровая молния (《球状闪电》)	Лю Цысинь	Сергей Саксин	2019	Роман	Эксмо
Эпоха сверхновой (《超新星纪元》)	Лю Цысинь	Сергей Саксин	2020	Роман	Эксмо
Мусорный прибой (《荒潮》)	Чэнь Цюфань	Михаил Новыш	2020	Роман	Эксмо
Возрождение времени (《三体x·观想之宙》)	Бао Шу	Ольга Глушкова	2020	Роман	Эксмо
Сломанные звёзды (《碎星星》)	Лю Цысинь Ся Цзя и др.	Михаил Головкин Дмитрий Накамура Ольга Глушкова	2020	Сборник	Эксмо
Невидимые планеты (《看不见的星球》)	Лю Цысинь Чэнь Цюфань и др.	Михаил Головкин	2021	Сборник	Эксмо
Блуждающая Земля (《流浪地球》)	Лю Цысинь	Назира Ибрагимова	2021	Сборник	Эксмо

2.1 Переводы романистических произведений

В 2016 году Ольга Глушкова под псевдонимом Ольга Браатхен сделала неофициальный перевод романа Лю Цысиня «Задача трёх тел». В 2017 году издательство Эксмо, занимающее пятое место в рейтинге крупнейших издательств России, выпустило

официальное издание этого перевода тиражом в 5,000 экземпляров, которое впоследствии было увеличено на 17,000 (2017 год - 2000; 2018 - 2000; 2019 - 3000; 2020 - 5000; 2022 - 5000). Эти данные свидетельствуют о возрастающем интересе к современной китайской научной фантастике в России. «Задача трёх тел», будучи первым произведением трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» Лю Цысиня, пользовалась большим успехом в России. Этот факт побудил издательство Эксмо выпустить в 2018 году продолжение - «Тёмный лес», переведенный Накамурой.

Также в 2018 году завершился перевод финальной книги трилогии «Вечная жизнь смерти», выполненный в сотрудничестве Глушковой и Накамуры. Как подметила Глушкова: «Начато в 2014, завершено в 2017. Для всех нас это было долгим и трудным путешествием.»^[12, с. 8] В этом же году книга была опубликована издательством Эксмо тиражом в 15,000 экземпляров.

В 2019 году Эксмо выпустило трилогию «Воспоминания о прошлом Земли» общим тиражом 9,000 экземпляров. В том же году издательство выпустило роман «Шаровая молния», переведенный Сергеем Саксиным, тиражом в 10,000 экземпляров. В 2020 году Саксин перевел другой роман Лю Цысиня - «Эпоха сверхновой», который был опубликован тиражом в 6,000 экземпляров.

Помимо работ Лю Цысиня, издательство Эксмо обратило внимание на более широкий рынок китайской научной фантастики и в 2021 году выпустило романы «Мусорный прибой» Чэнь Цюфаня, переведенный Михаилом Новышем, и «Возрождение времени» Бао Шу, переведенный Глушковой. Однако эти произведения не смогли достичь популярности «Задача трёх тел», и их общий тираж составил соответственно 2,500 и 3,000 экземпляров.

2.2 Сборники и переводы коротких произведений

Помимо романов, на российском рынке представлены три антологии коротких произведений китайской научной фантастики. Китайские сборники «Сломанные звёзды» и «Невидимые планеты», под редакцией Лю Юкуня, представляют разнообразие современной китайской фантастики российским читателям. В них знакомятся с произведениями таких авторов, как Ся Цзя, Хао Цзинфан, Чэн Цзинбо, каждый с своим неповторимым стилем.

В 2020 году издательство Эксмо, благодаря переводческому мастерству Михаила Головкина, выпустило «Сломанные звёзды» общим тиражом 3000 экземпляров. В этот сборник вошли 16 рассказов 14 известных китайских авторов, включая таких как Ся Цзя «Спокойной ночи, меланхолия», Лю Цысинь «Лунный свет», Тан Фэй «Сломанные звёзды», Хан Сун «Подводные лодки», Сэлинджер и корейцы», Чэн Цзинбо «Манящее небо», Бао Шу «Что пройдет, то будет мило», Хао Цзинфан «Новогодний поезд», Фэй Дао «Робот, который любил рассказывать небылицы», Чжан Жэнь «Снегопад в Цзиньняне», У Шуан «Ресторан на краю вселенной: каша Лаба», Ма Боюн «Игры Первого императора», Гу Ши «Отражение», Ван Каньюй «Мозговой ящик», Чэнь Цюфань «Свет, сходящий с небес, История болезней будущего» и три статьи по научной фантастике, написанные Ван Каньюй, Сун Минвэй и Фэй Дао.

В предисловии к «Сломанным звёздам» Лю Юкун не ставит задачей демонстрацию «характерного» или «лучшего» в китайской научной фантастике. Его цель — показать многообразие голосов и течений. Он также сознательно включил в эту антологию произведения, которые могут быть сложны для западного читателя, например, рассказ

Чжан Раня о путешествии во времени, отражающий особенности китайского жанра «чуанью».

В 2021 году Михаил Головкин выполнил перевод книги «Невидимые планеты», которая была издана издательством Эксмо тиражом 3000 экземпляров. В оригинальной версии представлено 13 рассказов от семи китайских авторов научной фантастики, включая произведения Чэнь Цюфана, Ся Цзи, Ма Боюна, Хао Цзинфана, Тан Фэй, Чэнь Цзинбо и Лю Цысиня. В книге также содержатся три статьи, посвященные китайской научной фантастике, авторами которых являются Лю Цысинь, Чэнь Цюфан и Ся Цзя. Эти материалы предоставляют западному читателю обзор развития этого жанра в Китае. Для лучшего понимания контекста каждому рассказу предшествует короткая биография его автора. Стоит отметить, что русская версия не включает в себя рассказы «Круг» Лю Цысиня и Ся Цзя «Улица призраков». Тем не менее, «Улица призраков» была переведена на русский язык и вошла в сборник «Путешествие трёх королей», под редакцией Владимира Аренева, в 2021 году.

В предисловии к «Невидимым планетам» Лю Юкунь акцентирует внимание на том, что научная фантастика — это литература о мечтах, которая позволяет глубже понять их создателей и интерпретаторов.^[8] Необходимо подчеркнуть вклад Лю Юкуня в продвижении китайской научной фантастики на мировую арену. Большинство упомянутых переводов базировались на английских версиях, созданных им. Кроме того, он является признанным автором научной фантастики, чьи произведения также изданы в России, в том числе роман «Королевская милость» и многие другие рассказы^[1, 2022].

В 2021 году издательство «Эксмо» выпустило сборник рассказов и повестей «Блуждающая Земля», переведенный Назирой Ибрагимовой. Сборник содержит произведения известного китайского писателя Лю Цысиня, такие как «Блуждающая Земля», «Гора», «Солнце Китая», «Ради блага человечества», «Проклятье 5.0», «Микро-эра», «Пожиратель», «Позаботиться о Боге», «С её глазами», «Пушечное ядро» и другие. Общий тираж издания составил 5000 экземпляров. К настоящему времени рассказ «Позаботиться о Боге» был опубликован в журнале «Научная фантастика» и в двух сборниках с одноименным названием, переведенных Сухановым и Ибрагимовой соответственно. В ассортименте сборника также находятся рассказ «Посланник» и повесть «Пожиратель», переведенные авторами под псевдонимами madman и sonate10.

Кроме официальных публикаций издательства «Эксмо», многие энтузиасты научной фантастики представляют свои переводы в сети. Например, пользователь под псевдонимом ali gress опубликовал на платформе Dzen свой перевод «Складывающийся Пекин» на основе английской версии, выполненной Лю Юкуном.^[2] Этот пользователь также выразил интерес к творчеству Чэнь Цюфана и заявил о своем намерении продолжать работу над переводами китайской научной фантастики.^[3] На портале Rulate также представлены переводы китайских произведений в жанре научной фантастики, однако качество таких работ весьма различно и не всегда соответствует высоким стандартам академического сообщества.

3.1 Восприятие современной китайской научной фантастики в России

Для читателей отзывы и оценки часто становятся ключевыми показателями популярности произведений. Согласно статистике сайта научной фантастики Fantlab, на 16 ноября 2022 года, 7466 человек дали свои оценки 44 современным китайским произведениям в жанре научной фантастики. Трилогия Лю Цисиня «Воспоминания о прошлом Земли» (или «Задача трёх тел») завоевала впечатляющую оценку — 8,49 из 10. Для сравнения,

легендарная «Dune» Фрэнка Герберта (Frank Herbert) на том же сайте оценена в 8,65. Это свидетельствует о том, что «Задача трёх тел» смогло завоевать сердца русскоязычных читателей. К тому же, из 12 произведений, оцененных выше 7 баллов, девять принадлежат перу Лю Цысинь. Среди других высоко оцененных книг стоит упомянуть «Что пройдет, то будет мило» от Бао Шу (7,77), «Возрождение времени» (7,22) и «Лето Тунтун» авторства Ся Цзя (7,37).^[4]

Таблица 2. Рейтинг произведений на сайте Fantlab (данные на декабрь 2022 года)

Произведение	Автор	Жанр	Оценка (по 10-балльной шкале)	Количество оценок
«Воспоминания о прошлом Земли» (《地球往事三部曲》)	Лю Цысинь	Роман	8.49	972
«Вечная жизнь смерти» (《三体3: 死神永生》)	Лю Цысинь	Роман	7.96	1433
«Задача трёх тел» (《三体》)	Лю Цысинь	Роман	7.81	2731
«Что пройдет, то будет мило» (《大时代》)	Бао Шу	Повесть	7.77	53
«Позаботиться о Боге» (《赡养上帝》)	Лю Цысинь	Рассказ	7.71	212
«Солнце Китая» (《中国太阳》)	Лю Цысинь	Рассказ	7.60	48
«Шаровая молния» (《球状闪电》)	Лю Цысинь	Роман	7.41	409
«Лето Тунтун» (《童童的夏天》)	Ся Цзя	Рассказ	7.37	19
«Возрождение времени» (《三体x·观想之宙》)	Бао Шу	Роман	7.22	95
«Пожираатель» (《吞噬者》)	Лю Цысинь	Рассказ	7.10	56
«Пушечное ядро» (《地球大炮》)	Лю Цысинь	Повесть	7.09	41
«Блуждающая Земля» (《流浪地球》)	Лю Цысинь	Повесть	7.01	132
«Лунный свет» (《月夜》)	Лю Цысинь	Рассказ	6.99	61
«С её глазами» (《带上她的眼睛》)	Лю Цысинь	Рассказ	6.98	45
«Год Крысы» (《鼠年》)	Чэнь Цюфань	Рассказ	6.93	30
«Снегопад в Цзиньняне» (《晋阳三尺雪》)	Чжан Жань	Повесть	6.89	38
«Складывающийся Пекин» (《北京折叠》)	Хао Цзинфан	Рассказ	6.85	27
«Мусорный прибой» (《荒潮》)	Чэнь Цюфань	Роман	6.74	70
«Улица призраков» (《百鬼夜行街》)	Ся Цзя	Рассказ	6.68	53
«История болезней будущего» (《未来病史》)	Чэнь Цюфань	Рассказ	6.66	36

«Эпоха сверхновой» (《超新星纪元》)	Лю Цысинь	Роман	6.61	92
«Лицзянские рыбы» (《丽江的鱼儿们》)	Чэнь Цюфань	Рассказ	6.61	23
«Микро-эра» (《微纪元》)	Лю Цысинь	Рассказ	6.59	45
«Ради блага человечества» (《赡养人类》)	Лю Цысинь	Рассказ	6.58	43
«Гора» (《山》)	Лю Цысинь	Рассказ	6.55	51
«Невидимые планеты» (《看不见的星球》)	Хао Цзинфан	Рассказ	6.53	17
«Молчаливый город» (《寂静之城》)	Ма Боюн	Рассказ	6.32	22
«Свет, сходящий с небес» (《开光》)	Чэнь Цюфань	Рассказ	6.16	36
«Отражение» (《倒影》)	Гу Ши	Рассказ	6.03	36
«Новогодний поезд» (《回家专列》)	Хао Цзинфан	Рассказ	5.93	41
«Проклятье 5.0» (《太原之恋》)	Лю Цысинь	Рассказ	5.90	43
«Спокойной ночи, меланхолия» (《晚安忧郁》)	Ся Цзя	Рассказ	5.83	52
«Подводные лодки» (《潜艇》)	Хан Сун	Рассказ	5.64	52
«Робот, который любил рассказывать небылицы» (《爱吹牛的机器人》)	Фэй Дао	Рассказ	5.61	38
«Игры Первого императора» (《秦始皇 的假期》)	Ма Боюн	Рассказ	5.60	35
«Ресторан на краю вселенной: каша Лаба» (《宇宙尽头的餐馆:腊八粥》)	У Шуан	Рассказ	5.59	34
«Ночное путешествие дракона- лошади» (《龙马夜行》)	Ся Цзя	Рассказ	5.59	17
«Мозговой ящик» (《脑匣》)	Ван Каньюй	Рассказ	5.53	36
«Цветок Шацзуй» (《沙嘴之花》)	Чэнь Цюфань	Рассказ	5.53	19
«Сэлинджер и корейцы» (《塞林格与朝鲜 人》)	Хан Сун	Рассказ	5.43	50
«Манящее небо» (《倒悬的天空》)	Чэн Цзинбо	Рассказ	5.34	39
«Девушка по вызову» (《黄色故事》)	Тан Фэй	Рассказ	4.89	18
«Могила светлячков» (《萤火虫之墓》)	Чэн Цзинбо	Рассказ	4.63	19
«Сломанные звёзды» (《碎星星》)	Тан Фэй	Рассказ	4.59	47

Эти данные показывают, что произведения Лю Цысиня пользуются огромной популярностью и высокими оценками на российском рынке. Это, несомненно, связано с содержанием его книг. Читатели из разных уголков мира погружаются в захватывающий сюжет «Задача трёх тел», исследуя разнообразные жизненные истории в различных временных контекстах. Их восхищают уникальные научные идеи, такие как «Система трёх тел», «Солнечный усилитель», «Зонды», «План Гужэн» и «План Обращение к стене».

Произведение буквально насыщено научными концепциями, которые зачастую размывают границы между реальностью и научной фантастикой. И даже несмотря на астрономические данные, говорящие о том, что система в созвездии Центавра на самом деле состоит из двойной звездной системы, а не тройной, это нисколько не уменьшает величие романа «Задача трёх тел». Благодаря этому шедевру, другие книги Лю Цысиня, такие как «Сферическая молния» и «Эпоха сверхновой», также находят своих преданных читателей.

Российские читатели высоко оценивают «Задача трёх тел». Они пишут: «Задача трёх тел» — это редкий пример высококачественной научной фантастики за последние годы. У Лю Цысиня обширные знания. В книге много информации о физике, электронике, биологии, космологии и, конечно же, истории Китая. Несмотря на масштабность рассказа, книга имеет четкую структуру и полностью прорисована, что часто не позволяет оторваться от чтения." "Эта книга представляет собой грандиозный рассказ. Помимо истории и астрономии, книга заставляет задуматься о человеческой натуре и морали." Многие читатели также подчеркивают, что введение переводчика о главном герое перед началом рассказа очень важно для погружения в историю, особенно для тех, кто привык к "европейским" именам. Кроме того, многие находят интересным стиль повествования в книге: "Роман не следует хронологии, а разворачивается вдоль нескольких нарративных линий, что делает его похожим на детективную историю, где разгадка приходит как игра." Некоторые читатели даже ставят максимальную оценку, считая, что "читая эту книгу, вы не только получаете интересный рассказ, но и много узнаете о науке, иногда даже приходится искать информацию в Википедии... Это уникальный опыт чтения."^[5] Однако книга не без недостатков. Для многих читателей обширный космический контекст и сложные научные концепции становятся барьером, и им приходится начинать чтение несколько раз, прежде чем они действительно погружаются в мир, созданный Лю Цзисинем. Некоторые считают, что рассказ слишком фрагментирован, что затрудняет вовлечение. Кроме того, некоторые читатели, узнав, что перевод не сделан напрямую с китайского, а через английский язык, сомневаются в точности и читаемости перевода и закрывают книгу. Есть те, кто ставит низкий балл, считая, что "произведение не имеет художественной ценности и напоминает черновик новичка..."^[5] Исходя из отзывов о «Задача трёх тел», можно утверждать, что реакция русскоязычных читателей в целом совпадает с реакцией китайских читателей и разделяется на два типа мнений. Это также косвенно свидетельствует о том, что русский перевод в основном соответствует оригиналу.

С точки зрения исследователей, интерес к исследованию китайской научной фантастики в академической среде растёт каждый день.

Эстонский журналист Николай Караев, который также является псевдонимом, увлекается научной фантастикой. Помимо своей основной работы, он также занимается переводом научной фантастики на русский язык, а также пишет произведения и статьи. С 2005 года он перевел 54 произведения, написал три романа и несколько сотен статей и обзоров на тему научной фантастики.^[6] В 2017 году он взял интервью у Лю Цысиня и опубликовал статью под названием «Какую фантастику пишут в Китае?» в журнале «Мир научной фантастики». В статье рассказывается о том, как в 1903 году Лу Синь перевел роман Жюль Верна "Путешествие на Луну" на основе японского перевода, и доходит до современных «трех великих» китайских авторов научной фантастики - Хань Сун, Ван Цзинькан и Лю Цзисинь. От первого настоящего китайского научно-фантастического романа «Лунная колония» до главного китайского журнала по научной фантастике «Мир

научной фантастики». Караев подробно рассматривает развитие китайской научной фантастики. Благодаря этому русские читатели могут получить системное понимание китайской научной фантастики. Кроме того, он считает: "На Западе обычно ищут истоки китайской научной фантастики в китайской мифологии или философии, таких как мечта Чжуан Цзы о бабочке, «Путешествие на запад», «Сказания странствующих призраков». Китайская научная фантастика всегда переплетена с мифологией, чудесами, философией, буддизмом, даосизмом и т. д." [\[9, с. 130\]](#)

В 2018 году, после официальной публикации «Темного леса» в России, русский критик Александр Стрепетов также написал статью в журнале «Мир научной фантастики». Он считает, что «Темный лес» в большей степени выражает гуманизм, а характеры более полны и объемны. В то же время повествование излишне фрагментарно, научный аспект требует усиления. "После публикации трилогии «Задача трёх тел», российская аудитория постепенно расширяется от любителей научной фантастики до обычных читателей. Многие читатели говорят, что это был их первый опыт чтения китайской научной фантастики и вообще китайской литературы. Им интересна игра «Задача трёх тел», и они согласны с интерпретацией автора о сущности разумных существ и законами вселенной." [\[10, с. 278\]](#)

Таким образом, представленные Лю Цысинем современные китайские авторы научной фантастики и их произведения вызвали широкий интерес и дискуссию в России. От читателей до исследователей, многие высказали справедливые и объективные оценки, российская аудитория стала всё больше интересоваться прошлым и настоящим китайской научной фантастики.

3.2 Проблематика перевода современной китайской научной фантастики на русский язык

Современная китайская научная фантастика уже завоевывает сердца российских читателей и продолжает укреплять свои позиции. Тем не менее, перевод таких произведений на русский язык сталкивается с немалыми трудностями. Основные из них можно охарактеризовать так:

Во-первых, сложность перевода. Будь то произведения Мо Яна или научно-фантастические романы, при выходе на международную арену они сталкиваются с проблемами перевода. Чтобы произведение на одном языке было принято и любимо читателями другого языка, роль перевода становится критически важной. Переводчикам требуется не только точное лексическое соответствие между двумя или более языками, но и культурное, историческое и социальное проникновение, чтобы гарантировать полное понимание и оценку оригинала. Это большой вызов для переводчиков. Сложность перевода научной фантастики можно описать следующим образом.

Во-первых, не хватает квалифицированных переводчиков. Несмотря на то что число изучающих китайский язык стремительно растет, специалистов в области перевода научной фантастики крайне мало. Как замечал Караев: «Китайские иероглифы очень сложны, а понимание диалектов ещё сложнее». [\[9, с. 129\]](#) Большинство переводов для публикации осуществляются с английского, прямые переводы редки. В частности, по данным российского сайта по трудоустройству SuperJob, среди пяти самых востребованных иностранных языков китайский обошел французский и немецкий, занимая второе место после английского. [\[7\]](#) Людей, владеющих китайским языком на высоком уровне, намного меньше, чем английским – это неоспоримый факт. Во-вторых, даже имея возможность перевести напрямую, многие переводчики выбирают перевод через английский, чтобы максимально использовать программное обеспечение для

перевода и экономить время. В-третьих, английский перевод часто упрощает некоторые особенности китайского стиля, предпочитая формы, более привычные для западного читателя, что облегчает работу русским переводчикам. Однако, в процессе такого перевода, искажения и упрощения становятся неизбежными. Перевод – это всегда интерпретация и понимание, ограниченные знаниями языка и культурного контекста, поэтому искажение оригинального послания автора неизбежно. Во-вторых, сложность перевода терминов и вымышленных элементов. В отличие от чисто художественного перевода, перевод научной фантастики может включать в себя множество специализированных терминов и научных понятий. Эти термины и понятия могут отличаться в разных языковых и культурных контекстах, что требует точного и ясного их перевода и объяснения для читателя. Например, в предисловии к «Бессмертной смерти» переводчик Грушкова столкнулась с проблемой выбора терминов, указывая: «Как перевести 'корабль, способный летать со скоростью света'?... Мы были вынуждены перевести это как 'световой корабль' (световой корабль), хотя это неправильно...». Таким образом, переводчики сталкиваются с необходимостью делать заметки для читателей, при этом стараясь не вводить их в заблуждение. В-третьих, трудность в передаче стиля автора. Лю Юйкун утверждает, что в переводе романов наиболее важно сохранить уникальный "голос" автора. Каждый автор имеет свой особенный стиль, и знакомые с ним читатели могут узнать его по манере написания. «Для меня легко рассказать историю или объяснить сюжет, но уникальный 'голос' автора очень сложно передать в переводе...» [8, с. 148]. Например, в романе Чэнь Цюфань «Прилив» описывается будущий Гуанчжоу, где главная героиня узнает правду о своем происхождении в огромном подводном городе. Хотя история в основном происходит в Гуанчжоу, в ней множество вымышленных моментов, которые требуют особого внимания и культурного контекста для перевода.

Во-вторых, культурные ограничения. Китайская научная фантастика глубоко укоренилась в китайской истории и культуре, следуя определенным китайским традициям. Различия в мышлении, формирующиеся в разных культурных контекстах, могут стать причиной ошибок в понимании и интерпретации. Научно-фантастическая литература всегда отражает общество своих авторов и читателей. Например, в романе «Задача трёх тел» Лю Цысиня особое внимание уделяется трагическим событиям в жизни Йе Вэньцзе в особый исторический период. Как говорил Караев: "Любая культура лучше понимает себя, чем другие. Западное понимание такой истории может быть однобоким". [9, с. 132] Несмотря на укрепление китайско-российских отношений, особенно после «Года китайского языка» в России в 2010 году, ни один китайский научно-фантастический роман не был официально опубликован на русском языке.

Российские читатели считают, что "произведения Лю Цысиня полностью отражают китайскую национальную идентичность, которую может быть сложно понять западному читателю. Но проблема не только в этом, литература в жанре научной фантастики на Западе насчитывает миллионы произведений, поэтому китайская научная фантастика может показаться наивной в сравнении с ней." "Несмотря на глобализацию, которая приближает Китай и Запад, мир по-прежнему не может по-настоящему понять Китай." [10, с. 132] Российский критик Борис Невский считает, что "ранние произведения Лю Цысиня, такие как «Ши Юн» (или «Ли Бай»), поразительным образом сочетают научную фантастику с уникальной китайской картины мира. Совмещение научной фантастики с поэзией, философией, религией - не простая задача." [11, с. 201] Это подчеркивает, что китайская научная фантастика полна китайской культуры и элементов, и непонимание или недопонимание этой культуры может привести к серьезной потере культурной

информации или даже к передаче неверной культурной информации. Восприятие читателем произведения часто основано на его существующих знаниях, и если это восприятие выходит за рамки этих знаний, может возникнуть неправильное восприятие.

В-третьих, единый источник распространения. Это подразумевает отсутствие стабильности и разнообразия. Издательство Эксмо, безусловно, достигло великолепных результатов в продвижении китайской научной фантастики, но когда все надежды и ожидания сосредоточены на одном издательстве, риски также увеличиваются. Любые экономические потрясения, проблемы управления или изменения маркетинговой стратегии могут ограничить или прервать распространение китайской научной фантастики в России. Кроме того, единая стратегия публикации может ограничивать разнообразие литературных произведений. Разнообразие китайской научной фантастики огромно, и если только одно издательство занимается ее выбором и продвижением, выбор может быть под влиянием маркетинговых стратегий или других коммерческих факторов. В таком случае российские читатели увидят только верхушку айсберга китайской научной фантастики. Наличие только одного крупного издателя может также замедлить инновации. Конкуренция между издательствами может стимулировать инновации, поощряя их искать новых авторов, новые темы и новые маркетинговые стратегии. Но в этой ситуации, из-за отсутствия конкуренции, Эксмо может быть склонно сохранять статус-кво, а не двигаться вперед. Если бы такие издательства, специализирующиеся на научной фантастике, как "astrel-spb", "mann-ivanov-ferber" и "ast", приняли участие в внедрении и публикации китайской научной фантастики, это бы значительно обогатило российский рынок научной фантастики, предоставив читателям широкий выбор.

Подводя итог, единственный источник распространения может ограничивать как распространение китайской научной фантастики в России, так и качество и выбор произведений. Для того чтобы китайская научная фантастика действительно получила широкое признание и продвижение в России, необходимо привлечение большего числа издательств, создание многогранной, конкурентоспособной и инновационной издательской среды.

В-четвёртых, узкая направленность содержания. Произведения Лю Цысиня на некоторое время превзошли по числу читателей, отзывам и популярности в России работы Мо Яна и стали прекрасным примером выхода китайской литературы за пределы страны. Однако грандиозный успех Лю Цысиня на российском рынке скрывает одну проблему: слишком узкое содержание китайской научной фантастики в России. В глазах российских читателей Лю Цысинь, возможно, уже стал синонимом китайской научной фантастики. Его серия книг «Задача трёх тел», «Шаровая молния» и другие произведения широко читаются и обсуждаются. Многие российские читатели могут ошибочно полагать, что область китайской научной фантастики ограничивается тем вселенным, который описал Лю Цысинь. Однако реальный ландшафт китайской научной фантастики гораздо богаче и разнообразнее. История китайской научной фантастики насчитывает более ста лет. За это время было создано множество произведений различных стилей и тематик. И речь идет не только о размышлениях Лю Цысиня о вселенной и судьбе человечества, но и о более глубоком исследовании человечности, общества, технологий, культуры и окружающей среды. Такой узкий фокус в содержании может ввести в заблуждение российских читателей, заставив их думать, что китайская научная фантастика имеет только одно направление и стиль. Это не благоприятно для развития китайской научной фантастики и её продвижения на международном уровне. Разнообразный и богатый литературный мир должен показать все свои грани, а не только самую популярную часть.

К тому же однообразие может вызвать у российских читателей эстетическую усталость. Если один и тот же жанр и стиль продолжают продвигаться и обсуждаться, читатели могут постепенно потерять интерес к китайской научной фантастике и обратиться к другим источникам литературы.

3.2 Размышления о распространении современной китайской научной фантастики на русском языке

Перед нами стоит ряд проблем, и в первую очередь необходимо усилить подготовку переводчиков, чтобы решить проблему отсутствия замены для текущего состава переводчиков. Как можно заметить, команда переводчиков китайской научной фантастики на русский язык, возглавляемая «Задача трёх тел», довольно ограничена. Срочно необходимо расширить каналы поиска переводчиков, оптимизировать состав команды и создать корпус научно-фантастической терминологии. Отсутствие квалифицированных переводчиков в научной фантастике - это не только проблема одной страны; это вызов, который всему переводческому сообществу предстоит решить. Попытки перевода серии книг «Задача трёх тел» могут послужить образцом для распространения литературы. Переводчик Глушкова, не зная китайского языка и не имея опыта в переводе чистой научной фантастики, в 2014 году прочитала «Задача трёх тел» в переводе Лю Юкуня, и после того, как в 2015 году книга была награждена, ее желание представить эту книгу российским читателям только усилилось. С помощью эксперта в области перевода научных текстов Дмитрий Накамура и известного специалиста по китайскому языку Альберт Крисской Глушкова завершила перевод книги. [\[12, с. 8\]](#) Она также провела многочисленные консультации с экспертами в области китаеведения, физики, программирования, изучив теорию струн, структуру Солнца, космологию и историю Китая. Кроме того, автор сохранил множество примечаний, сделанных английским переводчиком Лю Юкунем, и предложил свое понимание русским читателям, четко и кратко определив и объяснив историю и ключевые фразы, которые незнакомы российскому читателю. Таким образом, в русском издании появился уникальный многозаметочный феномен, включающий в себя заметки самого автора, английского переводчика Лю Юкуня и русского переводчика Глушковой. Книга «Темный лес», переведенная Накамурой с английского перевода американца Джоэла Мартинсена, также вызвала сомнения у читателей относительно точности перевода. Поэтому для перевода «Темного леса» был приглашен специалист по китайскому языку Крисской, который "восстановил пропущенные в английском переводе части оригинала и провел окончательную правку". В предисловии к книге автор выразил благодарность переводчику Глушковой, заместителю директора института физико-математических наук Андрею Сергееву и его ассистенту Аэлита Тимошенко. Этот опыт показывает, что совместные усилия могут привести к лучшему переводу. В текущей ситуации, когда еще не существует прямого перевода, можно обратиться к "косвенному спасению", избегая слепого национализма и идеи, что только китайцы могут хорошо переводить китайскую литературу. Совместный подход к переводу «Задача трёх тел» (с участием английского переводчика, китаеведа, физика и др.) представляется как новаторский и успешный пример для распространения китайской литературы за рубежом. С точки зрения приемлемости для читателей, распространения произведения и его коммерческой ценности, текущая версия перевода в целом является успешной.

Во-вторых, активизация продвижения китайской культуры предполагает включение разделов, посвященных культуре Китая, в учебные программы российских школ. Для эффективной реализации данного предложения первоочередно следует провести комплексное рыночное исследование, направленное на выявление потребностей и

интересов российских учащихся и педагогов к изучению китайской культуры. Используя методы анкетирования, интервьюирования и фокус-групп, можно получить объективную картину запросов целевой аудитории. Для обеспечения качества и актуальности содержания рекомендуется установить сотрудничество с российскими академическими учреждениями, научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями. Привлечение экспертов для экспертной оценки и коррекции материалов не только обеспечивает их научную корректность, но также способствует укреплению академических связей между Китаем и Россией. Необходимо также налаживание взаимодействия с российскими издательствами и печатными домами, что обеспечит высокое качество публикаций и их распространение. В контексте интеграции новых учебных материалов в образовательный процесс России крайне важно поддерживать связь с соответствующими государственными органами, гарантируя соответствие учебников образовательным стандартам. С целью углубления понимания и адаптации материала может быть организовано приглашение китайских лекторов для проведения мастер-классов в России или реализация интерактивных онлайн-сессий. Дополнительно, практические занятия, такие как летние языковые лагеря в Китае или гастроли китайских творческих коллективов в России, способствуют погружению в культурную среду. Завершая, необходимо подчеркнуть, что для долгосрочной устойчивости проекта требуется систематическое обновление учебных материалов, мониторинг их актуальности и корректировка на основе отзывов пользователей. Как правильно отметил Се Тяньчжэнь: "В задачах перевода мы должны чутко учитывать особенности страны-адресата, избегая навязывания собственной культурной и идеологической модели." [\[13, с. 22\]](#) Таким образом, важность чуткого и деликатного подхода при трансляции культурного наследия в международном контексте не может быть недооценена.

В-третьих, расширяя аудиторию, меняйте пути распространения. Чтобы научная фантастика была принята массовой аудиторией, "выход за рубеж" имеет решающее значение. Необходимо активно интегрировать визуальные и слуховые средства и активно преобразовывать выдающиеся китайские произведения научной фантастики в форматы кино, анимации и телесериалов, чтобы привлечь к себе больше внимания к жанру научной фантастики. В 2023 году фильмы «Блуждающая Земля 2» и «Задача трёх тел» в реальной жизни завершились, а сериал «Задача трёх тел» получил высокий рейтинг 8,5 на Douban. После того как репутация серии «Блуждающая Земля» и телесериала «Задача трёх тел» была установлена, отечественная аудитория из любопытства или жажды знаний начинает самостоятельно воспринимать произведения научной фантастики, и двери рынка научной фантастики будут все шире и шире. Точно так же, если китайская литература может выйти за рубеж в форме вторичного творчества, таком как аудиокниги, кино, искусство живописи и даже товары литературной темы, стилизованно и художественно представляя литературные произведения, влияние китайской литературы за рубежом будет продолжать расти. С 2017 по 2020 год было издано восемь аудиокниг, прочитанных Игорем Князовым и Сергеем Оробчуком, общее число просмотров которых превысило двадцать тысяч. В 2019 году китайский кинофестиваль в России начался в кинотеатре "Аврора" в Санкт-Петербурге, где был показан хардкорный научно-фантастический фильм «Блуждающая Земля», который был тепло принят российской аудиторией. Кроме того, обложки для «Задачи трёх тел», «Темного леса» и «Вечная жизнь смерти» были нарисованы известным российским инженером и любителем живописи Николаем Плутахиным. Начиная с 2010 года, Плутахин создал обложки для 185 научно-фантастических романов, [\[15\]](#) что также показывает популярность и признание серии «Задача трёх тел» в России. В будущем будет еще больше кино и аудиопроизведений, которые помогут

распространению литературы. Однако для перевода и вторичного творчества недостаточно только на силы фанатов. Нужно усилить сотрудничество между переводчиками Китая и России и авторитетными издательствами обеих стран. Под руководством правительства следует запустить больше проектов взаимного перевода культурных продуктов между Китаем и Россией, предоставляя ресурсы в человеческом, материальном и финансовом отношении, стимулируя участие большего числа людей и издательств в переводе и публикации, создавая двойную внутреннюю и внешнюю мотивацию для перевода.

В-четвертых, необходимо усилить культурное самосознание, утвердить культурную уверенность и повысить глубину и влияние национальной культуры. В условиях глобализации культурные взаимодействия становятся все более активными, и осознание своей культуры становится особенно важным. Если у нас нет такого понимания, мы рискуем потерять ценность и наследие своей культуры. Глубокое понимание и любовь к своей культуре придают нам уверенность в ней. Это понимание и уверенность основаны на истинном знании. Чтобы усилить влияние национальной культуры, нужны конкретные действия. Например, активно изучать древние тексты, искусство и традиции, адаптируя их к современным вкусам; стимулировать инновации и современные формы представления, объединяя традиции и современность, чтобы создать живую и глубокую культурную картину.

В предисловии к «Новой волне китайской научной фантастики», Хань Сун пишет: "Наиболее захватывающим в научной фантастике, возможно, является то, что она возникла в контексте великих географических открытий и великих революций. Не находится ли Китай сейчас в новую эпоху этих великих открытий и революций?"^[15, с. 20] Однако, после этого благосостояния научной фантастики, следуют испытания.

В 2021 году, член Всенародного политконсультативного совета Китая и президент Ассоциации журналов Китая, У Шанчжи, во время исследования на тему "Повышение качества издательства и расширение предложения качественной культурной продукции" в издательстве Чунцин, увидел серию книг Лю Цысиня «Задача трёх тел». Эти книги были проданы в 26 стран на 24 языках, общий тираж за рубежом составил около двух миллионов экземпляров. Для того чтобы китайская научная фантастика могла действительно утвердиться в мире, необходимо сосредоточить усилия на создании выдающихся произведений и воспитании таких авторов, как Лю Цзысинь.

Выводы. В заключении можно сказать, что современная китайская научно-фантастическая литература заслуживает особого внимания в России. Она представляет собой уникальное сочетание традиционных китайских ценностей и новаторских идей, что делает её особенно привлекательной для российского читателя. Принятие и распознаваемость китайских произведений в России подтверждают, что культурный обмен между двумя странами находится на новом, более высоком уровне. Переводы, адаптации и взаимодействие между китайскими и российскими литературными сообществами играют ключевую роль в продвижении и понимании научной фантастики друг друга. Это свидетельствует о важности продолжения и усиления культурных и литературных связей между Китаем и Россией в будущем.

Библиография

1. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/searchmain?searchstr=Кен+Лю> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Dzen. URL: https://dzen.ru/a/YDeaOt_D_X3CKfSL (дата обращения: 10.05.2023)

3. Rulate. URL: <https://tl.rulate.ru/> (дата обращения: 20.05.2023)
4. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/> (дата обращения: 10.05.2023)
5. LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002611710/reviews-zadacha-trjoh-tel-lyu-tsysin> (дата обращения: 10.05.2023)
6. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/searchmain?searchstr=Николай+Караев> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Superjob. URL: <https://www.superjob.ru/> (дата обращения: 10.05.2023)
8. Лю Юйкунь: Душа перевода-это понимание "голоса" автора. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/1115/c405057-29648453.html> (дата обращения: 10.05.2023)
9. Караев Н. Какую фантастику пишут в Китае. // Фантастика. Октябрь 2017. № 148. с. 132.
10. Ищенко, В.С. и Декань, К.Ю. Особенности китайской научной фантастики как жанра в романе Лю Цысинь «Задача трёх лет» в условиях межкультурного пространства. // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2, 8 (ноя. 2019), 276-281.
11. Замалиева З.И., Файзерахманова Р.Р. Развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 3. 201-203.
12. Лю Цысинь. пер. О. Глушкова. Задача трех тел. М., Эксмо, 2017. стр. 8.
13. 王志勤, 谢天振. 2013. 中国文学文化走出去: 问题与反思[J]. 学术月刊, 45(02):21-27. (Ван Жицинь, Се Тяньжэнь. Китайская литературная культура на международной арене: проблемы и размышления. // Ученые записки, 2013. 45(02): 21-27.)
14. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/art2221?ysclid=laqqf3qbgf321398541> (дата обращения: 10.05.2023)
15. 宋明炜. 2020, 中国科幻新浪潮: 历史·诗学·文本[M]. 上海文艺出版社. (Сун Минвэй. Новая волна китайской научной фантастики: история, поэтика, текст. // Шанхайское литературное издательство. 2020. стр. 20.)
16. Хуа Мэньжоу Распространение и развитие китайской научной фантастики в России (на примере научнофантастического романа Лю Цысиня) // Образование и право. 2020. № 7.
17. Замалиева З.И., Файзерахманова Р.Р. Развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 3.
18. Ю.С. Коробейникова О фантастике и фантастической литературе // МНКО. 2022. № 6 (97).
19. Н.К.Назарова Фантастика на просторах экрана // Oriental Art and Culture. 2022. №1.
20. Биаловонс (Каменная) Елена Юрьевна Перевод окказионализмов в произведениях современной фантастики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Китайская современная научно-фантастическая литература: перевод и принятие в России» в научный журнал «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к китайскому языку в нашей стране, а также усиливающимися экономическим и культурным связям между странами. Отметим, что интерес к исследованию китайской научной фантастики в

академической среде растёт каждый день, а данная работа вносит определенный вклад в научное изучение данного вопроса.

Автор ставит целью проведение анализа процесса проникновения современной китайской научной фантастики на российский рынок: изучить хронику переводов, оценить современное положение дел в сфере перевода и детально проанализировать стратегии, трудности и пути их решения при продвижении китайской литературы на мировой литературной сцене.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В ряде случаев в тексте встречаются стилистические погрешности, например, «Эстонский журналист Николай Караев, который также является псевдонимом, увлекается научной фантастикой» и ряд подобных.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории и практике перевода, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Китайская современная научно-фантастическая литература: перевод и принятие в России» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Destabilizing factors in simultaneous interpreting (using the example of oral syntactic features in speeches delivered by French politicians)

Zigmantovich Daria Sergeevna

PhD in Philology

Senior Lecturer; Faculty of Higher School of Translation; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51, —

✉ dashazigmantovich@mail.ru



Abstract. Simultaneous interpreting (SI) is one of the most complex types of cognitive and communicative activity. Such factors as the simultaneity of speech perception and speech production, multichannel nature of data received for processing, high speed of interpreting, etc. dictate the need educate highly qualified interpreters. This also indicates the importance of determining the criteria that must be taken into account while selecting speeches for the step-by-step mastering of the technique of SI. The subject of the study of this article are the factors influencing the handling of information in the process of simultaneous interpreting and embodied in the individual syntactic features of the speaker's speech. These features determine speeches' translatability and can either represent some destabilizing factors for simultaneous interpreters, or contribute to a more accurate and high-quality interpreting. The author analyzes the syntactic features inherent in the speeches delivered by two presidents of the French Republic – N. Sarkozy and F. Hollande. The article provides a comparative analysis of written texts and delivered speeches and a linguistic analysis of the text in order to identify syntactic features and to describe the impact they can have on the work of interpreters. The author of the article came to the conclusion that the analysis of such features can help in the selection of authentic speeches at the initial stage of mastering the technique of SI and for practicing and automating certain skills at a more advanced level or in the selection of speeches for intensive training in the language combination "French – Russian". The results of the research can be used in the study of texts produced by other speakers and / or in other languages. The results of the research can find application in educational and pedagogical activities, as well as in real interpreting practice.

Keywords: French, interpreting didactics, speech compression, destabilizing factor, syntax, syntactic features, orator, simultaneous interpreting, interpreting, French political discourse

References (transliterated)

1. Baigorri-Jalón J. From Paris to Nuremberg: The birth of conference interpreting / Translated by H. Mikkelsen and B. Slaughter Olsen. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 277 p.
2. Garbovskii N. K. Teoriya perevoda: uchebnik. 2-e izd. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 s.
3. Matasov R. A. Sinkhronnyi perevod na Nyurnbergskom protsesse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2008. № 2. S. 18-34.
4. Min'yar-Beloruhev R. K. Metodika obucheniya perevodu na slukh. M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1959. 190 s.

5. Chernov G. V. Osnovy sinkhronnogo perevoda: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.. M.: Vysshaya shkola, 1987. 256 s.
6. Shiryaev A. F. Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda. M.: Voenizdat, 1979. 183 s.
7. Barik H. C. A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology. University of North Carolina at Chapel Hill, 1969. 349 p.
8. Gerver D. The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters, 1969 // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker and M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 2002. P. 53-66.
9. Oléron P., Nanpon H. Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris), 1965 // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker and M. Shlesinger. London; New York: Routledge, 2002. P. 43-50.
10. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie: uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. M.: R. Valent, 2011. 408 s.
11. Garbovskii N. K., Kostikova O. I. Perevod i obshchestvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2018. № 1. S. 17-40.
12. Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: «Norint», 2000. 1536 s.
13. Visson L. Russkie problemy v angliiskoi rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur. 3-e izd. M.: R. Valent, 2005, 192 s.
14. Pogodin B. P. Opyt prepodavaniya sinkhronnogo perevoda. M.: R. Valent, 2018. 271 s.
15. Falaleev A., Malofeeva A. Uprazhneniya dlya sinkhronista. Zelenoe yabloko. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii. SPb.: Perspektiva, Yuniks, 2014. 187 s.
16. Chirkina M. I. Praktikum po sinkhronnomu perevodu s angliiskogo yazyka na russkii. M.: R. Valent, 2011. 192 s.
17. Parshina O. N. Rossiiskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 232 s.
18. Anishchenko G. A. Literaturnyi spravochik: uchebnoe posobie. M.: FORUM, 2012. 176 s.
19. Visson L. Sinkhronnyi perevod s russkogo na angliiskii / perevod s angliiskogo. M.: R. Valent, 1999. 272 s.
20. Poluyan I. V. Kompriyia v sinkhronnom perevode s angliiskogo yazyka na russkii i s russkogo yazyka na angliiskii. M.: R. Valent, 2011. 112 s.
21. Chernov G. V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 208 s.

Onomatopoeia-occasionalisms as a feature of Japanese colloquial speech

Kuznetsova Elena Mikhailovna

Lecturer; Department of Japanese Language; Institute of East country



Abstract. In this article, the author analyzes occasional forms of onomatopoeia in Japanese colloquial speech. Being a flexible system that stands out for its negligence, expressiveness and direct relation to the context, colloquial speech accepts breaking of language rules that are crucial for codified literary language. The form of onomatopoeia is short, however, such words can describe a huge variety of meanings. Therefore, onomatopoeia, including its occasional variants, is common in colloquial speech, making it more vivid. Japanese onomatopoeia often involves in word creation process, however, the topic of its occasional variants has not been studied thoroughly yet, which determines the scientific novelty of this research. The object of the study is Japanese onomatopoeia. The subject of the study is its occasional variants. The article examines daily dialogues of ordinary Japanese people and analyzes onomatopoeia they used (its occasional variants on different language layers and possible reasons behind the choice of such onomatopoeia usage). After the analysis, we found out that onomatopoetic occasional variants could be seen on phonetic, morphologic and syntactic levels. The Japanese can use in onomatopoeia unrepresentative for Japanese language sounds, significantly prolong vowels and consonants. Extraordinary combinations of onomatopoetic roots also take place, and some onomatopoetic roots, which end with prolonged vowel, can add geminate. Furthermore, some onomatopoeia serve as an attribute in a sentence and add unusual affix «-na» of nominal adjectives. As a result, we have observed that these methods increase emotionality and vividness of the speech, gain attention of the interlocutor and give the information in a shorter form.

Keywords: semantic analysis, loanword, neologism, word creation, colloquial speech, occasionalism, onomatopoeia, the Japanese language, lexicology, uncoded vocabulary

References (transliterated)

1. Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech'. M.: Nauka, 1968.
2. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. M.: Nauka, 1981.
3. Tumarkin P. S. Leksika, frazeologiya, zhest v yaponskoi razgovornoj rechi. M.: Vostok – Zapad, 2004.
4. Sichinskii A. E. Kognitivnye aspekty funktsionirovaniya yaponskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2015. № 1(1). S. 193-205.
5. Hamano S. The Sound-Symbolic System of Japanese. California: CSLI Publications; Tokyo: Kuroshio Shuppan, 1998.
6. Polivanov E.D. Po povodu "zvukovykh zhestov" yaponskogo yazyka // Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu. M.: Nauka, 1990. S. 295-305.
7. Maejima T. Jidai-wo tooshite mita Giseigo-Gitaigo // Tokyo: Nihon Bungaku, 1967. No. 28. Pp. 42-55.
8. Hasada R. The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Canberra: Australian National University, 1994.
9. Otsubo H. Giseigo-no kenkyuu. Tokyo: Meiji-shoten, 1989.

10. Tamori I. Nihongo onomatope-no tougo hanchuu // Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen. Tokyo: Keisou-shoten, 1993. P. 17-75.
11. Who do girls Kill or Keep? Ask japanese girls about BOYS never forgive : video // Ask Japanese : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:10:16 (vremya vosproizvedeniya). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0KKE7OQZ4IM> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
12. Love is Blind: Japan : realiti-shou // Netflix, 8 fevralya 2022. 11 serii. URL: <https://www.netflix.com/title/81411891> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
13. Syromyatnikov N. A. Stanovlenie novoyaponskogo yazyka. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
14. Yaponka Shennon priznalas' mne pro svoe proshloe. Na chto v YaPONII reagiruyut voobshche ne tak, kak v Rossii : video // Sergey KuvaevJP: kanal pol'zovatelya Youtube. 00:16:02 (vremya vosproizvedeniya). URL: https://www.youtube.com/watch?v=Nv73l8_BY30 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
15. Do Japanese boys want to date FOREIGNERS in 2023? : video // Ask Japanese : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:13:24 (vremya vosproizvedeniya). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SL5AAkmav80> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
16. Bamboo in Kyoto | Go to a Geisha dance show | Vlog : video // Kimono Mom : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:15:45 (vremya vosproizvedeniya). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lx6CQf9PVRM> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
17. I Tried ALL Types of STRAWBERRIES in JAPAN! *White Strawberry?!?!* : video // Mikan : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:27:11 (vremya vosproizvedeniya). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cIdiT71iHYA> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
18. Cheating, Love and Japan Relationships: with Sora the Troll : video // Ask Japanese : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:13:16 (vremya vosproizvedeniya). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu3Ewc-jQqQ> (data obrashcheniya: 23.08.2024).
19. Wakuwaku-na charenji-wo shitai anata-ni.: video // Matsuoka Shuzo koushiki Youtube channeru : kanal pol'zovatelya Youtube. 00:00:32 (vremya vosproizvedeniya) URL: https://youtu.be/rGHOqISzRx8?si=XTjHbObE_hZATcJn (data obrashcheniya 22.08.2024).
20. Dokidoki wakuwaku-na haru-no shiki : zapis' v bloge // URL: <https://yamabato-s.jp/%E3%83%89%E3%82%AD%E3%83%89%E3%82%AD%E3%83%BB%E3%83%AF%E3%82%AF%E3%83%AF%E3%82%AF%E3%81%AA%E6%98%A5%E3%81%AE%E5%BC%8F/> (data obrashcheniya 22.08.2024).

History of the study of the Petersburg Myth in China in the classical period of literary studies

Li Jialin

Postgraduate student; Faculty of Philology; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Salaryevskaya str., 16k3, sq. 437

✉ 18729379981@163.com



Abstract. The author considers the stages and main directions of research of St. Petersburg myth in China from 1980s to 2010s. The history of the study of St. Petersburg myth in China has more than 20 years. The study of St. Petersburg myth in China has gone through several stages. The end of the 20th century to the beginning of the 21st century is the classical stage of the study of St. Petersburg myth in China. The object of the article is Chinese works on St.

Petersburg myth and St. Petersburg texts during this period. The article summarizes the specific characteristics of Petersburg Myth in China. The main findings of this study summarize the situation and characteristics of Chinese studies on Petersburg myths from 1980 to 2010, and demonstrate the uniqueness of Chinese studies. The main features of this stage of research are the familiarity and interest of Chinese scholars in the theoretical study of the Russian school of mythology at the end of the 20th century, during which the theoretical foundations of St. Petersburg urban myths were formally studied. During the same period, studies of the relationship between Russian literature and religious spirituality and folk mythology began. The second stage is the first decade of the XXI century, when literature related to St. Petersburg began to be studied as a whole, and mythological symbols in these works began to be interpreted purposefully. The terms "Petersburg myth" and "Petersburg text" officially appeared in Chinese academic circles. By 2010, the primary phase of Chinese research on St. Petersburg myth had come to an end, and it had moved to a deeper level. The novelty of the study lies in a detailed examination of the ways and means of researching the Petersburg Myth in China, and the presentation of material in Russia.

Keywords: mythology, Myth, St. Petersburg, Moscow-Tartu Semiotic School, Petersburg literature, Vladimir Nikolaevich Toporov, Yuri Mikhailovich Lotman, St. Petersburg text, St. Petersburg myth, semiology

References (transliterated)

1. 孙超. 试析托尔斯泰短篇小说《奥凯尔维利河》中的彼得堡文本. // 文学理论. 2009. (5). (Sun' Chao. Testovyi analiz peterburgskogo teksta v rasskaze Tolstogo «Reka Okelvili». // Teoriya literatury. 2009. (5).
2. 杜国英. 彼得堡的“鼻子”和“眼睛”的现代神话传说——果戈理的《鼻子》和《肖像》的另类解读. // 名作欣赏. 2011. № 33 (No.377). (Du Guoying. Sovremennye mify i legendy o peterburgskikh nosakh i glazakh-al'ternativnaya interpretatsiya gogolevskikh nosov i portretov. // Masterpieces Appreciation. 2011. № 33 (No. 377).
3. 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神. : 湖南教育出版社, 1997. 228 s. (Khe Yun'bo. Dostoevskii i dukh russkoi kul'tury. Khunan'skoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 1997. 228 s.
4. 杨雷, 朱翠梅. 圣彼得堡在普希金诗歌中的形象——献给圣彼得堡建立300周年 // 俄罗斯文艺. 2003. № 06. (Yan Lei, Chzhu Kuimei. Obraz Peterburga v poezii Pushkina-posvyashchaetsya 300-letiyu osnovaniya Peterburga // Russkaya literatura i iskusstvo. 2003. № 06. 2003. № 06.)
5. 李薇. “文学研究中的哥白尼革命”:国内洛特曼研究述评 // 重庆工商大学学报(社会科学版). 2013. T. 30. № 04. S. 130–136. (Li Wei. «Kopernikanskaya revolyutsiya» v literaturovedenii: obzor otechestvennykh lotmanovskikh issledovaniy // Zhurnal Chuntsinskogo torgovo-promyshlennogo universiteta. 2013. T. 30. № 04. S. 130-136.)
6. 凌继尧. 苏联当代美学. : 黑龙江人民出版社, 1986. (Ling Tszhao. Sovremennaya sovetskaya estetika. : Narodnoe izdatel'stvo Kheiluntszyan, 1986.)
7. 凌继尧. 美学和文化学 记苏联著名的16位美学家. : 上海人民出版社, 1990. 334 s. (Ling Tszhao. Estetika i kul'tura: Shestnadtsat' znamenitnykh sovetskikh estetikov. : Shankhaiskoe narodnoe izdatel'stvo, 1990. 334 str.)
8. 林精华. 《彼得堡》:在人文价值内涵上空前增生的文本. // 国外文学. 1997. № 04. (Lin' Tszintzin. Peterburg: tekst bespredsedentnogo rosta gumanisticheskikh tsennostei. // Inostrannaya literatura. 1997. № 04.)
9. 凌继尧. 塔尔图—莫斯科学派——记苏联符号学家洛特曼和乌斯宾斯基 // 读书. 1987. № 03. S.

- 137–142. (Lin' Tsyao. Tartusko-moskovskaya shkola-vospominanie o sovetskikh semiotikakh Lotmane i Uspenskom // Chteniya. 1987. № 03. S. 137-142.)
10. 卢群. 陀思妥耶夫斯基笔下的彼得堡 // 俄罗斯文艺. 2004. № 04. S. 23–26. (Lu Tsyun'. Peterburg v Dostoevskom // Russkaya literatura. 2004. № 04. S. 23-26.)
 11. 孙静云. 洛特曼的结构文艺学 // 北京大学学报(哲学社会科学版). 1989. № 05. S. 74–81. (Sun' Tszin'yun'. Strukturnaya literatura Lotmana // Zhurnal Pekinskogo universiteta (filosofiya i sotsial'nye nauki). 1989. № 05. S. 74-81.)
 12. 吴元迈. 当代苏联文艺学方法概观 // 世界文学. 1986. № 03. S. 252–285. (Vu Yuan'mai. Obzor sovremennykh sovetskikh literaturnykh metodov // Vsemirnaya literatura. 1986. № 03. S. 252-285.)
 13. 汪介之. 远逝的光华 白银时代的俄罗斯文化. / 汪介之, 南京: 译林出版社, 2003. (Van Dzhei Zi. Utrachennoe velikolepie russkoi kul'tury v serebryanom veke. / Van Tszechzhi, Nankin: Izdatel'stvo perevodov, 2003.)
 14. 祖国颂. 试析《彼得堡》的叙事艺术. // 外国文学评论. 2002. № 04. (Oda Rodine. Povestvovatel'noe iskusstvo Peterburga. // Obzor inostrannoi literatury. 2002. № 04.)
 15. 缪秀慧. 小议“彼得堡文本”中的语义对立. // 俄语学习. 2009. (01). (Myao Syuikhuei. Semanticheskie oppozitsii v «Peterburgskom tekste» // Russian Studies. // Russian Language Learning. 2009. (01).)
 16. 许旺. 彼得堡与《青铜骑士》. // 临沂大学学报. № 04 (42). (Syui Van. Piterboro i «Mednyi vsadnik». // Journal of Linyi University. // Zhurnal Lin'iskogo universiteta. № 04 (42).)
 17. 赵爱国, 汪翔. 托波罗夫的“彼得堡符号”思想评略. // 俄罗斯文艺. 2002. (Chzhao Aiguo, Van Syan. Obzor idei Toporova o «peterburgskom simvole» // Russkaya literatura i iskusstvo. // Russkaya literatura i iskusstvo. 2002.)
 18. 张杰, 康澄. 结构文艺符号学. 北京: 北京: 外语教学与研究出版社, 2004. 206 s. (Chzhan Dzhei, Kan Chen. Strukturnaya literaturnaya semiotika. Strukturnaya literaturnaya semiotika. Pekin: Pekin: Izdatel'stvo po prepodavaniiyu inostrannykh yazykov i issledovaniyam, 2004. 206 s.)
 19. 康澄. 文化及其生存与发展的空间 洛特曼文化符号学理论研究. 南京: 南京: 河海大学出版社, 2006. 212 s. (Kan Chen. Kul'tura i ee prostranstvo vyzhivaniya i razvitiya: issledovanie teorii kul'turnoi semiotiki Lottmana. Nankin: Izdatel'stvo Universiteta Khokhai, 2006. 212 s.)
 20. 金亚娜. 果戈理的别样“现实主义”及成因 // 外语学刊. 2009. № 06. (Tszin' Yana. Raznyi «realizm» Gogolya i ego prichiny // Zhurnal inostrannykh yazykov. 2009. № 06.)
 21. 金亚娜. 充盈的虚无——俄罗斯文学中的宗教意识. 北京: 人民文学出版社, 2003. 390 s. (Tszin' Yana. Polnota nebytiya-Religioznoe soznanie v russkoi literature. Pekin: Izdatel'stvo «Narodnaya literatura», 2003. 390 s.)
 22. 吴倩. 彼得大帝的神话形象及其在文学中的反映. // 时代文学(双月上半月). 2009. № No.149(01). (U Tsyun'. Mifologicheskii obraz Petra Velikogo i ego otrazhenie v literature. // Times Literature (bimonthly first half). 2009. № 149(01).)
 23. 吴倩. 象征主义神话小说《彼得堡》. // 时代文学(双月上半月). 2009. № No.165(05). (U Tsyun'. Simvolistskii mifologicheskii roman «Peterburg». // Times Literature (raz v dva mesyatsa, pervaya polovina). 2009. 2009. № No.165(05).)
 24. 郑文东. 文化符号域理论研究. 武汉: 武汉大学出版社, 2007. 220 s. (Chzhen Ven'dun. Issledovanie teorii kul'turnogo simvolicheskogo domena. Ukhan': Izdatel'stvo Ukhan'skogo universiteta, 2007. 220 s.)
 25. 张海燕. 文化符号诗学引论 洛特曼文艺理论研究. 北京: 北京: 人民出版社, 2014. (Chzhan Khaiyan. Vvedenie v poetiku kul'turnykh simvolov: issledovanie literaturnoi teorii Lottmana. Pekin: Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 2014.)
 26. Povkh Yu. A. Peterburgskii mif v russkoi proze 1990–2000-kh godov: avtoreferat dis. ...

kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 // 2011.

27. Bartov A. The Myth of St. Petersburg // Osteuropa. 2003. № 9–10 (53).
28. V. N. Toporov Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo-SPB», 2003.
29. Toporov V. N. Peterburgskie teksty i peterburgskie mify. 1995.

Three translations of one poem by Ai Qing as representations of the three epochs in Russian poetry

Zykova Galina Vladimirovna

Doctor of Philology

Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119421, Russia, Moscow, Novatorov str., 36, building 1, sq. 97

✉ gzykova1966@gmail.com

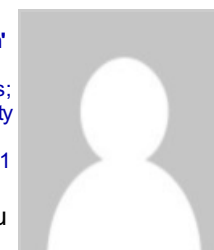


Tszou Sin'

Postgraduate student; Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process;
Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ summer0326@mail.ru



Abstract. The subject of the study are Russian poetic translations of the Soviet era as a phenomenon of Russian literature, their dependence on the dominant ideological and aesthetic attitudes, as well as – in some cases – on the artistic trends. The object of the analysis is the poem "I Love this Land" (1938) by Ai Qing, that belongs to Chinese cultural canon, as well as three Russian translations of it made by representatives of different generations: poet A. I. Gitovich (the text was published in 1952), sinologist L. E. Cherkassky (1978) and psycholinguist Yu. A. Sorokin (1981). The translations are compared with the original text and with each other; the nature and extent of the transformation of the original text are evaluated; the translations themselves are considered in the cultural context of their time. A comparative analysis has showed how modernist features of poetics are smoothed out in the 1952 translation (by Gitovich) (verlibre is rendered by rhythmized verse, some cause-and-effect relationships are clarified, etc.), Chinese poem is "domesticated" by introducing clichés; some elements of the original content are eliminated as not corresponding to the "correct" picture of the world. Cherkassky's translation, which is closest to the original, reveals the results of the translator's consistent and creative attention to modernist Chinese poetry, that became possible during the "Thaw". Sorokin's translation, polemically opposed to the traditions of translating Chinese poetry, turns out to be the most radical, which makes it possible to see in it a reflection of the aesthetic trends of the "second avant-garde". In the works devoted to Ai Qing's poetry rendering in Russia, some transformations to which his poems were subjected have been already noted; in our article, an attempt is made not only to describe such transformations consistently, but also to offer their explanation.

Keywords: Chinese poetry, L. E. Cherkassky, Yu. V. Sorokin, A. I. Gitovich, Russian poetry, modernism, problems of poetic translation, vers libre, Ai Qing, literary contacts

References (transliterated)

1. Chzhen Ts. Perevod i izuchenie tvorchestva Ai Tsina v Rossii // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2022. № 10. S. 101–107.
2. Ai Tsin. Vest' o rassvete: Stikhi i poetry / Per. s kitaiskogo A. Gitovicha. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1952.
3. Ai Tsin. Izbrannaya lirika / Per. s kitaiskogo i predisl. Yu. A. Sorokina. M.: Molodaya gvardiya, 1981.
4. Ai Tsin. Slovo solntsa: Izbrannye stikhotvoreniya. M.: Raduga, 1989.
5. Khuan'yui Chzhan. Russkie perevody stikhotvorenii Ai Tsina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2022. Seriya Istoriya i filologiya. T. 32. Vyp. 2. S. 350–354.
6. Lyu Chzhitsyan, Pervushina E. A. Zavetnaya zvezda Leonida Cherkasskogo: o perevodakh kitaiskikh poetov pervoi treti XX veka. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2019.
7. Bazylev V. N. Problemy perevoda. O perevodcheskom opyte Yu. A. Sorokina i o metricheskom perevode // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 2010. № 40. S. 125–128.
8. Sorokin Yu. A. Kitaiskaya poeziya i printsipy ee perevoda (po povodu stat'i L. Z. Eidlina «Poeziya Ai Tsina i ee perevod») // Sorokin Yu. A. Devyat' statei o poeticheskom tekste. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2009, s. 107–123.
9. Eidlin L. Z. Poeziya Ai Tsina i ee perevod // Inostrannaya literatura. 1983. № 2. S. 186–190.
10. 姚国建, 土地最忠诚的歌者, 艾青《我爱这土地》艺术欣赏, 文讯教育教学设计, 2003, 4: 19–20. (Yao Gotszyan'. Samyi predannyi pevets svoei zemli: Analiz stikhotvoreniya «Ya lyublyu etu zemlyu» Ai Tsina // Obrazovanie i metodiki prepodavaniya v Ven'syune. 2003. № 4. S. 19–20).
11. 段从学, 地之子的行吟—艾青诗歌中的土地, 个人与国家. 新诗研究的问题与方法研讨会论集, 2007: 125–136. (Duan' Tsunsyue. Pesnya syna zemli: zemlya, lichnost' i gosudarstvo v poezii Ai Tsina // Materialy seminara po problemam i metodam issledovaniy sovremennoi poezii. Pekin, 2007. S. 125–136).
12. 潘正文, 竭尽生命的守土抗争之歌, 名作欣赏, 2020, 12: 103–107. (Pan' Chzhenven. Pesnya o zashchite zemli kak glavnoi tseli zhizni // Znakomstvo s shedevrami. 2020. № 12. S. 103–107).
13. 李铁秀, 艾青《我爱这土地》赏读, 名作欣赏, 2007, 10: 67–70. (Li Tesyu. Analiz stikhotvoreniya «Ya lyublyu etu zemlyu» // Znakomstvo s shedevrami. 2007. № 10. S. 67–70).
14. 袁婷: 艾青的诗《我爱这土地》: 苦难土地的深情吟唱, 文学理论, 2017, 1: 104. (Yuan' Tin. Stikhotvorenie Ai Tsina «Ya lyublyu etu zemlyu»: prochnuvstvovannaya pesnya o stradanii zemli // Teoriya literatury. 2017. № 1. S. 104).
15. 邱水灵, 从“深沉”里见艾青的“深沉”, 中教研究, 2020, 2: 81–91. (Tsyu Shuilin. Analiz emotsii toski v stikhotvorenii «Ya lyublyu etu zemlyu» // Issledovaniya v oblasti kitaiskogo narodnogo obrazovaniya. 2020. № 2. S. 81–91).
16. 陈馨, 最高的自由:《我爱这土地》中“鸟”意向之解构, 作文成功之路, 2017, 7: 11. (Chzhen Sin'. Samaya vysokaya svoboda: analiz obraza ptitsy v stikhotvorenii «Ya lyublyu etu zemlyu» // Tainy sovershennoi kompozitsii. 2017. № 7. S. 11).
17. 魏玉莲, 笔底波澜谱写爱国华篇——比较杜甫《春望》和艾青《我爱这土地》, 名作欣赏/ 求同寻异, 2012, 7: 162–164. (Vei Yuilyan'. Sopostavlenie «Vesennei nadezhdy» Du Fu so stikhotvoreniiem Ai Tsina «Ya lyublyu etu zemlyu» // Sopostavitel'nyi analiz shedevrov. 2012. № 7. S. 162–164).
18. 黄磊, 对峙, 碰撞, 交融/ 浅析艾青《我爱这土地》的对比艺术, 散文百家(新语文活页), 2017, 8: 103–

107. (Khuan Lei. Protivopostavlenie, stolknovenie, sliyanie: Kratkii analiz iskusstva ispol'zovaniya priema kontrasta v stikhotvorenii Ai Tsina «Ya lyublyu etu zemlyu» // Sotni statei: Novyi kitaiskii kalendar'. 2017. № 8. S. 103–107).
19. Van E. Ornitologicheskie obrazy kak sredstvo vyrazheniya emotsii v lirike Valeriya Pereleshina // Grani poznaniya. 2018. № 1. S. 15–19.
20. Gitovich A. My vkhodim v Pishpek: Stikhi. M.; L.: LAPP – Ogiz – Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1931.
21. Sorok poetov. Kitaiskaya lirika 20-kh–40-kh godov / Per. s kitaiskogo, stat'i ob avtorakh i predisl. L. Cherkasskogo. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1978.
22. Cherkasskii L. E. Ai Tsin – Poddanniy Solntsa: kniga o poete. M.: Nauka, 1993.
23. Lyu Chzhizyan. Leonid Evseevich Cherkasskii v Kitae // Nauchnyi dialog. 2018. № 6. S. 82–90.
24. Four English Renderings of Ai Qing's Poem *I Love the Land*. – https://www.academia.edu/28830666/Four_English_Renderings_of_Ai_Qing_s_Poem_I_Love_the_Land (data dostupa: 17.09.2024)

Narrative strategies of Media discourse: motivating content of TikTok and YouTube visual platforms

Pavlov Dmitrii Nikolaevich

Lecturer; Department of Journalism; Griboyedov Moscow University
Postgraduate student; Department of Journalism, Media Communications and Advertising; Griboyedov Moscow University
Teacher of Russian language and literature; School No.2089

21 Entuziastov str., Moscow, 111024, Russia

✉ dima2011211@gmail.com



Abstract. The article introduces a previously non-studied category of motivating content in scientific discourse and substantiates its reception by the audience from a practical and functional point of view. Using the example of the representativeness of six TikTok videos (vertical content) and You-Tube (long horizontal content) platforms, the specific features of the audience's reception are considered. Firstly, for the first time in the article, through the prism of various approaches, a stereoscopic picture of the phenomenon under study is formed, namely: the composition of the videos, the reception of the viewer. It is also proved that their structure is based on the actualization of the narrative archetypes of fairy tales considered by V.Y. Propp. Secondly, the motivating content defines the sequence of narrative elements and highlights the key features of the syntagmatic plot unity. Thirdly, the author defines the means of artistic expression functioning in the narrators' speech, tropes and constructions that are grammatically unrelated to the members of sentences and affect the viewer's reception. The author also defines the functional feature of motivating content, which consists in a psychological and therapeutic function. As a research method, the author revives the theoretical textbook postulates of the fairy tale narrative, based on the decomposition of material to identify narrative matrices. The novelty of the work lies in the fact that for the first time the significant role of motivating content in the media space is substantiated, and the motivating content itself is analyzed as a separate formal and meaningful type of content, the originality of which is determined by literary-narrative, psychological components. In conclusion, the study identifies the main features of building motivating content on the You-Tube horizontal long videos media platform and TikTok short vertical videos service.

Keywords: fairytale narrative, magical fairy tale, media discourse, media narrative, narrator, viewer's reception, media content, motivating content, narrative, media space

References (transliterated)

1. Aimalova Yu. A. You-Tube kak kanal vliyaniya na obshchestvennoe mnenie / Yu. A. Aimalova // Vestnik nauki. – 2022. – № 3 (48). – S. 10-23.
2. Aleshchanova Irina Vladimirovna Narrativnost': opredelenie ponyatiya // Izvestiya VGPU., 2006. – № 3. – С. 43-47.
3. Bremon Kl. Strukturnoe izuchenie povestvovatel'nykh tekstov posle V. Proppa // Frantsuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s frants., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. S. 239-246.
4. Vozmozhnosti dlya prodvizheniya video na YouTube // Cossa : internet-izdanie o marketinge i kommunikatsiyakh v tsifrovoy srede. – URL: <http://www.cossa.ru/trends/132315/> (data obrashcheniya: 25.04.2021).
5. Dukhnovskii S. V. Perezhivanie psikhologicheskogo krizisa i situatsionnye reaktsii lichnosti / S. V. Dukhnovskii // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 1. – S. 78-81.
6. Istoriya brenda energeticheskikh napitkov 5-hour ENERGY // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNK39Uq7> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
7. Istoriya Uitni Vul'f // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNwyeURD>. (data obrashcheniya: 15.11.2023).
8. Istoriya Filippa Pleina // TikTok. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSNwyndJH> (data obrashcheniya: 15.11.2023).
9. Kontsevaya T. Yu. Kakoi kontent YouTube aktualen sredi internet-pol'zovatelei? / T. Yu. Kontsevaya, D. S. Byl'eva // Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva : trudy IX Mezhdunar. nauch.-teoret. konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2017. – S. 214-218.
10. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' / A. Maslou. – 3-e izd. – Sankt-Peterburg : Piter, 2012. – 352 s.
11. Molodoi Mett'yu Makkonakhi: "Ya i Ne Mechtal, Chto Stol'kogo Dob'yus'!" (Interv'yu 1997) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1a3w8AQTcMI> (data obrashcheniya: 04.11.2023).
12. Motivatsiya ot Dzheisona Stetkhema | Sovety ot gollivudskogo aktera // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rkBYGy_Mw3A&list=RDCMUClQwee4W3DnKOqZqtVEeN5Q&index=41 (data obrashcheniya: 06.11.2023).
13. Nagovitsyn A. E., Ponomareva V.I. Skazkoterapiya: teoriya i praktika. Tipologiya skazki. – Moskva : Genezis, 2011. – 336 s.
14. Nauchis' Dumat' Kak Millioner-Grant Kardon-Motivatsiya Uspekha // YouTube. URL: <https://youtu.be/AO6hFtjdouM?si=osRdnW7GmUhQSnx-> (data obrashcheniya: 05.11.2023).
15. Propp V. Ya. Morfologiya skazki / V. Ya. Propp. – Leningrad : Academia, 1928. – 152 s.

The use of thematic presentation as an audiovisual linguocultural means of language learning

Danilina Olga Vyacheslavovna

Senior Lecturer; Philological Faculty, Shenzhen MSU-BIT University
518172, China, Guangdong Province, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1, office 217

✉ olgadanilina@mail.ru

**Safronova Aleksandra**

Teacher; Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University
518172, China, Guangdong Province, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ ksandrine_saf@mail.ru



Abstract. The subject of this article is a presentation for a thematic lesson, which is a modern audiovisual tool widely used in the educational process. Audiovisual means develop listening skills, expand students' vocabulary and cultural knowledge, and increase interest in studying the functioning of the language. The interest of the Chinese audience in the use of various multimedia resources and the effectiveness of working with them is noted by many modern Chinese scientists engaged in research in the field of Chinese Russian studies. At the MSU-BIT University in Shenzhen, the use of thematic presentations pursues the following linguodidactic goals: increasing interest in Russian culture; mastering not only linguistic, but also paralinguistic aspects of communication; developing listening and speaking skills. The topics of the presentations are primarily related to memorable dates that are significant for both the Russian-speaking and the world community, as well as Russian holidays that are nationally specific. Methods of observation and description revealed that when creating a presentation, a careful selection of linguistic and cultural units is carried out. To resolve the issue of minimizing material in accordance with lexical minimums, cutting video/audio files is actively used. As an example, the article examines the presentations "Leo Tolstoy" and "Maslenitsa". The article concludes that the use of thematic audiovisual presentations brings interest, playful and creative elements to the lesson, enhances motivation for learning the language, awakens in students the desire to react more actively and emotionally to the material, develops sociocultural and social competencies of students, improves skills and abilities in all types of speech activity. The scientific novelty of this article lies in the fact that it examines current approaches to the use of audiovisual means in classes and suggests some types of modern, interesting tasks for presentations.

Keywords: critical thinking, innovative technologies, cutting of files, minimization of material, activation of the emotional background, authentic materials, creolized text, selection of linguistic and cultural units, audiovisual means, thematic presentation

References (transliterated)

1. Alikhanova S.R.K. Ispol'zovanie informatsionnykh komp'yuternykh tekhnologii na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo // Etnodialogi. – 2024. – № 2 (73). S. 240–245.
2. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Tekst] / S. L. Rubinshtein. – Moskva [i dr.]: Piter, 2009. – 705 s.
3. Levina G.M. Spetsifika prepodavaniya RKI v tsifrovuyu epokhu. Chasti 1, 2 // Monografiya. G.M. Levina. – Saratov: Ai Pi Er Media, 2019. – 191 s.

4. Yan Ke. Mul'timedia i Internet v obuchenii russkoi obshchestvenno-politicheskoi leksiki, vyrazhayushchei kitaiskuyu spetsifiku (na primere uchebnogo kursa «Chtenie pressy na russkom yazyke» v kitaiskikh vuzakh) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2016. – № 2. – S. 39–52.
5. Shchukin A.N. Metodika ispol'zovaniya audiovizual'nykh sredstv / A. N. Shchukin. – M.: Russkii yazyk, 1981. – 128 s.
6. Bazvanova T.N., Nikishina Yu.V., Moshkova S.E. Primenenie interaktivnykh tekhnologii i graficheskikh sredstv na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2023. – № 7. S. 86–92.
7. Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: Bazovyi kurs lektsii: posobie dlya studentov ped. vuzov i uchitelei / E. N. Solovova. – M.: Prosveshchenie, 2002. – 238 c.
8. Kodzhaspirova G.M. Tekhnicheskie sredstva obucheniya i metodika ikh ispol'zovaniya / G. M. Kodzhaspirova, K. V. Petrov. – M.: Akademiya, 2017. – 256 s.
9. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' / V. E. Chernyavskaya. – M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2009. – 248 s.
10. Zagumennikova N.V. Tsifrovye tekhnologii kak sposob optimizatsii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu // Prepodavatel' KhKhI vek. – 2023. – № 1-1. S. 165–178.
11. Vinnikova T.A. Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya kinoteksta: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / T. A. Vinnikova. – Barnaul, 2010. – 21 s.
12. Knyazev A.A. Osnovy telezhurnalistik i telereportazha. Uchebnoe posobie / Kyrgyzsko Rossiiskii Slavyanskii universitet. – Bishkek: Izd-vo KRSU, 2001. – 160 s.
13. Bernatskaya. A.A. K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie / A. A. Bernatskaya // Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik / Krasnoyar. gos. un-t; Pod redaktsiei A. P. Skovorodnikova. Vyp. 3 (11). – Krasnoyarsk: Krasnoyarskii universitet, 2000. – S. 104–110.
14. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): Ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003. – 128 s.
15. Azimov E.G. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obuchenii RKI: sostoyanie i perspektivy [Tekst] / E. G. Azimov // Russkii yazyk za rubezhom. – 2011. – № 6(229). – S. 45–55.
16. Akishina A.A. Uchimsya učit': dlya prepodavatela russkogo yazyka kak inostrannogo. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Rus.yaz. Kursy, – 2015. – 234 s.
17. Bogomolov A.N., Dunaeva L.A. Autentichnyi tekst i autentichnaya yazykovaya sreda v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Tekst] / A. N. Bogomolov, L. A. Dunaeva // Russkii yazyk za rubezhom. – 2018. – № 5. – S. 94–100.
18. Bragina A.A. Kniga i fil'm (o fil'makh – ekranizatsiyakh i kinotekste) // Sbornik statei pod red. V. G. Loginovoi. – M.: Russkii yazyk, 1989. – S. 22–27.
19. Bragina A.A. Kinourok:tsel', sredstva i etapy uchebnogo protsessa /A. A. Bragina // Russkii yazyk za rubezhom. – 1980 – № 1. – S. 77–82.
20. Voroshilova M.V. Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya / M. V. Voroshilova // Politicheskaya lingvistika. – Vyp. 20. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006. – S. 180–189.
21. Elukhina N.V. Osnovnye trudnosti audirovaniya i puti ikh preodoleniya // Obshchaya

- metodika obucheniya inostrannym yazykam: Khrestomatiya / Sost. A. A. Leont'ev. M.: Russkii yazyk, – 1991. – S. 226–237.
22. Zimnyaya I.A. Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku: (Na materiale rus. yaz. kak inostrannogo) / I. A. Zimnyaya. – M.: Russkii yazyk, 2013. – 219 s.
23. Kuz'mina N.A. Mediadiskurs: novye yavleniya i novye podkhody: kollektiv. monogr. / pod red. N. A. Kuz'minoy. – Omsk, 2010. – 446 s.
24. Shchukin A.N. Lingvostranovedenie i naglyadnost' (nekotorye voprosy teorii i praktiki) // Russkii yazyk za rubezhom. Russkii yazyk dlya inostrantsev. Sbornik statei. № 22. – M., 1982. – S. 172–177.
25. Shchukin A.N. Metodika ispol'zovaniya audiovizual'nykh sredstv (pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu v vuze). – M.: Vysshaya shkola, 1981. – 113 s.
26. Yazyk sredstv massovoi informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. M. I. Volodinoi. – M.: Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater, 2008. – 760 s.
27. exam – rossiiskii besplatnyi onlain konstruktor testov [Elektronnyi resurs]. URL: <http://didaktor.ru/4exam-rossijskij-besplatnyj-onlajn-konstruktor-testov/> (data obrashcheniya 24.08.2024).

The concept "Fear" in the Russian dialects of the Amur region (based on the material of verbal vocabulary)

Fang Haixu 

Independent researcher

680035, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Pacific street, 140, 306

✉ 362457061@qq.com

Sadchenko Valentina Tarasovna

Doctor of Philology

Professor, Higher School of Russian Philology, Pacific State University

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Karl Marx Ave., 68

✉ ValentinaSadchenko@yandex.ru



Abstract. The subject of the study is the description of the conceptual field of the linguistic activity in the Russian dialects of the Amur region, distinguished by local conditions of interdialectal contact. It is argued that the verbs can act as representatives of the picture of the world of native speakers of Russian dialects: the meanings of dialect verbs revealed in the process of analysis reflect the worldview of dialect speakers, the peculiarities of their life, interests, inclinations, psyche, behavior, the idea of native speakers of dialects about relationships between people.

The use of the field method, as well as elements of the cognitive commentary technique and quantitative comparisons made it possible to identify the features of the verbalization of culturally significant concepts for native speakers of the Amur region, and also allowed us to describe the concept "Fear". The relevance and novelty of the study lies in the fact that the specifics of the verb vocabulary in dialects remains poorly studied; For the first time, an attempt was made to study the dialect picture of the world of the inhabitants of the Amur region based on the material of one of the lexical-semantic groups of dialect verbs recorded in the "Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region". The main conclusions of this study summarize that the concept "Fear" in the Russian dialects of the Amur region has a structure: it consists of a core, a center and a periphery. The concept of "Fear" is expressed by

synonymous verbal lexemes, which represent a gradational series with the meanings "to experience a state of fear" and "to bring to a state of fear".

Keywords: dialectal language picture, fear, picture of the world, concept, Russian dialects of the Amur region, dialects, micropole, conceptual field, verbs of mental activity, verbal verbalization

References (transliterated)

1. Antipova A. A. Sposoby oboznacheniya stepeni intensivnosti emotsional'nogo sostoyaniya v russkom i ital'yanskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009. 166 s.
2. Butenko E. Yu. Strakh // Antologiya kontseptov. Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Tom 5. Volgograd: Paradigma, 2007. S. 104-113.
3. Vasil'ev L. M. Semanticheskie klassy glagolov chuvstva, mysli i rechi// Ocherki po semantike russkogo glagola: nekotorye voprosy uralo-altaiskogo yazykoznaniya. Ufa, 1970. S. 38-310.
4. Zaikina S. V. Emotsional'nyi kontsept "strakh" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh: Sopostavitel'nyi aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004. 188 s.
5. Ivanova F. P. Emotsional'no-otsenoch'naya glagol'naya leksika (na materiale russkikh govorov Priamur'ya) // Narodnye govory Dal'nego Vostoka. Khabarovsk: KhGPI, 1989. S. 28-35.
6. Lavrent'eva N. B. Ekspressivno-vyrazitel'naya glagol'naya leksika: na materiale govorov Novosibirskoi oblasti: dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1980. 207 s.
7. Minibaeva S. V. Leksikograficheskoe pole «Strakh» v sovremennom russkom yazyke // Put' nauki. №4. 2014. S. 88-89.
8. Oglezneva E. A. Chelovek v dialektnoi kartine mira (na materiale proizvodnykh imen sushchestvitel'nykh russkikh govorov Priamur'ya) // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 12. Blagoveshchensk: AmGU, 2001. S. 75-79.
9. Prikhod'ko V. K. Emotivnyi fond russkikh govorov Priamur'ya: avtoref. diss ... d-ra filol. n. Moskva, 2022. 36 s.
10. Russkaya glagol'naya leksika : denotativnoe prostranstvo : monografiya / L. G. Babenko, Yu. V. Kazarin, A. M. Plotnikova i dr.; pod. obshch. red. L. G. Babenko. Ekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta, 1999. 458 s.
11. Slovar' russkikh govorov Priamur'ya / avt.-sost. O. Yu. Galuza, F. P. Ivanova, L. V. Kirpikova, L. F. Putyatina, N. P. Shenkevets. 2-e izd., ispr. i dop. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2007. 544 s.
12. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; red. A. P. Evgen'eva. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. yaz., 1981–1984.
13. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. / pod red. V. I. Chernysheva. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.
14. Chernysheva O. I. Leksika, kharakterizuyushchaya cheloveka po vneshnim priznakam i vnutrennim kachestvam // Russkie narodnye govory: istoriya i sovremennost'. Arzamas, 2005. S. 253-255.
15. Chertykova M. D. Glagoly polya psikhicheskoi deyatel'nosti kak fragment mirovideniya khakasov // Novye issledovaniya Tuvy. 2015, № 2. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_26/7942-chertykova.html (data obrashcheniya: 05.09.2024).

16. Chertykova M. D. Glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti v khakasskom yazyke (sistemno-semanticeskii aspekt): diss. ... d-ra filol. nauk. Abakan, 2016. 500 S.

On Some Means Expressing Imperative Semantics in Middle Russian Business and Household Documents of the 16th – 17th Centuries

Iordani Natalia

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
Junior Researcher; Vnogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1c51

✉ iordani.natasha@yandex.ru



Abstract. The article is devoted to the use of verb forms (imperative and subjunctive mood) and syntactic constructions (dative subject + infinitive and dative subject + infinitive with a particle by) used to express imperative semantics in Middle Russian business and household sources of different genres. The paper studies such business sources of the 16th – 17th centuries related to clerical records management were investigated: ukaznaja gramota containing orders from the central secular and spiritual authorities to local officials; pamjat' reflecting the interaction of administrative persons and institutions. Household writing is represented by materials of private correspondence, which was informal and had no legal status, therefore, phenomena characteristic of a oral speech and not reflected in official documents are recorded in such sources. The paper uses a comparative method, which consists in comparing the contexts of the use of means of expressing imperative semantics. It was found that the verb forms and syntactic constructions expressing this meaning were distributed differently in the texts of different genres: ukaznaja gramota is characterized by the use of the subjunctive and imperative mood and the infinitive with a particle by. The forms of the subjunctive mood and the infinitive without a particle by with 3rd person subject are widely represented in pamjat'. The infinitive with the particle by appears in pamjat' in contexts with the 2nd person, as well as the forms of the subjunctive and imperative mood. Household sources are characterized by a high frequency of imperative mood compared to an infinitive with a particle by. The article presents a quantitative analysis of verb forms and syntactic constructions used to express imperative meaning in texts of different genres.

Keywords: clerical office work, source study, imperative semantics, subjunctive mood, imperative mood, infinitive with by, infinitive, Middle Russian, business writing, household writing

References (transliterated)

1. Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. M.: KomKniga, 2006.
2. Bulakhovskii L. A. Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku. Kiev: Ryadyans'ka shkola, 1958.
3. Gusev V. Yu. Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.
4. Zhivov V. M. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.

5. Kotkov S. I. O razvitii lingvisticheskogo istochnikovedeniya // Kotkov S. I. Izbrannye stat'i po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu i istorii russkogo yazyka / otv. red. L. Yu. Astakhina. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2021. S. 22–28.
6. Kotkov S. I. Russkaya chastnaya perepiska XVII–XVIII vv. kak lingvisticheskii istochnik // Kotkov S. I. Izbrannye stat'i po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu i istorii russkogo yazyka / otv. red. L. Yu. Astakhina. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2021. S. 228–242.
7. Kotkov S. I. O pamyatnikakh narodno-razgovornogo yazyka // Kotkov S.I. Izbrannye stat'i po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu i istorii russkogo yazyka / otv. red. L. Yu. Astakhina. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2021. S. 275–285.
8. Paducheva E. V. Konstruktsiya s nezavisimym infinitivom. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. [Elektronnyi resurs]. URL:<http://rusgram.ru> (data obrashcheniya: 10.12.2023).
9. Pichkhadze A. A. O funktsionirovanii grecheskikh knizhnykh zaimstvovaniy v drevnerusskom yazyke // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2007. № 1 (13). S. 73–84.
10. Rusanova S. V. Transformatsiya prikaznoi pamyati v usloviyakh preobrazovaniya regional'nogo deloproizvodstva v pervoi polovine XVIII v. // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2012. № 10. S. 70–74.
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D). M.: Nauka, 1977.
12. Tikhomirov M. N. Prikaznoe deloproizvodstvo v XVII v. // Tikhomirov M. N. Rossiiskoe gosudarstvo v XV–XVII vv. M.: Nauka, 1973. S. 348–383.
13. Khrakovskii V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa: Russkii imperativ. L.: Nauka, 1986.

Artificial intelligence in media communications and creative professions: threats and opportunities

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor, Department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

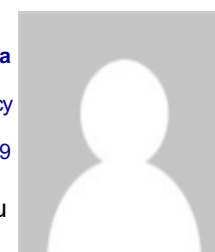


Korneeva Kristina Vladimirovna

General Director; Fullscreen Agency Communication Agency

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, room 709

✉ gurupavel@ya.ru



Abstract. The article is devoted to the study of the influence of artificial intelligence (AI) on modern journalism in the system of digital media communications. Both threats and opportunities introduced by new neural network technologies are under consideration. The article presents the results of a survey conducted among representatives of creative professions, the purpose of which was to find out the attitude to artificial intelligence and its role in their professional activities. The article focuses on the need for further research and regulation of the use of neural network technologies to minimize risks of their use in media

communications. To conduct the study, a survey method was chosen that allowed to collect quantitative data on the opinions and perceptions of AI by representatives of the media industry. The scientific novelty of this study lies in the systematic analysis of opinions and perceptions of AI among representatives of professions that receive their main financial income through creative and intellectual work, such as journalism, advertising and public relations, design, music, etc. Unlike most existing studies that focus on the technical aspects of AI, this study focuses on the social and ethical aspects of its application. This allows us to gain a more comprehensive understanding of the role of AI in society and identify key factors influencing its perception.

The practical significance of the study lies in the fact that its results can be used to develop recommendations for integrating AI into various spheres of life, as well as regulating issues of control over the use of neural network technologies in modern society. The results can also help analyze public sentiment and expectations, which will allow making targeted and effective decisions in the development and implementation of AI technologies.

Keywords: Ethics, Job Displacement, Machine Learning, Creativity, Automation, Neural networks, Creative professions, Media communications, Artificial intelligence, Survey

References (transliterated)

1. Antonov, V. P. *Iskusstvennyi intellekt i bol'shie dannye: osnovy analiza i interpretatsii* / V. P. Antonov. – M.: Yurait, 2021. – 384 s
2. Borisov, A. V. *Iskusstvennyi intellekt v avtomatizatsii proizvodstva* / A. V. Borisov. – SPb.: BKhV-Peterburg, 2018. – 512 s.
3. Bryus, A., & Sanders, T. (2017). *Iskusstvennyi intellekt: Printsipy i podkhody*. Moskva: Izdatel'stvo «Al'pina Publisher», 356 s.
4. Grigor'ev, M. N. *Integratsiya iskusstvennogo intellekta v biznes-protsessy* / M. N. Grigor'ev. – M.: DMK Press, 2021. – 296 s.
5. Ilyushin, A. G. *Iskusstvennyi intellekt i ego prilozheniya* / A. G. Ilyushin. – M.: KnoRus, 2021. – 448 s.
6. Krylov, A. S. *Neirosetevye tekhnologii i ikh primeneniye v sovremennoi nauke* / A. S. Krylov. – SPb.: Piter, 2022. – 344 s.
7. McKinsey & Company. (2023). *Generativnyi iskusstvennyi intellekt i budushchee sfery truda: vliyanie na zanyatost', proizvoditel'nost' i zarabotnuyu platu*. Global'nyi institut McKinsey. Dostupno onlain: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/generative-ai-and-the-future-of-work> (data obrashcheniya: 20 marta 2024 goda).
8. Morozov, D. V. *Primeneniye iskusstvennogo intellekta v upravlenii* / D. V. Morozov. – SPb.: BKhV-Peterburg, 2023. – 336 s.
9. Rassel, S., Norvig, P. *Iskusstvennyi intellekt: sovremenniy podkhod*. 4-e izd. – N'yu-Iork: Pearson, 2020. – 1136 s.
10. Sidorov, E. A. *Iskusstvennyi intellekt i kiberbezopasnost'* / E. A. Sidorov. – M.: Infra-M, 2021. – 352 s.
11. Sokolov, V. V. *Iskusstvennyi intellekt i etika: filosofskie aspekty* / V. V. Sokolov. – M.: Nauka, 2023. – 288 s.
12. Tegmark, M. *Zhizn' 3.0: byt' chelovekom v epokhu iskusstvennogo intellekta*. – N'yu-Iork: Alfred A. Knopf, 2017. – 364 s.
13. Frolov, D. S. *Iskusstvennyi intellekt v prave: vozmozhnosti i vyzovy* / D. S. Frolov. –

M.: Eksmo, 2022. – 304 s.

Research of resentment in the media communication space: opportunities and limitations

Kirillov Dmitrii Vyacheslavovich

Postgraduate student; Department of Mass Communications Management; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg

✉ st086170@student.spbu.ru



Abstract. The article is devoted to the review of research on resentment in the media communication space. The subject of this article is the study of resentment in the space of media communication. Resentment is a phenomenon that includes feelings of anger, resentment, envy, indignation, directly expressed on the media communication platforms. The purpose of the study is to study the role of resentment in shaping public opinion and strengthening political polarization through media reports. The text describes the historical and philosophical reflection of the concept of "resentment" in the scientific works of German philosophers F. Nietzsche and M. Scheler. The author has identified and analyzed three areas of research of the Nietzschean concept of resentment in mass communications. Firstly, it is a study of resentment in social networks, secondly– the mediatization of political resentment, and thirdly, the representation of resentment in cinema.

The article uses the theoretical foundations of sociology, media studies and cultural studies for a comprehensive analysis of resentment in the field of media communications. The scientific novelty of this study lies in the consideration of resentment in the context of media communication.

By integrating the three aspects presented, the study expands our understanding of resentment in the space of media communications. This study examines the role of resentment as part of a shift in structural power relations, evidence of a crisis in interpersonal relationships and the inability of individuals to fully control their actions, offering insight into how media reports can shape public opinion and fuel political polarization in the modern communication landscape.

In conclusion, it should be noted that this research article contributes to a broader understanding of resentment by analyzing its manifestations in the media communication space. Considering resentment in social networks, its mediatization in political contexts and representation in cinema, the study sheds light on the possibilities and limitations for future research in this area. The results of this study provide a valuable insight into how media communication forms and reinforces resentment, contributing to a deeper understanding of its impact on society and public discourse.

Keywords: sociology, cinema, communications, media communications, cinematography, mass communications, Nietzsche, Scheler, resentment, social networks

References (transliterated)

1. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication, 2007. Vol 1. P. 238-266.
2. Aeschbach S. Resentment: An Anatomy. Doctoral thesis. University of Geneva. Archive Ouverte UNIGE.

3. Nitshe F. K genealogii morali / Polnoe sobranie sochinenii: V 13 tomakh T 5 / Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk; redaktsionnyi sovet: P. P. Gaidaenko [i dr.]. - Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya. - 2012 - 480 s.
4. Apresyan R. G. Resentiment i istoricheskaya dinamika morali // Eticheskaya mysl'. Vyp. 2 / otv. red. A. A. Guseinov. M.: IF RAN, 2001. S. 27-40.
5. Sheler M. Resentiment v strukture moralei / per. s nem. A. N. Malinkina. SPb.: Nauka; Universitetskaya kniga, 1999. - 231 s.
6. Halsall, R. 'Sloterdijk's theory of cynicism, resentment and "horizontal communication"' // International Journal of Media and Cultural Politics. 2005. Vol 1(2). P. 163-179.
7. Bakshutova E. V. Problema resentiementoemkosti etosa setevoi sredy: sotsial'naya epistemologiya setevogo resentiementa // Vestnik SamGTU. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki. 2018. № 3 (39). S. 19-35.
8. Salmela M. Capelos T. Resseniment: A Complex Emotion or an Emotional Mechanism of Psychic Defences? // Politics and Governance. 2021. Vol. 9 (3). P. 191-203.
9. Ceilutka K. The discontents of competition for recognition on social media: Perfectionism, resentment, and collective narcissism // Philosophy and Social Criticism. 2023. Vol. 49 (4). P. 409-430. Gomes K.D.
10. Kruglova T. A. Kontsept «resentiment» kak perspektivnyi teoreticheskii resurs analiza protestov protiv oskorbitel'nogo iskusstva // Koinon. 2020. T. 1. № 1-2. S. 104-124.
11. Mutz D. Reeves B. The new videomalaise: Effects of televised incivility on political trust // American Political Science Review. 2005. Vol 99(1). P. 1-15.
12. Carpinì D. Michael X. After Broadcast NewsMedia Regimes, Democracy, and the New Information Environment. Kartoniert, Cambridge University Press. 2011. 376 p.
13. Razlogov K.E., Kochelyaeva N.A. Dialogi s sovetkim: refleksii na sovetское v sovremennom rossiiskom i zarubezhnom kinematografe// Istoricheskie 19 transformatsii kul'tury: kontsepty, smysly, praktiki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (XVI Kolosnitsynskie chteniya) / Pod red. N.B. Kirillovoi, I.Ya. Murzinoi. Ekaterinburg: UrFU, 19-20 noyabrya 2021. S. 319-326.
14. Chung H. Beyond 'Extreme': Rereading Kim Ki-Duk's Cinema of Resseniment // Journal of Film and Video. 2010. Vol. 62 (1-2). P. 96-111.

The text of mass communication in the modern media cultural space

Kuptsova Irina Aleksandrovna 

Doctor of Cultural Studies

Professor, Department of Media Education; Moscow State Pedagogical University

115470, Russia, Moscow, Verkhnyaya Radishchevskaya str., 16-18, room 209

✉ ki-06@list.ru

Vladimirova Tatyana Nikolaevna 

Doctor of Pedagogy

Vice-Rector for Public Relations; Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education;
Moscow State Pedagogical University

109240, Russia, Moscow, Verkhnyaya Radishchevskaya str., 16-18, office 10

Abstract. The article presents an analysis of various theoretical and methodological approaches to determining the essence and content of modern mass culture, media culture, media text and media education. The key role of the axiological approach in the creation of media texts distributed by mass media is revealed. The structure of media texts is considered in the context of the value-semantic aspect of their creation and representation. Using the example of photography, the process of creating modern media texts and their role in the structure of mass communication is analyzed. Separately, the issue related to the development of artificial intelligence as a means of creating and replicating media products in the context of the dominance of new media was raised. Media education is presented as a system of training media professionals and ordinary users to interact in the context of digital media communications. The special role of the value approach in the formation of media professionals is noted. The methodology of the research is determined by an axiological approach in combination with a system-functional and semantic analysis of the stated problems. The main conclusions of the article are the following : 1. mass culture acts as a condition for the development of mass communication media and determines the nature and content of the media texts represented; 2. mass communication media form a global sphere - media space, which is characterized by transformational processes caused by the development of new media 3. texts of mass communication in the modern media space are created by both media professionals and users who do not have special training. At the same time, the share of content created without the participation of professionals dominates the media space; 4. Neural networks act as a new type of "authors" of media content, creating both text materials and visual content, the quality of which is rapidly improving, competing with professional materials; 5. Media education plays a key role in training not only media professionals, but also any user. It should be based on a value-semantic approach that determines the content of the created media materials and the choice of ways to distribute them.

Keywords: the text of mass communication, media education, popular culture, media and cultural space, mass communication media, media text, media culture, artificial intelligence, media, visual text

References (transliterated)

1. Kuptsova I.A. Sotsiokul'turnye mekhanizmy adaptatsii lichnosti v usloviyakh sovremennoi massovoi kul'tury: dissertatsiya ... kandidata kul'turoi. nauk: 24.00.01. Orel, 2002. – 176 s.
2. Soldatkina Ya.V. Problemy segmentatsii kontenta v SMI i novye vozmozhnosti mobil'nykh messendzherov // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2018. № 3. S. 323-330.
3. Litvinova E.N. Massovaya kul'tura i massovaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom prostranstve: k probleme vzaimodeistviya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. № 1. S. 195-199.
4. Solganik G.Ya. K opredeleniyu ponyatii «tekst» i «mediatekst» // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2005. № 2. S. 15.
5. Lugovaya Yu.A. Semiotika mediinogo teksta v kul'turfilosofskom izmerenii: diss ... kand. filos. nauk. M., 2013.
6. Fedorov A.V. Slovar' terminov po mediaobrazovaniyu, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti / A.V. Fedorov. – M.: MOO «Informatsiya dlya vsekh», 2014. S. 26.

7. Fakhrtdinova, L. R. Mediakul'tura, kak ob''ekt issledovaniya / L. R. Fakhrtdinova // Tribuna uchenogo. 2021. № 6. S. 118-122.
8. Slavina V.A., Soldatkina Ya.V. Mediakul'tura kak fenomen informatsionnoi epokhi // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2021. № 2. S. 286-293.
9. Dzyaloshinskii I.M. Medialingvistika v kontekste transformiruyushchikhsya media // Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie. 2014. № 4 (40). S. 74-83.
10. Zhilavskaya I. V. Mediaobrazovanie molodezhi / I. V. Zhilavskaya. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2018.

The Virtues of Confucian Philosophy in Modern Public Relations

Dorskiy Andrei Yur'evich 

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Mass Communications Management; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ dorski@yandex.ru

Ma Xinyi

Postgraduate student; Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

✉ fxsjxfh@126.com



Abstract. The subject of the study is the importance of Confucian ethics of virtues for public relations. The authors consider the history of the study of the ethics of virtues as explaining the ethics of PR theory. It is stated that the study of the role of Confucian teaching for modern market relations has been actively conducted over the past decades both in China and in a number of other countries, but the ratio of Confucian virtues and PR principles has not yet become the subject of special research. The aim of the work is to provide theoretical support for the development of more effective communication strategies. A comparative study of the "five constants" (benevolence, righteousness, decency, wisdom and trust) is being conducted classical Chinese Confucian philosophy and modern ethical principles expressed in PR practices. After the reconstruction of the content of each of the five virtues, its manifestation in communicative business practices should be considered. The authors have demonstrated that Confucian virtues contribute to the harmonization of public communications, improve the image and reputation of companies, and ultimately increase their capitalization. In conclusion, the authors point out the positive and negative importance of Confucian philosophy for the development of public relations. In particular, it is noted that the radical opposition of kindness to benefit prevents the spread of market relations, and the emphasis on personal relationships does not contribute to institutional order. Nevertheless, the authors believe that the study of the ethical teachings of Confucianism contributes to better intercultural interaction with representatives of East Asian cultures, and following this teaching in general can contribute to the harmonization of public communications and increase the moral status of public relations on a global scale.

Keywords: trust, wisdom, decency, righteousness, benevolence, communication strategies,

virtues, PR ethics, Confucianism, tradition and modernity

References (transliterated)

1. Shilkina I. S. Etika i svyazi s obshchestvennost'yu: uchebnoe posobie dlya studentov spetsial'nosti «Psikhologiya». Moskva: Moskovskii gos. un-t putei soobshch. (MIIT), 2010. 96 s.
2. Bostandzhyan E. K., Pal'chik S. S. Etika professional'noi deyatel'nosti: reklama i svyazi s obshchestvennost'yu. Rostov-na-Donu: Rostovskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2019. 104 s.
3. Fawkes J. Public Relations Ethics and Professionalism. London: Routledge, 2014. 258 p.
4. Parsons P. J. Ethic in public relations: a guide to best practice (3rd ed.). London, Philadelphia, New Deli: Kogan Page Pablshers, 2016. XVII+192 p.
5. Buday-Sántha A. Business and PR ethics – Current affairs of business ethics and communication – Professional ethics // Acta cultura et paedagogicae. Pécs: University of Pécs. 2021. Pp. 124-141.
6. Bowen S. A. A Theoretic Perspective on the Evolution of Ethics for PR Theory // Public Relations Theory III. New York: Routledge, 2023. Pp. 487-502.
7. Bowen S. A. Public Relations Ethics. The international encyclopedia of communication. Malden, MA; Blackwell Pub., 2008. Pp. 3997-4000.
8. Ni Chen, Culbertson. H. M. Public Relations in Mainland China: An Adolescent with Growing Pains // The global public relations handbook: theory, research, and practice. New York: Routledge, 2009. Pp. 23-45.
9. Harvey B. «Graceful Merchants»: A Contemporary View of Chinese Business Ethics // Journal of Business Ethics. 1999. № 20. Pp. 85-95.
10. Koehn D. What Can Eastern Philosophy Teach Us About Business Ethics? // Journal of Business Ethics. 1999. № 19. Pp. 71-79.
11. Hanafin J. Morality and the Market in China: some Contemporary Views // Business Ethics Quarterly. 2002. № 12(1). Pp. 1-18.
12. Chan A. K. K., Ip Po-Keung, Lam Kit-Chun J. Business Ethics in Greater China: An Introduction // Journal of Business Ethics. 2009. № 88 (1). Pp. 1-9.
13. Lusiana Y., Tjaturrini D., Supriadi N., Widodo H. Chopsticks philosophy: Confucianism on the work ethic of East Asian nations // International Journal of Chinese Culture and Management. 2024. Vol. 5, I. 4. Pp. 329-349.
14. Kochetkova A. A. Vliyanie kitaiskoi filosofii na formirovanie biznes-etiki // Vestnik nauchnykh konferentsii. 2016. № 2-4(6). S. 62-64.
15. Khazan M. Yu., Chernova A. F. Sravnitel'nyi analiz bazovykh elementov biznes-etiki rossiiskoi i kitaiskoi kul'tur i vozmozhnosti ego prakticheskogo primeneniya v organizatsii vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 14. S. 64-66.
16. Zhu Yunxia. Confucian Ethics Exhibited in the Discourse of Chinese Business and Marketing Communication // Journal of Business Ethics. 2009. V. 88. Pp. 517-528.
17. Ames R. T. Confucian Role Ethics: A Vocabulary. Honolulu: University of Hawaii Press, 2011. 352 p.
18. Mattice S. Confucian role ethics: Issues of naming, translation, and interpretation // The Bloomsbury Research Handbook of Early Chinese Ethics and Political Philosophy. New York: Bloomsbury Academic, 2019. Pp. 25-44.

19. Li Yuan, Chia R., Gosling J. Confucian Virtue Ethics and Ethical Leadership in Modern China // *Journal of Business Ethics*. 2023. V. 182. Pp. 119-133.
20. Platonov R. S. Antropologicheskii povorot etiki dobrodeteli: reaktualizatsiya etiki Aristotelya vo vtoroi polovine KhKh veka // *Chelovek*. 2023. T. 34. № 6. S. 28-47.
21. Velasquez M., Andre C., Shanks T. Ethics and Virtue // Markkula Centre for Applied Ethics, Santa Clara University. URL: <http://www.scu.edu/ethics/practicing/decision/ethicsandvirtue.html> (data obrashcheniya: 05.08.2024).
22. Swanton C. *Virtue Ethics: A Pluralistic View*. Oxford: Clarendon Press, 2003. Pp. XII+312.
23. *Working Virtue: Virtue Ethics and Contemporary Moral Problems*. Ed. R. L. Walker, P. J. Ivanhoe. Oxford: Clarendon Press, 2007. 330 p.
24. *Business Ethics: A Virtue Ethics and Common Good Approach*. Ed. A. J. G. Sison, I. Ferrero, G. Guitián. London: Routledge, 2018. 232 p.
25. Robinson R. M. *Business Ethics: Kant, Virtue, and the Nexus of Duty: Foundations and Case Studies*. Cham: Springer, 2024. 366 p.
26. Williams O. F., Murphy P. E. The ethics of virtue: A moral theory for marketing // *Journal of Macromarketing*, V. 10, I. 1. 1990. Pp. 19-29.
27. Harrison J. Conflicts of duty and the virtues of Aristotle in public relations ethics: Continuing the conversation commenced by Monica Walle // *PRism*. 2004. T. 2. №. 1. Pp. 1-7.
28. Browning N. The Ethics of Two-Way Symmetry and the Dilemmas of Dialogic Kantianism // *Journal of Media Ethics*. 2015. № 30(1). Pp. 3-18.
29. Browning N. Ethics in Public Relation. *The SAGE Encyclopedia of Journalism* (2nd ed.). Sage, 2022. Pp. 1353-1357.
30. Foot Ph. *Virtues and vices and other essays in moral philosophy*. Berkeley: University of California Press, 1978. XIV+207 p.
31. Hoof van S. *Understanding Virtue Ethics*. London: Routledge, 2006. 192 p.
32. Osipova E. A. Rol' religioznykh tsennostei v ukreplenii statusa svyazei s obshchestvennost'yu // *Rossiiskaya shkola svyazei obshchestvennost'yu*. 2024. Vyp. 33. S. 67-84.
33. Karimova G. S., Hoffmann N. C., Heidbrink L., Hoffmann, S. Virtue Ethics Between East and West in Consumer Research: Review, Synthesis and Directions for Future Research // *Journal of Business Ethics*. 2020. T. 165. № 2. Pp. 255-275.
34. Sison A. J. G., Ferrero I., Redín D. M. Some Virtue Ethics Implications from Aristotelian and Confucian Perspectives on Family and Business // *Journal of Business Ethics*. 2020. № 165. Pp. 241-254.
35. Van Tszyun'lin. O sovremennoi tsennosti «pyati postoyannykh» // *Institut issledovani Konfutsiya*. 21.02.2023. URL: <http://www.kongziygy.org/plus/view.php?aid=4949> (data obrashcheniya: 30.03.2024).
36. Le Duc A. Confucian Communication Ethics in Media: A Short Introduction // *SSRN*. 28 Jun 2003. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4485017 4485017. (data obrashcheniya: 30.03.2024).
37. 说文解字/ 编著 陈亦儒. 北京: 研究出版社, 2018. 435 s.
38. 论语. 长沙: 岳麓书社, 2018. 275 s.
39. 孟子. 济南: 齐鲁书社, 2009. 258 s.
40. 谢选骏. 论语谢选骏翻新升级版: 《翻升》和《论语》的对话, 2016. URL: <http://surl.li/sephz>. (data

obrashcheniya: 30.03.2024).

41. 王春慧. 科布泽夫《大学》俄译本中文化负载词的翻译评析 // 现代语言学. 2023. № 11(4). S. 1539-1544.
42. Chizhova G. O., Kalieva O. M. Sovremennye podkhody k opredeleniyu ponyatiya PR (public relations) // Academy. 2016. №11 (14). S. 21-24.
43. 礼记. 北京:金盾, 2010. 645 s.

Comparative study of the ways of euphemisms formation in Russian and Chinese languages

Yang Lin 

Postgraduate student; Department of General and Comparative Historical Linguistics ; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie gory, 1, Building W, 705 P

✉ yanglin9420@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the use and methods of euphemisms formation in Chinese and Russian. Russian and Chinese belong to different language systems, but there are a huge number of euphemisms in Russian and Chinese that are widely used in many fields, and there are similarities in the ways of expressing euphemisms in Russian and Chinese. The object of the study is euphemisms in Russian and Chinese. The comparative study of the ways of expressing these euphemisms mainly from linguistic and cultural points of view are the subject of research. The research methods in this article are descriptive, classification method, deductive, comparative historical and comparative. The novelty of the article lies in the comparative analysis of euphemisms in Russian and Chinese. Russian euphemisms are presented in the works of Zhang Chang "Euphemization in Russian and Chinese: linguoculturological and linguopragmatic aspects", V. A. Akbash "Comparative analysis of national and cultural characteristics of the origin and functioning of euphemisms in Chinese and Russian languages", as well as a study of euphemisms associated with coronavirus, presented in the work of M. A. Akbash. S. Belova and E.A. Kindler "Structural and semantic features of euphemisms and dysphemisms (based on German-language articles on the topic of coronavirus) and Starshinova P.P. "Euphemisms in journalistic discourse (based on materials from English-language media devoted to coronavirus)", while there are prospects for comparing methods of classification by semantic features and methods of euphemism formation in Russian and Chinese. It was revealed that the linguistic ways of forming euphemisms are divided into phonetic, lexico-semantic, and phraseological ones.

Keywords: semantics, phraseology, vocabulary, a comparative study of languages, phonetics, linguistic ways of formation of euphemisms, euphemism, Russian, Chinese, language and culture

References (transliterated)

1. Akbash V. A. Sopostavitel'nyi analiz natsional'no-kul'turnykh osobennostei proiskhozhdeniya i funktsionirovaniya evfemizmov v kitaiskom i russkom yazykakh // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya, № 2, 2020. – S. 587-590.
2. Belova O.V. Kindler. E.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti evfemizmov i disfemizmov (po materialam nemetskoyazychnykh statei, posvyashchennykh teme koronavirusa) // Yazyk v sfere professional'noi kommunikatsii: sbornik materialov

- mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov i studentov. Ekaterinburg: Izdatel'skii Dom «Azhur», 2023. – S. 118-126.
3. Katsev A.M. Evfemizmy v sovremennom angliiskom yazyke (opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / A.M. Katsev. L., 1977. – 190 s.
 4. Kovshova M.L. Semantika i pragmatika evfemizmov / M.L. Kovshova. M.: Enozis, 2007. – 320 s.
 5. Krysin L. P. Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi. Rusistika. – Berlin, 1994, № 1-2. – S. 28-49.
 6. Moskvina V.P. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya / V.P. Moskvina // Vopr. yazykozn. 2001. No 3. S. 58-70.
 7. Senichkina E. P. Evfemizmy russkogo yazyka: Spetskurs [Elektronnyi resurs]: ucheb. posobie / E.P. Senichkina. – 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2012. – 120 c.
 8. Starshinovoi P.P. Evfemizmy v publitsisticheskoi diskurse (na materialakh angloyazychnykh SMI, posvyashchennykh koronavirusu) // Den' nauki: sbornik statei XXII studencheskoi nauchnoi konferentsii. Samara: SF GAOU VO MGPU, 2021. – S. 233-236.
 9. Chzhan Chan'. Evfemizatsiya v russkom i kitaiskom yazykakh: lingvokul'turologicheskii i lingvopragmaticheskii aspekty: dis... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013. – 208 s.
 10. 庞兆勋. 汉语委婉语构成方式研究. 新疆:新疆师范大学, 2009. 20-34. (Pan Chzhaosyun' Analiz sredstv obrazovaniya evfemizmov kitaiskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk / Pan Chzhaosyun'. Sin'tszyanskii pedagogicheskii universitet. Sni'tszyan, 2009. – S. 20-34)
 11. 陈望道. 修辞学发凡. 上海:复旦大学出版社, 2012. 238页. (Chen' Vandao Ritorika Fafan. Shankhai: Fudan'skii universitet, 2012. – 238 s.)
 12. 李军华. 汉语委婉语研究. 北京:中国社会科学出版社, 2010. 2, 4, 256页. (Li Tszin'khua Analiz evfemizmov v kitaiskom yazyke. Pekin: Kitaiskaya sotsial'naya nauka, 2010. – 265 s.)
 13. 邵军航. 委婉语研究. 上海. 2007. 140 页. (Shao Tszin'khan. Issledovanie evfemizmov: dis... dokt. filol.nauk. Shankhai, 2007. – 140 s.)
 14. 张拱贵. 汉语委婉语词典. 北京:北京语言文化大学出版社, 1996. 303 页. (Chzhan Gungui. Slovar' evfemizmov kitaiskogo yazyka. Pekin: Pekinskii universitet yazykov i kul'tury, 1996. – 303 s.)

Naming of characters in computer game discourse as a factor in the development of translingualism and transculturality in the world (based on the material of the game Genshin Impact)

Timofeeva Marta Nikolaevna 

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10k2, room 643

✉ martimo2001@mail.ru

Fedyurko Alina Artemovna

Graduate student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship



Abstract. This article examines the influence of video games on the interpenetration of world languages and cultures. The object of the study is video game discourse. The subject is the naming of video game characters as an element of the development of translingualism and transculturalism in the world. The material of the study is an onymic of one of the most popular video games – Genshin Impact. The author examines such aspects of the topic as the emergence of key research concepts – translingualism and transculturality, video games as an artistic text, mechanisms for translating cultural values and linguistic features of a global audience through naming and the consequences of their impact on the linguistic picture of the world of gamers. The purpose of the study is to analyze the naming of the Genshin Impact video game as one of the mechanisms for the spread of translingualism and transculturality, which determines the formulation of the following tasks: 1) identification of the principles of naming Genshin Impact characters and their classification; 2) selection of names of Genshin Impact characters to illustrate the highlighted naming strategies; 3) consideration of the influence of game naming on the linguistic personalities of gamers. The following methods were used in the study: a functional analysis of the mechanisms of "naming" the characters of the video game Genshin Impact, a selection of character names, an analysis of the influence of naming the game on the linguistic personalities of the players. The relevance of the research is due to the study of translinguism and transculturalism – important phenomena of modernity due to changes in the structure of society and the dynamics of cultural processes. The analysis of the names of the characters in the game Genshin Impact, which is an example of a transcultural product, will reveal how the linguistic and cultural features of naming affect the perception of the game world and form multicultural competence among players. The research will reveal the mechanisms of translation of cultural values and linguistic features through naming in the context of a global audience, which is important for understanding the process of cultural exchange in the modern world.

During the experiment, we obtained the following results: 1) there are four strategies for nominating Genshin Impact heroes: reflecting the appearance of characters, precedent phenomena, unique game mechanics, as well as tracing paper; 2) the names of heroes reflect the linguistic and cultural realities of different countries (China, Japan, Germany, etc.); 3) naming the Genshin Impact video game promotes the development of translingualism and transculturality of players from different countries.

Keywords: precedent name, game discourse, Chinese language, linguoculture, Genshin Impact, video game, game, transculturality, translinguality, precedent phenomenon

References (transliterated)

1. Vitgenshtein L. I. *Filosofskie issledovaniya* / per. s nem. L. Dobrosel'skogo. M.: ACT: Astrel', 2011.
2. Vodovatova T. E., Kincharov V. A. *Videoigra: tekstovaya priroda, osobennosti semiotiki* // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka. 2019. №. 2. S. 113-117.
3. Gadamer G.-G. *Igra iskusstva* / per. s nem. A.V. Yavetskogo // Voprosy filosofii. 2006. № 8.

4. Kal'nov D. D. Priemy i osobennosti perevoda imen sobstvennykh v videoigrakh // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2023. № 10-2 (85). S. 120-122.
5. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987.
6. Li Ya. Pretsedentnoe imya i ego konnotatsii // Litera. 2020. № 4. S. 30-36. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.4.32815 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_32815.html
7. Proshina Z. G. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2017. T. 14, № 2. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170.
8. Kheizinga I. Chelovek igrayushchii / sost., per. i predisl. D. Sil'vestrova; komm. D. Kharitonovicha. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011.
9. Yarenchuk E.E. Ponyatie komp'yuterno-igrovogo diskursa // Perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika. 2019. № 6. S. 74-80.
10. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / perevod Harriet de Onis, Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA, 1995.
11. Pennycook A. Global Englishes and transcultural flows London and New York: Routledge, 2007.
12. Rojas O. Genshin Impact player count – is Genshin Impact still popular? 15 jan. 2024. URL: <https://www.esports.net/news/genshin-impact-player-count/>

The artistic space in the fantastic story with the prerequisites of O.I. Senkovsky's fantasy "Satan's Big Exit"

Korobeinikova Yuliya Sergeevna

Russian Russian Language Teaching Assistant; Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian; Orenburg State University

460050, Russia, Orenburg, Tereshkova str., 134/1

✉ yulyakorobeynikova@mail.ru



Abstract. The subject of the study is the spatial organization of O.I. Senkovsky's fantastic story "Satan's Big Exit". The object of the research is the artistic space in fantasy literature. The author examines in detail the features of the artistic space in such a genre of fantastic literature as fantasy, which begins its formation in the XIX century and has a direct impact on the formation of Russian fantastic prose. Special attention is paid to the types of artistic conventions (according to the classification of E.N. Kovtun), which set the specifics of the artistic space and define the genre variety of a literary work. E.N. Kovtun considers fantasy as one of the independent types of artistic conventions, along with rational (scientific) fiction, fairy tale, mythological, satirical and philosophical conventions that form the corresponding genre structures. Descriptive, comparative and analytical methods were used in the process of exploring the artistic space. Approaching the question of the specifics of the spatial organization of O.I. Senkovsky's fantastic story "Satan's Big Exit", we turned to structural, descriptive and comparative methods that allowed us to identify the heterogeneity and ambiguity of the genre of this work. The conducted research of the artistic space in the fantastic story of the XIX century allows us to talk about the heterogeneity of the genre varieties of Russian fantasy literature of the XIX century. In addition, the spatial organization of O.I. Senkovsky's novella "Satan's Big Exit" correlates with the spatial organization of works of the fantasy genre. Thus, the specificity of the artistic space of this work took a dominant place in the literature of subsequent eras. The main conclusions of the study are that the

presence of a fantastic component determines the genre variety of the work; the features of the fantasy genre are embodied in the story of O.I. Senkovsky, influencing the plot and narrative of the work; the structure of the artistic space as a whole correlates with the structure of the fantastic space. In the organization of the artistic space, the functions of the artistic space, the basic techniques, the principle of two worlds, spatial oppositions formed by such traditional spatial images as home, antidor, path, road and border play an important role.

Keywords: varieties of fantasy, a fantastic element, spatial image, the functions of the art space, Russian literature, fantastic prose, fantasy, Senkovsky, fantastic literature, art space

References (transliterated)

1. Tozzyakova E. A. O. I. Senkovskii – baron Brambeus: printsipy khudozhestvennogo miromodelirovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 / Tomsk, 2007. – 18 s.
2. Dubrovskaya S.A. Pereaktsentsuatsiya smekhovogo slova v proze O. I. Senkovskogo 1830-kh godov // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2018. № 2. S. 120-129. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.2.26205 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_26205.html
3. Pedrotti L. Jozef Julian Senkovski: The Genesis of a Literary Alien / San Franscisco, 1965. – 287 s.
4. Gurevich G. I. Besedy o nauchnoi fantastike: Kn. dlya uchashchikhsya / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshchenie, 1991. – 158 s.
5. Russkaya fantasticheskaya proza XIX – nachala XX veka / Sost., poslesl. i prim. Yu. M. Medvedev; Il. I. N. Mel'nikova. M.: Pravda, 1989. – 480 s.
6. Likhachev D. S. Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie / SPb: Aleteiya, 1997. – 550 s.
7. Bukaty E. M. Poetika khudozhestvennogo prostranstva: uchebnoe posobie / Novosibirsk: Novosibirskii gos. tekhnicheskii un-t, 2008. – 101 s.
8. Lotman Yu. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya // V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1988. – S. 251-292.
9. Kovtun E. N. Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka: uchebnoe posobie. M.: Vyssh. shk., 2008. – 407 s.
10. Kovtun E. N. Poetika neobychainogo. Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny KhKh veka). M.: Izd-vo MGU, 1999. – 308 s.
11. Polyakova E. A. Teatral'nost' v literature // Novyi filol. vestnik. 2008. № 2 (7). – S. 37-38.

Linguistic peculiarities of English civil aviation texts

Mel'dianova Anna Valer'evna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Language and Translation Studies at Moscow Aviation Institute
(National Research University)

125993, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Volokolamskoe Shosse, 4

✉ meldianova_av@mail.ru



Bogdanovskii Grigorii Vladimirovich

Master's degree; Institute of Foreign Languages; Moscow Aviation Institute (National Research University)

125993, Russia, Moscow, Volokolamsk highway, 4

✉ ggreee_1@mail.ru



Abstract. The current article is devoted to the analysis of linguistic features in English texts related to civil aviation. The subject of this research is the stylistic peculiarities of texts on civil aviation, which are achieved through certain language means. Research in the article is done on the basis of scientific and technical styles. From the point of view of linguistics, stylistics, grammar and vocabulary are considered in relation to scientific and technical literature. In the research, the author applied the following research methods : a descriptive method used to identify, interpret and classify linguistic means characteristic of the aviation texts, a contextual analysis method used to reveal the peculiarities of functioning of different means belonging to various language levels in scientific prose. The scientific novelty of this research consists in the conducted for the first time complex study of stylistic, lexical, morphological and syntactic features inherent to English-language texts on civil aviation. There are no monographic works devoted to this topic. The study, conducted in the article, revealed that English civil aviation texts are characterized by the presence of clearly defined causative-consecutive connections, as well as by accuracy, clarity, the author's objective attitude to the facts, and the information richness of the material, which is expressed in the text with the help of various language means. These language means may not have direct correspondence in the translating language, thus cause difficulties when translating specialized texts, and require special professional skills of translators. Knowledge and mastery of these language tools will allow to feel competitive at the international market.

Keywords: non-finite forms, terminology, general technical vocabulary, syntactic constructions, morphological peculiarities, lexical means, language means, civil aviation, scientific and technical text, attributive groups

References (transliterated)

1. Razinkina N.M. Stilistika angliiskogo nauchnogo teksta. M.: Editorial URSS, 2005.
2. Retsker Ya.I. Metodika tekhnicheskogo perevoda. M.: Drofa, 2009.
3. Strelkovskii G.M., Latyshev L.K. Nauchno-tekhnicheskii perevod: Posobie dlya uchitelei nem.yaz. M.: Prosveshchenie, 1980.
4. Khomenko S.A. Osnovy teorii i praktiki perevoda nauchno-tekhnicheskogo teksta s angliiskogo yazyka na russkii. Minsk: BNTU, 2013.
5. Byrne J. Technical Translation Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht: Springer, 2006.
6. Bowker L. Lexicography, Terminology, and Translation: Text-based studies in honour of Ingrid Meyer. Ottawa: University of Ottawa Press, 2006.
7. Vlasko N.K. Osobennosti nauchno-tekhnicheskogo teksta na grammaticheskom urovne v kurse prepodavaniya angliiskogo yazyka v neyazykovom vuze // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2016. №. 3-2. M.: Akademiya Estestvoznaniya. S. 159-161.
8. ACRP RESEARCH REPORT 16: Guidebook for Managing Small Airports. Washington, DC: The National Academic Press, 2019.

9. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // English for specific Purposes. 2001. № 20. Pp. 83-102.
10. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. Harlow: Longman Pearson Education, 1999.

Reflection of the nature of interethnic relations in the literature of Buryatia

Serebryakova Zoya Aleksandrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature and Linguistics, East-Siberian State Institute of Culture

670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Tereshkova str., 1

✉ serebryakovaza@mail.ru



Chimitova Irina Zorigtoevna

PhD in Sociology

Senior Lecturer, Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov

670024, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Pushkin str., 8

✉ rindaol@mail.ru



Abstract. The subject of the article is the reflection of interethnic relations in the works of Buryat writers narrating about different periods of Buryatia's history (the novels "The Steppe Woke Up" by J. Tumunov, "Singing Arrows" by A. Balburov, "Stolen Happiness" by D-R. Batozhabai, "Steppe Roads" and "The Year of the Fire Snake" by Ts-Zh. Zhimbiev, "Alar-Gol" by P. Malakshinov, "The Righteous Path" by B. Sanzhin, Ch. Tsydendambaev's diology about D. Banzarov, the novels "My Little Marikan", "The Path of Samagir" and "Beyond the Gorge of Seven Wolves" by M. Zhigzhitov).

The aim of the article is to study the peculiarities of interethnic relations in Buryat prose. The methodology of the work is based on the application of complex, socio-historical and comparative approaches to the analysis of the representation of interethnic relations in Buryat literature.

The results of the work are confirmed both by the volume of the studied literary material and by the literary analysis based on the significant works of regional philology. The article proves that the theme of interethnic interaction is most thoroughly revealed by the authors when depicting the turn of the XIX-XX centuries and the Soviet period. Meanwhile, the works about the era of Peter the Great and the events of the first half of the XIX century also convincingly show the nature of interethnic relations.

The results of the study contribute to a fuller understanding of the history and dynamics of interethnic relations in such a multi-ethnic region as Buryatia and Eastern Siberia in general. The results of the study can be used in teaching classes on the history of Buryat and other Siberian literatures in universities and colleges, as well as in the preparation of educational and awareness-raising activities.

Buryat prose convincingly shows typical manifestations and the essence of interethnic relations of the peoples of Buryatia. They are characterised as friendly, good-neighbourly, due to the similarity of basic values and orientation of representatives of different nationalities, who have become closer over a long time of being on a common land.

Keywords: Russia, Buryatia, history, character, writer, Buryat novel, Buryat literature,

Russians, interethnic relations, Buryats

References (transliterated)

1. Bal'burov E. A. Novatorstvo vremeni // *Baikal*. 1971. № 4. S. 80–88.
2. Tumunov Zh. T. Step' prosnulas' / avtoriz. per. s buryat. A. Mitrofanova i S. Rodova. Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo, 1972. 366 s.
3. Tsydendambaev Ch. Dorzhi, syn Banzara / avtoriz. per. s buryat. Mikh. Stepanova. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 1969. 421 s.
4. Tsydendambaev Ch. Vdali ot rodnokh stepei / per. s buryat. M. N. Stepanova. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1962. 394 s.
5. Makhatov V. B. Problemy sotsialisticheskogo realizma v buryatskoi literature. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1962. 103 s.
6. Naidakov V. Ts. Obraz Dorzhi Banzarova v dialogii Ch. Tsydendambaeva // *Banzarovskie chteniya, posvyashchennye 170-letiyu so dnya rozhdeniya Dorzhi Banzarova*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1992. S. 118–125.
7. *Istoriya buryatskoi literatury*. T. III. Sovremennaya buryatskaya literatura (1956–1995). Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1997. 298 s.
8. Imikhelova S. S. Mozaika natsional'noi zhizni: o literaturnom protsesse v Buryatii (2010-e gody). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2020. 216 s.
9. Bal'burov A. A. Poyushchie strely. M.: Sov. Rossiya, 1962. 336 s.
10. Zhimbiev Ts-Zh. Stepnye dorogi / per. A. Kitainika // *Zhimbiev Ts-Zh. God ognennoi zmei*. Romany. M.: Izvestiya, 1980. S. 189–439.
11. Malakshinov P. Alar'-gol // *Antologiya buryatskogo romana: V 10-ti t. T.7*. Ulan-Ude: Izd-vo Resp. tipogr., 2008. S. 453–664.

Chinese Modern Science Fiction Literature: Translation and Acceptance in Russia

Fan Tszyalin'

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student, Department of Russian Literature, Heilongjiang University

150006, China, Jilin, Tuanjie Street, Lijing Park

✉ fangjialinsofia@163.com



Abstract. The subject of the study covers the process of translation and distribution of Chinese science fiction literature in the Russian book market. The main attention is focused on the peculiarities of cultural and literary interaction between Russia and China. The study analyzes the methods and strategies used in the translation process, examines their effectiveness and identifies potential problems. Cultural nuances that play a key role in the perception and adaptation of Chinese fiction by Russian readers are also considered. Through a quantitative analysis of translations and reviews, the article seeks to understand how the attitude towards Chinese science fiction literature has changed in Russia since the beginning of the XX century to the present day. The main conclusions of the study are identification of the steady growth in popularity of Chinese science fiction literature in Russia, as well as emphasis on the features and difficulties associated with the process of translating and promoting these works, taking into account cultural nuances. A special contribution of the author to the research of the topic is a deep analysis and systematization of translation

techniques used to preserve the culturally specific features of the source text, as well as an assessment of their impact on the perception of the Russian audience. The novelty of the research lies in the multifaceted analysis of the interaction of Chinese and Russian literary traditions, the consideration of the evolution of the perception of Chinese fiction from the beginning of the XX century to the present, and the identification of key factors determining the successful promotion of Chinese science fiction literature on the Russian market.

Keywords: translation strategies, cross-cultural communication, literary research, distribution, world culture, acceptance, translation, China, Russia, science fiction literature

References (transliterated)

1. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/searchmain?searchstr=Ken+Lyu> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
2. Dzen. URL: https://dzen.ru/a/YDeaOt_D_X3CKfSL (data obrashcheniya: 10.05.2023)
3. Rulate. URL: <https://tl.rulate.ru/> (data obrashcheniya: 20.05.2023)
4. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
5. LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002611710/reviews-zadacha-trjoh-tel-lyu-tsysin> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
6. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/searchmain?searchstr=Nikolai+Karaev> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
7. Superjob. URL: <https://www.superjob.ru/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
8. Lyu Yuikun'. Dusha perevoda-eto ponimanie "golosa" avtora. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/1115/c405057-29648453.html> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
9. Karaev N. Kakuyu fantastiku pishut v Kitae. // Fantastika. Oktyabr' 2017. № 148. s. 132.
10. Ishchenko, V.S. i Dekan', K.Yu. Osobennosti kitaiskoi nauchnoi fantastiki kak zhanra v romane Lyu Tsysin' «Zadacha trekh let» v usloviyakh mezhkul'turnogo prostranstva. // Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve. 2, 8 (noya. 2019), 276-281.
11. Zamalieva Z.I., Faizerakhmanova R.R. Razvitie sovremennoi kitaiskoi fantasticheskoi literatury v XXI veke // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2020. № 3. 201-203.
12. Lyu Tsysin'. per. O. Glushkova. Zadacha trekh tel. M., Eksmo, 2017. str. 8.
13. 王志勤, 谢天振. 2013. 中国文学文化走出去: 问题与反思[J]. 学术月刊, 45(02):21-27. (Van Zhitsin', Se Tyanchzhen'. Kitaiskaya literaturnaya kul'tura na mezhdunarodnoi arene: problemy i razmyshleniya. // Uchenye zapiski, 2013. 45(02): 21-27.)
14. Fantlab. URL: <https://fantlab.ru/art2221?ysclid=laqqf3qbgf321398541> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
15. 宋明炜. 2020, 中国科幻新浪潮: 历史·诗学·文本[M]. 上海文艺出版社. (Sun Minvei. Novaya volna kitaiskoi nauchnoi fantastiki: istoriya, poetika, tekst. // Shankhaiskoe literaturnoe izdatel'stvo. 2020. str. 20.)
16. Khua Men'zhou Rasprostranenie i razvitie kitaiskoi nauchnoi fantastiki v rossii (na primere nauchnofantasticheskogo romana lyu tsysinya) // Obrazovanie i pravo. 2020. № 7.
17. Zamalieva Z.I., Faizerakhmanova R.R. Razvitie sovremennoi kitaiskoi fantasticheskoi literatury v XXI veke // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2020. № 3.
18. Yu.S. Korobeinikova O fantastike i fantasticheskoi literature // MNKO. 2022. № 6 (97).

19. N.K.Nazarova Fantastika na prostorakh ekrana // Oriental Art and Culture. 2022. №1.
20. Bialovons (Kamennaya) Elena Yur'evna Perevod okkazionalizmov v proizvedeniyakh sovremennoi fantastiki // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2011. № 1.